

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2024`3

Кермен Толга

• Djangar
• Barun

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2024. № 3

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2024. № 3

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:
33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2024. No. 3

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук; *Баянова А. Т.*, канд. фил. наук;
Ванчинова Ц. П., д-р ист. наук; *Голенкова З.Т.*, д-р филос. наук;
Дампилова Л. С., д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Зайцев И. В., д-р ист. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лукьяшко С. И., д-р ист. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ринчинов О. С., канд. физ.-мат. наук, д-р ист. наук;
Ситдииков А. Г., д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

Е-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Дизайн: Д. В. Татнинов

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2024

© Коллектив авторов, 2024

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.,* Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy)
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.,* Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.,* Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.,* Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.,* Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.,* Dr. Sc. (History);
Lukjashko S. I., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.,* Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.,* Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.,* Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.,* Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.,* Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology);
Yarmarkina G. M., Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: B. O. Nominkhanova

Design: D. V. Tatninov

Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2024

© Composite authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

- Лапшина З. С., Бодэн М., Кузьмин Я. В.** Датирование культурных отложений многослойного поселения Хумми в Хабаровском крае . . . 8
- Флёров В. С.** Правобережная Цимлянская крепость в историографии первой трети XX в. 29

Источниковедение

- Манджикова Л. Б.** Клятвенное обещание зайсанга Ц. Нусхаева на верность службе как источник по изучению процесса интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему 48
- Гунаев Е. А.** Материалы газеты «Астраханский листок» 1913 г. как источники по вопросам реформирования судебного устройства в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде в начале XX в. . . . 68

Литературоведение

- Узденова Ф. Т., Толгуров Т. З.** Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус дилогии А. М. Урусовой «Айсанат» 87
- Аракелова М. Р., Фокин А. А.** Поэтика письма-вещи в эпических произведениях И.Д. Сургучева 106
- Бронская Л. И., Иванова И. Н.** «Мемуарный роман» Е. В. Гришковца в аспекте поэтики «автофикшн» 121

Социология

- Бадмаева Н. В.** Влияние обеспеченности ресурсами здравоохранения на младенческую смертность в южнороссийских регионах 136
- Чимбеева И. Э.** Доступность жилья для молодежи в Республике Калмыкия 155
- Дьякова В. В.** Асимметрия миграции молодежи Юга России: социологический анализ 174
- Шахбанова М. М.** Религиозность дагестанской молодежи 191

CONTENT

Archaeology

- Lapshina Z. S., Boudin M., Kuzmin Ya. V.** Dating of Cultural Deposits of the Multilayered settlement of Khummi in Khabarovsk Province 8
- Flyorov V. S.** The Right-bank Tsimlyanskaya Fortress in the Historiography of the first third of the 20th Century 29

Source Studies

- Mandzhikova L. B.** The Sworn Promise of Zaisang Tsyuryum Nushaev for Fidelity to Service in the Position of Guardian of Erketenevsky Ulus, given by him on April 12, 1855 48
- Gunaev E. A.** Materials of the Newspaper “Astrakhanskiy Listok” in 1913 as Sources on the Reform of the Judicial System in the Kalmyk Steppe and the Inner Kyrgyz Horde at the Beginning of the 20th Century 68

Literature Studies

- Uzdenova F. T., Tolgurov T. Z.** New Written Novel’s Architectonics: the Narrative’s Features and Evolutionary Status of the Dilogy “Aisanat” by A. Urusova 87
- Arakelova M. R., Fokin A. A.** Poetics of Writing-things in the Epic Works of I. D. Surguchev 106
- Bronskaya L. I., Ivanova I. N.** “Memoir Novel” by E. Grishkovetz in Terms of Poetics of “Autofiction” 121

Sociology

- Badmaeva N. V.** The Impact of Health Resource Availability on Infant Mortality in Southern Russian Regions 136
- Chimbeevea I. E.** Accessibility of Housing for Young People in the Republic of Kalmykia 155
- Dyakova V. V.** Asymmetry of Youth Migration in the South of Russia: Sociological Analysis 174
- Shakhbanova M. M.** Religiosity of Dagestan Youth 191

Датирование культурных отложений многослойного поселения Хумми в Хабаровском крае

*Зоя Степановна Лапина*¹, *Метье Бодэн*²,
*Ярослав Всеволодович Кузьмин*³

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН (д. 89, ул. Пушкинская, 690950 Вла-
дивосток, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, докторант

 0000-0002-4283-7365. E-mail: ihae[at]eastnet.febras.ru

² Королевский институт культурного наследия (Parc du Cinquantenaire 1,
1000 Брюссель, Бельгия)

Ph. D (Археология), заведующий лабораторией

 0000-0002-3991-1026. E-mail: mathieu.boudin[at]kikirpa.be

³ Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН (д. 3,
пр. Коптюга, 63090 Новосибирск, Россия)

доктор географических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4512-2269. E-mail: kuzmin[at]fulbrightmail.org

© КалмНЦ РАН, 2024

© Лапина З. С., Бодэн М., Кузьмин Я. В., 2024

Аннотация. В статье показана история (1992–2022 гг.) хронологиче-
ских исследований опорного археологического памятника Нижнего
Приамурья — многослойного поселения Хумми. Основное внимание
уделено датированию нижнего культурного слоя, содержащего ма-
териалы осиповской культуры начального неолита. В работе пред-
лагается анализ процесса отбора проб, их исследование, получение
радиоуглеродных дат; обсуждаются вопросы соотносимости полу-
ченных датировок содержанию культурного слоя. Новой страницей
исследований поселения Хумми стали первые четыре радиоугле-
родные даты верхнего слоя, содержащего остатки вознесенской
культуры позднего неолита. В качестве материала для определения
возраста слоев использованы различные углеродсодержащие матери-
алы (уголь, органика в керамике и нагар на поверхности керамики).

Итогами тридцатилетних исследований стало определение времени заселения и обитания двух групп носителей осиповской культуры начального неолита: XIV–XIII тыс. лет назад (15 900–12 800 календарных лет назад или 14 000–10 800 гг. до н. э.) и XI тыс. лет назад (12 400–12 200 календарных лет назад или 10 500–10 200 гг. до н. э.). Установлено появление этих групп с перерывом примерно в 1 000 лет. Датирование верхнего культурного слоя указало на время существования вознесеновской группы насельников: V–IV тыс. лет назад (около 4 900–4 100 календарных лет назад или 3 000–2 200 гг. до н. э.). Полученные данные позволяют в определённой степени реконструировать события, связанные с заселением берега протоки в раннем голоцене; начального освоения рыболовных угодий района озера *Хумми*, вызвавших к жизни новый тип хозяйствования и культуры оседлых рыболовов. Датировки верхнего культурного слоя позволили уточнить время пребывания на берегу протоки группы вознесенцев, носителей сложившейся и развитой культуры оседлых рыболовов.

Ключевые слова: археология, Нижнее Приамурье, радиоуглеродное датирование, хронология, осиповская культура, вознесенская культура

Благодарность. З. С. Лапшина выражает глубокую благодарность д-ру ист. наук В. Е. Медведеву и д-ру ист. наук Ю. Б. Цетлину за помощь и содействие в исследовании материалов поселения *Хумми*.

Для цитирования: Лапшина З. С., Бодэн М., Кузьмин Я. В. Датирование культурных отложений многослойного поселения *Хумми* в Хабаровском крае // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 8–28. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-8-28

Dating of Cultural Deposits of the Multilayered Settlement of Khummi in Khabarovsk Province

Zoya S. Lapshina¹, Mathieu Boudin², Yaroslav V. Kuzmin³

¹ Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

Cand. Sc. (History), Doctoral Candidate

 0000-0002-4283-7365. E-mail: ihae[at]eastnet.febras.ru

² Royal Institute of Cultural Heritage, Brussels, Belgium

Ph. D. (Archaeology), Head of Laboratory

 0000-0002-3991-1026. E-mail: mathieu.boudin[at]kikirpa.be

³ Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS, Novosibirsk, Russia.
Dr. Sc. (Geography), Leading Research Associate
 0000-0002-4512-2269. E-mail: kuzmin[at]fulbrightmail.org

© KalmSC RAS, 2024

© Lapshina Z. S., Boudin M., Kuzmin Ya. V., 2024

Abstract. The work shows the history (1992–2022) of chronological studies of the key archaeological site of the Lower Amur region - the multi-layer settlement of Khummi. The main attention is paid to dating the lower cultural layer containing materials from the Osipovskaya culture of the initial Neolithic. The work proposes the analysis of the sampling process, their study, obtaining radiocarbon dates; The issues of correlation of the obtained datings with the content of the cultural layer are discussed. A new page in the research of the Hummi settlement was the first four radiocarbon dates of the upper layer containing the remains of the Voznesenovskaya culture of the late Neolithic. Various carbon-containing materials (coal, organics in ceramics and carbon deposits on the surface of ceramics) were used as materials to determine the age of the layers. The results of the thirty years research were the determination of the time of the settlement and habitation of two groups of carriers of the Osipovskaya culture of the initial Neolithic: XIV–XIII thousand years ago (15,900–12,800 calendar years ago or 14,000–10,800 BC) and XI thousand years ago (12,400–12,200 calendar years ago or 10,500–10,200 BC). The appearance of these groups was established with a gap of approximately 1000 years. Dating of the upper cultural layer indicated the time of existence of the Voznesenovsky group of inhabitants: V–IV thousand years ago. (about 4,900–4,100 cal BP or 3,000–2,200 BC). The data obtained made it possible, to a certain extent, to reconstruct the events associated with the settlement of the bank of the channel in the early Holocene; the initial development of the fishing grounds of the Lake Hummi region, which gave rise to a new type of management and culture of sedentary fishermen. Dating of the upper cultural layer made it possible to clarify the time of stay of the Voznesenovtsy group, carriers of an established and developed culture of sedentary fishermen, on the bank of the channel.

Keywords: archaeology, Lower Amur region, radiocarbon dating, chronology, Osipovka Culture, Voznesenovka Culture

Acknowledgements. Z. S. Lapshina expresses her deep gratitude to Dr. Sc. (History) V. E. Medvedev and Dr. Sc. (History) B. Tsetlin for their help and assistance in researching the materials of the Khummi settlement.

For citation: Lapshina Z. S., Boudin M., Kuzmin Ya. V. Dating of Cultural Deposits of the Multilayered settlement of Khummi in Khabarovsk Province. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 8–28. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-8-28

1. Введение

Многослойное поселение *Хумми* находится в Комсомольском районе Хабаровского края. Оно расположено на высоком правом берегу Хуммийской протоки р. Амур, в 20 км на юг от г. Комсомольска-на-Амуре (см. илл. 1). Памятник исследуется одним из авторов статей (З. С. Лапшиной) с 1989 г. Культурные отложения занимают пологую площадку северо-западного и юго-восточного склонов коренного берега протоки. Нижний культурный слой приурочен к легким цветным суглинкам, относится к осиповской культуре начального неолита и подстилает вознесеновский неолитический слой в серовато-коричневатом суглинке (см. илл. 2). Артефакты раннего железного века и раннего средневековья залегают в нижней по склону части памятника. Хронологическое исследование было сосредоточено прежде всего на нижнем культурном слое, в вознесеновском слое не удавалось собрать качественные пробы угля для анализа.

Цель статьи — показать историю хронологических исследований памятника, систематизировать сведения об имеющихся определениях возраста и ввести в научный оборот новые даты по данным радиоуглеродного анализа, а также выявить хронологические периоды обитания носителей осиповской и вознесеновской археологических культур на берегу Хуммийской протоки.

2. История исследований

Калибровка ^{14}C дат (см. табл. 1) проведена в соответствии с данными IntCal20, с помощью компьютерной программы CalibRev 8.1.0 (которая находится в свободном доступе¹).

Радиоуглеродное (далее — ^{14}C) датирование проводилось с использованием проб угля, а также органики внутри керамических фрагментов и нагара на поверхности керамического черепка. Об-

¹ CALIB rev. 8; Stuiver, M., and Reimer, P.J., 1993, Radiocarbon, 35, 215-230 [электронный ресурс] // URL: <http://calib.org/calib/> (дата обращения: 24.02.2024).

разцы с индексами АА и RICH получены методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС) (accelerator massspectrometry, AMS), а даты с индексами СОАН и ГИН — традиционным в России жидкостно-сцинтилляционным методом. В описании датирований использована сплошная нумерация, соответствующая времени получения результата.

Первая попытка датирования связана с пробой угля, собранного в квадрате Б-8 на раскопе 2 в слое серовато-желтого суглинка на глубине 25–27 см от поверхности в 1992 г. Датирование образца получено в 1994 г.: 7 760±120 лет назад ГИН-6945 [Lapshina 1994: 153]. В первой публикации полученная дата расценивалась как попытка хронологически определить содержание культурных остатков. В статье автора раскопок, посвященной ранней керамике *Хумми*, она отнесена к подошве верхнего слоя, хотя оговаривается, что уголь собран в слое серовато-желтого суглинка, относящегося к осиповской культуре, а не в серовато-коричневом суглинке, где залегают остатки верхнего культурного слоя [Лапшина 1995].

Новая трактовка связана с увеличением количества радиоуглеродных дат. В 1995 г. для нижнего слоя получены новые результаты радиоуглеродного датирования: 10 345±110 лет назад АА-13391 по пробе 2 в раскопе 2 (1992 г.), из углистой ямки 2 в центральной бровке квадратов А, Б-9 на глубине 25–30 см от поверхности. Она отнесена к верхнему горизонту нижнего слоя [Лапшина 1999: 31]. Дата — 13 260±100 лет назад АА-13392 по пробе из раскопа 2 (1992 г.), в квадрате А-11, на глубине 45–55 см от поверхности в очаге 1, углубленном на 10 см в материк (коричневый влажный комковатый средний суглинок) [Kuzmin et al. 1996; Лапшина 1995: 106; Лапшина 1996: 119–120].

Дата 23 160± 210 лет назад имеет отдельную историю: получена в 1997 г. по пробе 1, собранной в 1996 г. в раскопе 4, квадрате Вϕ-5 в верхнем горизонте нижнего слоя. Находки в данном квадрате отсутствовали, уголь был взят из углистого пятна размерами 33 x 27 см глубиной 1,0–1,5 см в северо-западной части квадрата на глубине примерно 27–28 см. Рядом в южной части квадрата обнаружился комплекс с плитками. Проба 1 была отдана в две лаборатории: Сибирского отделения академии наук (далее — СОАН) и Университета Аризоны. В СОАН — результат не получен. В Уни-

верситете Аризоны анализ был проведен успешно, была получена дата $23\ 160 \pm 210$ лет назад (AA-23129). Эта дата выпадает из контекста не только слоя, но и памятника в целом.

В монографии «Древности озера Хумми» З. С. Лапшина анализирует ситуацию с временным разбросом дат $7\ 760 \pm 120$ и $13\ 260 \pm 100$ лет назад: две пробы, взятые практически на небольшом расстоянии одна от другой, отличались большим временным разрывом. Разброс дат объяснялся качеством проб: для первой из них уголь был собран на площади $4\ \text{м}^2$, а вторая проба была взята со дна очага. В тот момент дата $7\ 760 \pm 120$ лет назад представлялась более достоверной для верхнего горизонта нижнего слоя [Лапшина 1999: 31]. Дальнейшие исследования показали, что она выпадает из общего контекста содержания слоя и в целом памятника. В монографии также приведена дата 42 800 лет назад и никак не прокомментирована. Она получена по пробе 4 из углистой ямки на участке квадрата Б-22 раскопа 2 на глубине 63 см от поверхности. На этом уровне находки не обнаружены. Отбор пробы осуществлен в 1992 г., а в 1995 г. получен следующий результат датирования $42\ 800 \pm 1\ 900$ лет назад AA-19394. Место отбора пробы на участке квадрата Б-22 является мерзлотным клином, который выпятился над древней дневной поверхностью, он обнажился при зачистке материка. Это место осматривалось д-ром геогр. наук А. Н. Махиновым, он в устной беседе подтвердил криогенный характер выступающего участка древней поверхности. В нем были только угольки, углистая ямка, находок не обнаружено. Возможно, это уголь от лесных пожаров. Подобный мерзлотный клин встретился в квадратах А, Б-35–36 в раскопе 3. Аналогичные криогенные клинья обнаружены на памятнике *Гончарка 1* [Шевкомуд, Яншина 2012: 47].

Дата $12\ 425 \pm 850$ лет назад СОАН-3583 получена в 1997 г. В статье З. С. Лапшиной «Древности финала плейстоцена — начала голоцена на Амуре» дата предварительно отнесена к среднему горизонту слоя, что не подтвердилось дальнейшими изысканиями [Лапшина 2000: 190]. Проба собрана в квадрате Аϕ-6 раскопа 4 на глубине примерно 40–42 см от поверхности [Лапшина 2009: 125]. Материал для датирования залегал в серовато-желтом суглинке в виде скопления угольков возле разрушенного корнями дерева оча-

га жилища № 1, в непосредственной близости от которого было раскопано большое число артефактов. В квадратах Аϕ-6 и Бϕ-6 раскопана производственная зона, где обнаружены краевой скол с клиновидного нуклеуса, два лыжевидных скола, сверло, четыре микропластинки, более двух десятков усеченных ножевидных пластин, а также скопление из 105 отщепов и 289 чешуек. Этой датой определена хронология нижней части серовато-желтого суглинка. Она отличается от даты из квадрата А-11 (раскоп 2), где датировано вступление очага 1 в материк (коричневый средний суглинок). Обе даты определяют хронологию нижней части осиповского культурного слоя. Впервые она опубликована в коллективной статье в сборнике материалов международного симпозиума Института археологии и этнографии СО РАН [Джалл и др. 1998: 63–68].

В мае 1997 г. получена дата $10\ 540 \pm 70$ лет назад АА-23.130 из пробы 3, собранной в 1995 г. (раскоп 4), в среднем горизонте квадрата А`-6 на глубине примерно 30–32 см от поверхности в серовато-желтом суглинке. Здесь найдены два наконечника стрел (целый и обломок), бусина из алевролита удлиненно-овальной формы, тесло и другие артефакты. Рядом с этим скоплением артефактов обнажилось узкое длинное углистое пятно, из которого и взята проба 3. В квадратах А, Б`-6 раскопано скопление следующих предметов: более десяти наконечников стрел, копий, дротиков, скребков и скобелей, микропластинки, проколки и сверла. По северо-восточной стенке найдены два фрагмента керамики, два краевых скола с клиновидных нуклеусов, пластинка и вторая крупная бусина из голубовато-зеленоватого алевролита, аналогичная найденной в квадрате А`-7 [Лапшина 2002: 52–53; Лапшина 2009: 122–123]. По сырью и типу бусины соответствовали тем, что были обнаружены в 1992 г. в квадрате Б-6 раскопа 2. Таким образом датированы материалы среднего горизонта нижнего слоя [Джалл и др. 1998: 63–68]. В 2011 г. находки украшений и других артефактов датированного среднего горизонта нижнего слоя Хумми были представлены автором раскопок в докладе на III (XIX) Всероссийском археологическом съезде (Старая Русса – Новгород Великий) [Лапшина 2011: 165–166].

В 1998 г. колонка дат памятника пополнилась новой: $12\ 150 \pm 110$ лет назад СОАН-3826, получена по пробе 5 (отобрана в

1997 г.) из квадрата В`-8 раскопа 4. Детали отбора пробы: углистое пятно находилось над очагом 5 на уровне примерно 42–43 см от поверхности, очаг обнажился на глубине 44–45 см от поверхности. В документах и публикациях приурочен к очагу [Лапшина 2002: 54]. В очаге не обнаружены частицы угля хорошей сохранности, его заполнение представляло собой углисто-сажистую массу. Проба изучалась в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя СОАН, в 1998 г. получен результат. Предварительно эта дата соотносилась с границей среднего и нижнего горизонтов нижнего слоя [Лапшина 2002: 64; Лапшина 2009: 128].

В 2022 г. получена еще одна дата для нижнего слоя *Хумми* — $10\ 820 \pm 40$ лет назад RICH-30588.1.1 — по пробе 6 угля, отобранного в 1997 г. в квадрате Вϕ- 8 в юго-восточном углу на глубине 35–40 см. Она важна для изучения содержания среднего горизонта нижнего слоя. В границах квадратов Вϕ-7 и Вϕ-8 имелось мощное скопление артефактов, жилая и производственная зона: на площади квадрата Вϕ-8 раскопан очаг 5, вокруг него залегали копыя, дротики, обломки пластин и пластинок, бифасы, тесловидные и скребловидные изделия, отщепы, среди них встречались мелкие фрагменты керамики [Лапшина 2002: 54; Лапшина 2009: 126, 128].

3. Датирование органики в керамике осиповского слоя *Хумми*

Важным направлением в изучении возраста находок стало датирование слоя по органике, содержащейся в керамической посуде. Первый опыт этого метода — дата $12\ 010 \pm 105$ лет назад AA-20932 — получена по органике в формовочной массе осиповской керамики из квадратов А, Б-10 раскопа 2, собранных на глубине 23–25 см от поверхности, в нижнем горизонте слоя. Верхний слой на этом участке раскопа сохранился незначительно. Исследование проводилось по общей органике, извлеченной путем нагревания керамики с окисью меди при температуре около 1000° Цельсия [O'Malley et al. 1999: 19–24]. Содержание углерода в образце составило 2,4 %, что свидетельствует о том, что выделен именно углерод из органики, присутствующей в формовочной массе.

В отношении состава формовочной массы осиповской керамики следует учитывать новые данные, полученные по коллек-

циям ряда памятников осиповской культуры. Исследования проводились в Лаборатории «Древней керамики» Отдела методики и теории Института археологии РАН, возглавляемой д-ром ист. наук Ю. Б. Цетлиным, по коллекциям керамики осиповского слоя поселений Гася, Гоян, Осиповка 1, Громатуха, Новопетровка 2, Малышево 1, Амурский санаторий, Шереметьево, Казакевичево, которые предоставил д-р ист. наук В. Е. Медведев (Институт археологии и этнографии СО РАН). По итогам работ выделены общие для всех осиповцев гончарные традиции и локальные особенности отдельных памятников, культурная однородность обитателей поселений и несколько вариантов гончарных навыков внутри общей традиции; намечена также хронологическая последовательность начала изготовления глиняной посуды в поселениях культуры. К примеру, наиболее ранними оказались навыки изготовления посуды в поселении Гоян [Цетлин, Медведев 2015: 303, 306]. Особенно важным в контексте данной работы стало выявление факта использования осиповскими гончарами в качестве пластичного сырья природного ила (равнинного или горного), в равнинном иле содержалась естественная растительная органика [Цетлин, Медведев 2015: 303, 306].

На базе полученного опыта в той же Лаборатории «Древней керамики» Института археологии РАН изучалась ранняя керамика поселения *Хумми* [Лапшина 2023]. Автором раскопок была представлена коллекция из 46 единиц (из них отобрано 44 образца). В ней содержались фрагменты керамики двух групп: первая из нижнего, а вторая из среднего горизонтов нижнего слоя. В 2021 г. Ю. Б. Цетлин представил итоги исследований, которые подтверждали причастность керамики к осиповской культуре, разделение на две группы (более раннюю и более позднюю), общие традиции и отличительные признаки для каждой из групп. В качестве исходного сырья использовался равнинный и горный ил. При использовании равнинного ила в формовочной массе оказывалась водная растительная органика [Цетлин 2021: 1–3]. Ранее ее присутствие в составе осиповской керамики рассматривалось как характерная черта рецепта приготовления формовочной массы [Лапшина 1995: 106]. Органика и послужила материалом для датирования содержимого слоя, более того, она показала, что в нижнем слое содер-

жаты остатки материальной культуры двух групп осиповцев [Лапшина 2023: 116; Цетлин 2021: 1–4].

4. Изучение состава липидов

Помимо датирования угля и органики в керамике осиповского слоя *Хумми*, проведено изучение состава липидов (жирных веществ) в нагаре на поверхности сосудов. Проектом охвачены археологические культуры неолита Приамурья и других территорий юга Дальнего Востока России. Керамика предоставлена одному из авторов статьи (Я. В. Кузьмину). Образцы отобраны из нижнего горизонта нижнего слоя квадратов Е`-8 (1 ед.) и Ж`-8 (1 ед.) раскопа 4 на глубине примерно 40–46 см. По результатам изучения установлено, что в керамических сосудах *Хумми* варились продукты различного происхождения: мясо наземных животных и рыбы (проходного лосося и пресноводной). Такие же результаты получены по керамике поселений *Гася* и *Гончарка-1*. Таким образом, очевидно, что древнейшие на Дальнем Востоке России керамические емкости использовались для приготовления пищи, включая рыбу [Shoda et al. 2020].

Остатки вознесенской культуры встречались на площади раскопов 1–2, 4. Нижняя часть раскопа 2 (после квадраты 20–22) и вся площадь раскопа 3 отличаются перемешанностью верхнего слоя вследствие склоновых процессов и антропогенного фактора (слой слабогумусированного суглинка коричневого с буроватыми оттенками цвета, по толщине он варьирует от 20–24 см, местами до 3,0 см). В нем часто встречается керамика красно-коричневая, с бурыми и черными пятнами, с орнаментом, имеющим вертикальный и горизонтальный зигзаг. В этом же слое обнаружена урильская керамика, плотная, однородная по окрасу, имеет красно-оранжевый цвет, в ней просматриваются средние и крупные включения дресвы, украшена сетчатыми оттисками по тулову.

Вознесенская керамика поселения *Хумми* исследовалась по материалам раскопок и коллекций из подъемных сборов, одними из направлений были термический и петрографический анализ в минералого-петрографической лаборатории Института геологии Дальневосточного отделения РАН («Дальгеология», гор. Хабаровск) [Лапшина 1999: 36-41, приложение 4: 196–200]. Чтобы

получить полную характеристику вознесенского комплекса, необходимы были радиоуглеродные исследования, однако качественных проб угля собрать не удавалось. Первые даты получены в 2022 г. способом датирования по органике внутри сосуда и нагара на его поверхности на трех фрагментах венчиков и на обломке стенки сосуда. Образцы (три фрагмента венчика и один фрагмент стенки) красно-коричневого цвета снаружи и черно-коричневые задымленные изнутри, рыхлые и легкие, украшены вертикальным и горизонтальным зигзагами, взяты из квадратов А, Б-6-28 на глубине примерно 20–24 см от поверхности. Получены четыре даты ^{14}C : $4\ 360 \pm 30$ лет назад RICH-30587.1.1; $3\ 770 \pm 30$ лет назад RICH-30590.1.1; $4\ 340 \pm 30$ лет назад RICH-30591.1.1; $4\ 130 \pm 30$ лет назад RICH-30589.1.1. (см. илл. 3). Общие итоги радиоуглеродных исследований верхнего и нижнего слоев поселения приводятся в табл. 1.

5. Обсуждение

Нижнее Приамурье является одним из регионов, где керамические сосуды появляются необычайно рано, около 16 000 календарных лет назад [Окладников, Медведев 1983; Жущиховская 1994; Жущиховская 2004; Цетлин, Медведев 2015; Лапшина 1995; Лапшина 1999; Kuzmin 2015; Kuzmin 2017]. Вопросы хронологии начального неолита юга Дальнего Востока России имеют прямое отношение к более общей проблеме возникновения гончарства в Юго-Восточной Азии, куда также входят Китай и Япония [Kaner, Taniguchi 2018].

В поселении Хумми в 1992 г. обнаружена керамика, сопровождавшаяся каменной индустрией позднепалеолитического облика. В 90-х гг. XX в. памятник стал вторым, после поселения Гася, содержащим раннюю керамику [Окладников, Медведев 1983: 93–97; Лапшина 1995: 104–106; Лапшина 1996: 119–120]. Это обстоятельство обострило внимание к нижнему слою и радиоуглеродному датированию материалов. С 1992 г. по 2022 г. шел процесс отбора проб и датирования нижнего слоя Хумми. В настоящее время создана колонка из десяти дат, среди них — семь, безусловно, надежных. В табл. 2 приводятся радиоуглеродные даты, соответствующие содержанию культурных напластований памятника.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты многослойного поселения Хумми

№	Культура	Годы отбора проб / полученные даты	Слой, раскоп, квадрат, глубина (см)	¹⁴ C дата (лет назад)	Индекс	Материал	Календарная дата (лет назад)	Календарная дата (гг. до н. э.)
1	?	1992 / 1994	Нижний слой, раскоп 2, квадрат Б-8, глубина 25–27 см от поверхности	7 760 ±	ГИН-6945	уголь	8 370–8 980	7 030–6 420
2	Осиповская	1992 / 1996	Нижний слой (средняя часть), раскоп 2, квадрат А-Б-9, глубина 25–30 см от поверхности	10 345±	АА-13391	уголь	11 760–12 620	10 670–9 810
3	Осиповская	1992 / 1995	Нижний слой (нижняя часть), раскоп 2, квадрат А-11, глубина 45–55 см от поверхности	13 260±	АА-13,392	уголь из очага 1	15 620–16 260	14 310–13 680
4	Природный объект	1992 / 1995	Нижний слой (нижняя часть), раскоп 2, квадрат Б-22, гл. 63 см от поверхности	42 800±	АА-19394	уголь, мерзлотный клин	—	—

5	Осиповская	1992 / 2017	Нижний слой (нижняя часть), раскоп 2, квадрат А, Б-10, глубина 23–25 см от поверхности	12 010±	АА-20932	органика внутри ке-рамики	13 610–14 090	12 140–11 660
6	Вознесенская	1993 / 2022	Верхний слой, раскоп 3, квадрат 26 глубина 20–24 см от поверхности	4 360 ±	RICH-30587.1.1	нагар на ке-рамике	4 850–5 030	3 080–2 900
7	Вознесенская	1993 / 2022	Верхний слой, раскоп 3, квадрат 26, глубина 20–24 см от поверхности	4 340 ±	RICH-30591.1.1	органика внутри ке-рамики	4 840–5 020	3 070–2 890
8	Вознесенская	1993 / 2022	Верхний слой, раскоп 3, квадрат 26, глубина 20–24 см от поверхности	4 130 ±	RICH-30589.1.1	органика внутри ке-рамики	4 530–4 820	2 870–2 580
9	Вознесенская	1993 / 2022	Верхний слой, раскоп 3, квадрат 26, глубина 20–24 см от поверхности	3 770 ±	RICH-30590.1.1	органика внутри че-репка	4 000–4 240	2 290–2 050
10	Вознесенская	1995 / 2022	Нижний слой (нижняя часть), раскоп 4, кв. Аў	12 425±	СОАН-3583	уголь	12 740–17 070	15 120–10 800
11	Осиповская	1995 / 1997	Нижний слой (средняя часть), раскоп 4, квадрат Аў	10 540±	АА-23130	уголь	12 110–12 720	10 770–10 160

12	?	1996 / 1997	Нижний слой (верхняя часть), раскоп 4, квадрат Вў	23,160±	AA-23129	уголь	—	—
13	Осиповская	1997 / 1998	Нижний слой (нижняя часть), раскоп 4, кв. В-8, глубина 35–38 см от поверхности	12 150 ±	СОАН-3826	уголь, очаг 5	13 780– 14 800	12 850– 11 830
14	Осиповская	1997 / 2022	Нижний слой (нижняя часть), раскоп 4, кв. Вў	10 820±	RICH-30588.1.1	уголь	12 730– 12 820	10 870– 10 780

Таблица 2. Хумми. Радиоуглеродные даты в структуре культурных слоев

Культурный слой	Археологическая культура	Горизонт слоя	Дата (лет назад)	Индекс лаборатории
верхний	вознесеновская		3 770±	RICH-30590.1.1
			4 130 ±	RICH-30589.1.1
			4 340 ±	RICH-30591.1.1
			4 360±	RICH-30587.1.1
нижний	осиповская	верхний	—	
		средний	10 345±110	АА-13391
		средний	10 540± 70	АА-23130
		средний	10 820±	RICH-30588.1.1
		нижний	12 010± 105	АА - 20932
		нижний	12,150± 110	СОАН-3826
		нижний	12 425± 850	СОАН-3583
		нижний	13 260±100	АА- 13392

По данным табл. 2, осиповский слой *Хумми* четко разделяется на две группы: нижний горизонт ограничен временем 14–13 тыс. лет назад (15 900–12 800 календарных лет назад или 14 000–10 800 гг. до н. э.), а средний горизонт входит в границы 11 000 лет назад (12 400–12 200 календарных лет назад или 10 500–10 200 гг. до н. э.). Между ними обнаруживается разрыв во времени. На иллюстрации 2 показан стратиграфический разрез и колонка дат для двух культурных слоев, из них верхний слой мощностью 20–24 см, а нижний слой — 40–45 см.

Новейшие исследования ранней керамики *Хумми* выявляют две группы мастеров керамической посуды со сходными и различными традициями. Ранняя группа объединяет посуду нижнего горизонта слоя, а вторая, более поздняя, — фрагменты сосудов из среднего горизонта. Эти открытия подтверждают радиоуглеродные даты.

Полученные сведения открывают новые перспективы изучения материалов нижнего слоя: следом за керамической коллекцией появилась необходимость выделения комплексов каменной индустрии, остатков жилищных пространств и производственных зон, предметов искусства и украшений отдельно для среднего и нижнего горизонтов слоя.

Следует особо подчеркнуть, что и в нижнем, и в среднем горизонтах слоя отсутствуют признаки того, что входит в понятие

«поздней осиповской культуры», предложенное И. Я. Шевкомудом на базе материалов *Гончарки 1*. Судя по материалам этого памятника, поздний этап связан преимущественно с отщеповой индустрией, шлифованными рубящими орудиями, мелкими галечными нуклеусами и в целом мелкими формами орудий и инструментов [Шевкомуд, Яншина 2012: 205].

В поселении *Хумми* на данный момент исследований, за исключением бусин из среднего горизонта нижнего слоя, не применяется шлифование. Техника шлифования известна, но, очевидно, используемая порода каменного сырья позволяет обойтись без этого приема обработки. В качестве заготовок орудий и инструментов доминируют не отщепы и мелкие речные гальки, а крупные усеченные ножевидные пластины и пластинчатые сколы, массивные сколы коррекции с фронтальной плоскости нуклеусов, используются микропластинки и микролиты.

Полученные данные отражают действительное состояние нижнего слоя памятника, в котором верхний горизонт практически пуст, а средний и нижний горизонты имеют наибольшее количество артефактов, очаги, жилищные и производственные комплексы. Отложения верхнего горизонта нижнего слоя показывают угасание и прекращение существования этого местонахождения на несколько тысячелетий.

Для верхнего культурного слоя получены четыре надежные даты, документирующие проживание на берегу протоки вблизи озера *Хумми* в V–IV тыс. лет назад (4 900–4 100 календарных лет назад или 3 000–2 200 гг. до н. э.) новой группы поселенцев раннего этапа вознесеновской археологической культуры позднего неолита.

4. Выводы

Радиоуглеродное датирование имеет важное значение для изучения археологических памятников, позволяя размещать их содержание по хронологической шкале, выявлять процессы заселения отдельных территорий, появление керамической посуды и другие проявления культуры.

Археологический памятник *Хумми* является одним из ключевых объектов с древнейшей керамикой как для Нижнего При-

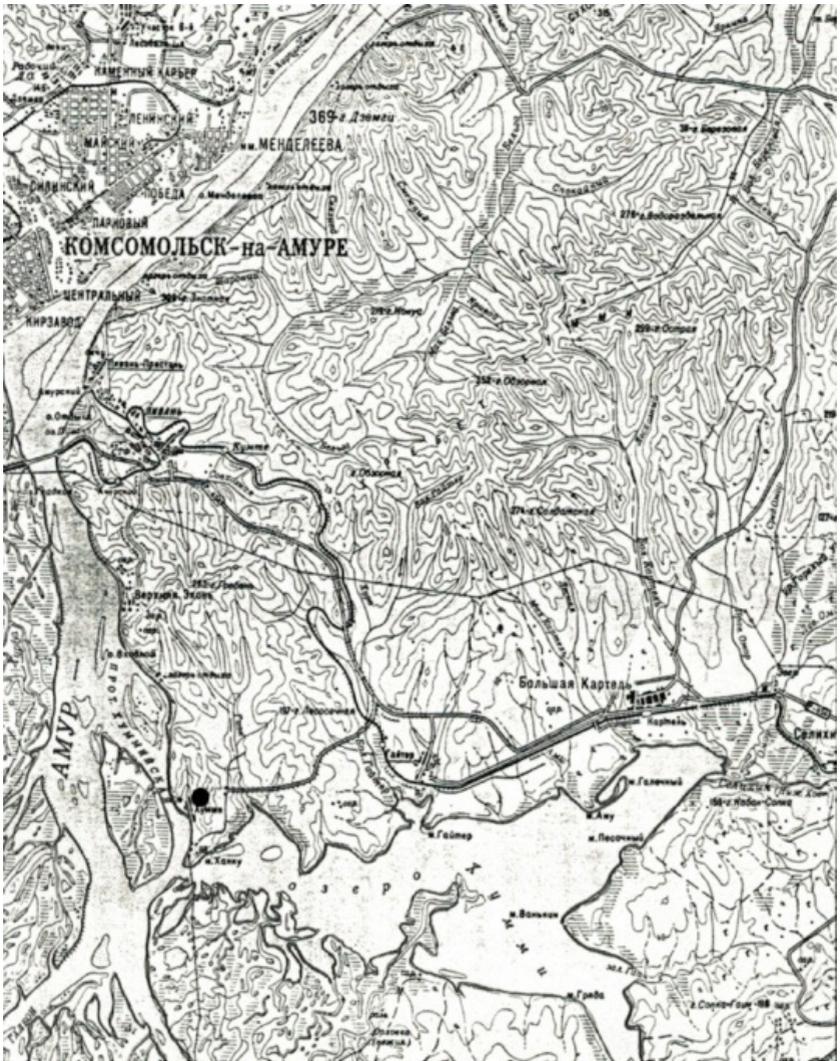
амурия, так и юга Дальнего Востока России, Восточной Сибири, зарубежной Юго-Восточной Азии. Это обосновывало остроту вопроса датирования материалов осиповского культурного слоя. Не менее важны для поселения *Хумми* и приамурской археологии результаты датирования верхнего культурного слоя, относящегося к позднему неолиту. Полученные даты станут важным подспорьем в дальнейшем изучении его содержимого, а также сравнительных характеристик керамики с другими вознесенскими памятниками и определение среди них места хуммийского комплекса.

По результатам многолетних радиоуглеродных исследований получена культурно-историческая информация о двух волнах заселения коллективами осиповских рыболовов и охотников Хуммийской протоки. Этот научный факт подтвержден двумя научными открытиями: радиоуглеродным датированием и выделением двух гончарных традиций в изготовлении керамической посуды.

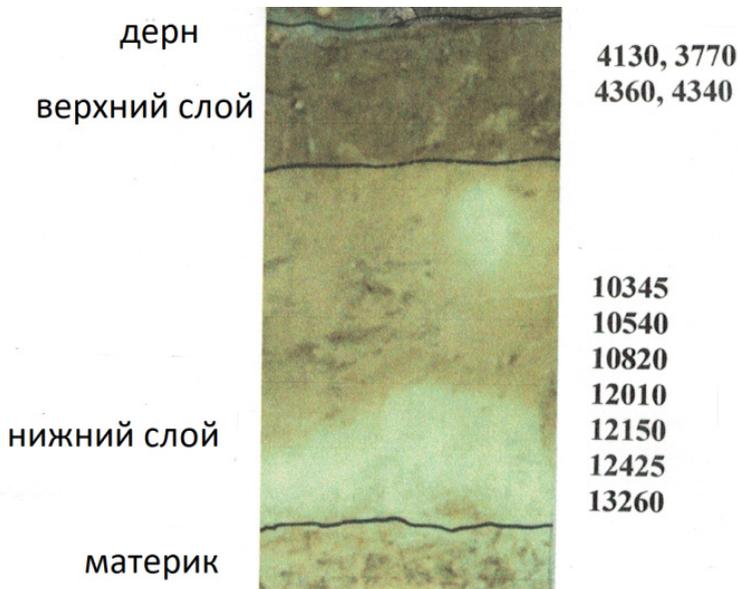
Первыми поселенцами на протоке озера *Хумми* стала группа охотников, материальные остатки которых содержатся в нижнем горизонте осиповского слоя. Они появились примерно XIV–XIII тыс. лет назад. Помимо охоты, они освоили рыболовный промысел, стали изготавливать керамическую посуду, строить полуземлянки. Через непродолжительное время, примерно тысячу лет, появилась вторая группа осиповских рыболовов и охотников, примерно XI тыс. лет назад. Они также занимаются рыболовством и охотой, изготавливают керамическую посуду. На насиженном месте они оставались не более тысячи лет. По неизвестным причинам осиповцы покинули богатую рыбой протоку, поэтому в верхнем горизонте нижнего слоя практически отсутствуют находки. Третья группа поселенцев занимала протоку в течение V и первой трети IV тыс. лет назад. Они представляли культуру сложившихся оседлых рыболовов раннего этапа вознесенской культуры позднего неолита.

Литература

Джалл 1998 — Джалл Э. Дж. Т., О`Малли Ж. М., Бидульф Д. Л., Деревянко А. П., Кузьмин Я. В., Медведев В. Е., Табаров А. В., Зенин В. Н., Ветров В. М., Лапина З. С., Гарковик А. В., Жущиховская И. С. Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока и Забайкалья по результатам прямого датирования

Илл. 1. Карта расположения поселения Хумми (помечено черным).
Масштаб 1:3300 м

Илл. 2. Разрез культурных напластований поселения Хумми (верхний слой мощностью 20–24 см, нижний слой — 40–45 см)

Илл. 3. Образцы фрагментов вознесенской керамики, использованные для радиоуглеродного датирования верхнего слоя

- керамики методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Мат-лы междунар. симпозиума. Т. 2. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 63–68.
- Жушиховская 1994 — *Жушиховская И. С.* Гончарство первобытных культур юга Дальнего Востока как палеоэкономическое явление // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. М.: Наука, 1994. С. 148–204.
- Жушиховская 2004 — *Жушиховская И. С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2004. 310 с.
- Лапшина 1995 — *Лапшина З. С.* Ранняя керамика на поселении Хумми (Нижний Амур) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1995. № 6. С. 104–106.
- Лапшина 1996 — *Лапшина З. С.* Поселение Хумми на правом берегу Амура // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 119–120.
- Лапшина 1999 — *Лапшина З. С.* Древности озера Хумми. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. 206 с.
- Лапшина 2000 — *Лапшина З. С.* Древности финала плейстоцена – начала голоцена на Амуре // Байкальская Сибирь в древности. Сб. науч. тр. Вып. 2. Ч. 1. Иркутск: ИГПУ, 2000. С. 189–202.
- Лапшина 2002 — *Лапшина З. С.* Археологические исследования на поселении Хумми (Нижний Амур) // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 4. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 49–65.
- Лапшина 2009 — *Лапшина З. С.* Археологические исследования на поселении Хумми // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей Востока Азии. Хабаровск: Хабаровский краевой музей, 2009. С. 121–133.
- Лапшина 2011 — *Лапшина З. С.* Ранняя керамика и предметы искусства осиповской культуры в поселении Хумми (Нижнее Приамурье) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 165–166.
- Лапшина 2023 — *Лапшина З. С.* Исследования ранней керамики поселения Хумми (Нижний Амур) // Вестник «История керамики». Вып. 5. М.: ИА РАН, 2023. С. 104–118.
- Окладников, Медведев 1983 — *Окладников А. П., Медведев В. Е.* Исследования многослойного поселения Гася на нижнем Амуре // Известия СО АН СССР. Серия: Общественные науки. Вып. 1. 1983. С. 93–97.
- Цетлин 2021 — *Цетлин Ю. Б.* Заключение Лаборатории «Истории керамики» Отдела теории и методики Института археологии РАН // Рукопись. 2021. 4 с.
- Цетлин, Медведев 2015 — *Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е.* Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. лет) // Современные под-

- ходы к изучению древней керамики в археологии. Мат-лы Междунар. симпозиума (29–31 октября 2013 г.). М.: ИА РАН, 2015. С. 298–312.
- Шевкомуд, Яншина 2012 — *Шевкомуд И. Я., Яншина О. В.* Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 270 с.
- Kaner, Taniguchi 2018 — *Kaner S., Taniguchi Y.* The development of pottery and associated technological developments in Japan, Korea, and the Russian Far East. Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York: Springer. 2018. Pp. 321–345.
- Kuzmin 2015 — *Kuzmin Y. V.* The origins of pottery in East Asia: updated analysis (the 2015 state-of-the-art) // Documenta Praehistorica. 2015. Vol. 42. Pp. 1–11.
- Kuzmin 2017 — *Kuzmin Y. V.* The origins of pottery in East Asia and neighboring regions: An analysis based on radiocarbon data // Quaternary International. 2017. Vol. 441B. Pp. 29–35.
- Kuzmin et. al. 1996 — *Kuzmin Y. V., Jull A. J. T., Lapshina Z. S., Medvedev V. E.* Radiocarbon Accelerator Mass Spectrometry of the Sites with Early Pottery from The Russian Far East // Abstracts of the 7th International Conference on AMS – USA (Tucson, Arizona 20–24 May). Radiocarbon. 1996. Vol. 38. No. 1. Pp. 74–75.
- Lapshina 1994 — *Lapshina Z. S.* Problems of Study of the Late Pleistocene – Early Holocene Ancient cultures on the Russian far East // Bridges of the Science Between North America and Russian far East – 45 Arctic Science conference. Abstracts. Book 2. Wladiwostok, 1994. Pp. 153.
- O'Malley, et. al. 1999 — *O'Malley J. M., Kuzmin Y. V., Burr G. S., Donahue D. J., Jull A. J. T.* Direct radiocarbon Accelerator Mass Spectrometric dating of the earliest pottery from the Russian Far East and Transbaikal // Mémoires de la Société Préhistorique Française (Supplément 1999 de “La Revue d’Archéométrie”). 1999. Vol. 26. Pp. 19–24.
- Shoda, et. al. 2020 — *Shoda S., Lucquin A., Yanshina O., Kuzmin Y., Shevkomud I., Medvedev V., Derevianko E., Lapshina Z., Crai O.E., Jordan P.* Late Glacial hunter-gatherer pottery in the Russian Far East: Indications of diversity in origins and use. Quaternary Science Reviews. 2020. Vol. 229. Pp. 106–124.

Правобережная Цимлянская крепость в историографии первой трети XX в.

Валерий Сергеевич Флёров¹

¹ Институт археологии РАН (д. 19, ул. Дм. Ульянова, 117292 Москва, Россия)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0009-0009-0618-7957. E-mail: valerij-flyorov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Флёров В. С., 2024

Аннотация. *Введение.* Памятник *Правобережная Цимлянская крепость* еще с XIX в. вошел в археологическую литературу под традиционным определением «городище», однако его целесообразно называть «крепостью», как и расположенный на противоположном берегу Дона *Саркел*. *Целью* настоящей работы является рассмотрение научных биографий археологов, занимавшихся исследованием *Правобережной Цимлянской крепости*, освещение их роли и вклада в изучение памятника. *Результаты.* В работе кратко изложены научные биографии археологов А. А. Миллера и М. А. Миллера, М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, историка Ю. В. Готье, популяризатора Б. В. Лунина. С 1926 г. по 1940 г. исследователи играли главную роль в изучении *Правобережной Цимлянской крепости* и хазарской археологии Нижнего Дона в целом. А. А. Миллер совершил системное обследование ниже-донских памятников Хазарского каганата, описал их состояние на то время. Сохранило свое значение до начала XXI в. его признание городища *крепостью*. М. А. Миллер выделил по фрагментам керамику, которая теперь называется салтово-маяцкая. Б. В. Лунин рассматривал проблемы периодизации и культурной атрибуции городищ. В изучении хазар Ю. В. Готье был последним предшественником М. И. Артамонова. М. И. Артамонов — первый автор, описавший собственно материальную культуру Хазарского каганата на Нижнем Дону. М. И. Артамонов согласился с А. А. Миллером в том, что памятник является остатками крепости, впервые вводит понятие «городища салтово-маяцкого типа». Позднейшие раскопки подтвердили предположение М. И. Артамонова о сооружении *Правобережной крепости* ранее

крепости *Саркел*. Раскопки 1987–1990, 2006–2021 гг. подтвердили факт строительства *Правобережной крепости* на ранее не занятом поселением месте. Продолжил изучение *Правобережной крепости* ученик М. И. Артамонова — И. И. Ляпушкин. Труды ученых сохраняют свое значение до настоящего времени.

Ключевые слова: Хазарский каганат, историография, Правобережное Цимлянское городище

Для цитирования: Флёров В. С. Правобережная Цимлянская крепость в историографии первой трети XX в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 29–47. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-29-47

The Right-bank Tsimlyanskaya Fortress in the Historiography of the first third of the 20th Century

Valeriy S. Flyorov¹

¹ Institute of Archeology RAS (19, Dm. Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0009-0009-0618-7957. E-mail: valerij-flyorov[at]yandex.ru

©KalmSC RAS, 2024

© Flyorov V.S., 2024

Abstract: Introduction. The monument of the Right-bank Tsimlyanskaya fortress has been included in the archaeological literature since the 19th century under the traditional definition of “hillfort,” however, it is advisable to call it a “fortress”, as well as the Sarkel located on the opposite bank of the Don. The *purpose* of this work is to review the scientific biographies of archaeologists who studied the Right-bank Tsimlyanskaya fortress, highlighting their role and contribution to the study of the monument. *Results.* The paper summarizes the scientific biographies of archaeologists A. A. Miller and M. A. Millerov, M. I. Artamonov, I. I. Lyapushkin, historian Yu. V. Gauthier, popularizer B. V. Lunin. From 1926 to 1940, researchers played a major role in the study of the Right-bank Tsimlyanskaya fortress and the Khazar archeology of the Lower Don in general. A. A. Miller conducted a systematic survey of the Lower Don monuments of the Khazar Khaganate, described their condition at that time. A. A. Miller’s recognition of the settlement as a fortress retained its value until the beginning of the 21st century. M. A. Miller identified ceramics from fragments, which is

now called Saltovo-Mayatskaya. B. V. Lunin considered the problems of periodization and cultural attribution of ancient settlements. In the study of the Khazars, Yu. V. Gauthier was the last predecessor of M. I. Artamonov. M. I. Artamonov was the first author to describe the actual material culture of the Khazar Khaganate on the Lower Don. M. I. Artamonov agreed with A. A. Miller that the monument is the remains of a fortress and for the first time introduces the concept of “Saltovo-Mayak type settlements”. Later excavations confirmed M. I. Artamonov’s assumption about the construction of the Right-bank fortress earlier than the Sarkel fortress. The excavations of 1987–1990, 2006–2021 confirmed the fact of the construction of the Right-bank fortress in a place not previously occupied by the settlement. The student of M. I. Artamonov, I. I. Lyapushkin, continued his study of the Right-bank fortress. The works of the scientists retain their significance to the present day.

Keywords: Khazar Khaganate, historiography, Right-bank Tsimlyansk settlement

For citation: Flerov V. S. The Right-Bank Tsimlyanskaya Fortress in the Historiography of the first third of the 20th Century. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 29–47. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-29-47

1. Введение

Памятник *Правобережная Цимлянская крепость* и расположенный на противоположном берегу Дона *Саркел* еще с XIX в. вошли в археологическую литературу под традиционным определением «городища» (Цимлянские городища: *Левобережное (Саркел)* и *Правобережное* (илл. 1–6)). В соответствии с их прямыми в Хазарском каганате назначениями целесообразно называть эту пару «крепостями». В данной работе используются оба определения в зависимости от контекста.

Историография XVIII–XIX вв. *Правобережного городища* в основном опубликована [Флёров 2021: 159–177]. Заметным событием в конце XIX в. стал приезд на его локацию В. И. Сизова, снявшего новый план памятника, который не потерял своей научной ценности и в настоящее время [Сизов 1889: 273–280, [вклейка](#)]. В последующие годы вплоть до деятельности на Нижнем Дону Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры во главе с А. А. Миллером городище никем не исследовалось. Возможны случайные посещения, упоминаемые в местной периодике.

Целью настоящей работы является рассмотрение научных биографий археологов, занимавшихся исследованием Правобережной Цимлянской крепости, освещение их роли и вклада в изучение памятника.

2. Исследователи Правобережной Цимлянской крепости

2.1. 1926–1928 гг.

Миллер Александр Александрович (1875–1935) — один из историков и археологов России, начавших свою деятельность до Октябрьской революции и продолживших ее в советское время [Николаенко 2001]. Происходил из рода богатых землевладельцев Области Войска Донского [Корягин 1999: 41–43]. Воспитывался в Каменно-Тузловском имении отца в Таганрогском округе Войска. Образование получил в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в Новочеркасске, затем в Николаевском Инженерном училище в Петербурге. По его окончании в 1896 г. — недолгая военная служба и отставка в 1899 г. Молодой А. А. Миллер уезжает в Париж, поступает в Высшую Русскую школу социальных наук, но вскоре оставляет ее и переходит к серьезным занятиям рисунком и живописью, приобретает известность как художник, но затем следует новая перемена интересов, на этот раз окончательная.

Поступление на археологическое отделение Антропологической школы в Париже в 1901 г. обозначило начало научной карьеры А. А. Миллера. В 1907 г. он уже в антропологическом отделе Русского музея. С 1908 г. член Императорской Археологической Комиссии. В 1910 г. избран действительным членом Географического, Археологического и Доисторического общества Франции. С 1923 г. — профессор и заведующий кафедрой археологии Ленинградского университета. А. А. Миллер становится действительным членом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и с 1922 г. возглавляет Северо-Кавказскую экспедицию ГАИМК. Программа его деятельности на Нижнем Дону была обширна по хронологии и культуре памятников: от античного Елизаветинского в низовьях Дона и до городищ у ст. Цимлянской и х. Попова, т. е. Саркела (илл. 7), Правобережного и ближайших к ним салтово-маяцких памятников. Кроме них, были осмотрены крепость Семикаракорская, поселения Константиновское и Золо-

товское. Таким образом, А. А. Миллер совершил системное обследование ниже-донских памятников Хазарского каганата, описал их состояние на то время. А. А. Миллер не стал профессиональным хазароведом, но внес неоценимый вклад в хазарскую археологию Нижнего Дона. Особая ценность его описаний в том, что к нашему времени облик большинства из осмотренных им археологических объектов изменился: Цимлянское водохранилище уничтожило городище Потайновское¹, затопило Саркел, разрушило восточную сторону Правобережного городища (илл. 4, 5). Стиль описаний А. А. Миллера точен, протоколен, свободен от необоснованных предположений.

А. А. Миллер не проводил раскопки на Правобережном городище. Внешний вид привел его к следующему заключению: «Все городище представляет ряды щебенистых завалов, которые в плане дают довольно правильные и прямолинейные очертания. Эти каменные сооружения могли отвечать небольшому, но сильно укрепленному пункту и на весь памятник следует смотреть как на *крепость* (курсив здесь и далее мой. — В. Ф.). В такой обстановке не приходится рассчитывать на значительные находки, и мы такими не располагаем. Эпоха возникновения и длительность существования этой крепости остаются для нас не выясненными, а замечания В. И. Сизова о некоторых из его находок, что они датируются временем „не ранее XIII–XIV в.“, если и правильны, то все же не могут быть приняты в качестве достаточного основания для датирования и самой крепости в целом» [Миллер 1929: 111].

Сохранило свое значение до начала XXI в. его признание городища крепостью. Не замком, тем более феодальным, к чему склонялись М. И. Артамонов (см. ниже) и в 60-е гг. XX в. в соответствии с концепцией «от кочевий к городам» С. А. Плетнева [Плетнева 1967: 39].

Замечания А. А. Миллера о керамике и хронологии для того времени не могли быть иными. Массово керамику салтово-маяцкой культуры начали изучать позднее. Само название культуры «салтово-маяцкая» в то время еще не было в ходу. Так, верхний слой Потайновского городища он называл не салтово-маяцким, а

¹ Потайновское открыто А. А. Миллером в 1926 г., на нем он провел небольшие раскопки.

нейтрально «средневековым» [Миллер 1929: 113]. Но сомнения в датировании правобережной керамики В. И. Сизовым оказались верны. На поверхности и в слое крепости керамика XIII–XIV в. и более поздняя не встречена при последующих раскопках И. И. Ляпушкина, С. А. Плетневой и автора данной статьи.

В ходе экспедиции А. А. Миллера был сделан новый план крепости. Впервые его издал ее участник аспирант М. И. Артамонов [Артамонов 1935: 29, рис. 11] (илл. 3).

А. А. Миллер посвящал себя не только археологии, но и музейному делу, особенно в Русском музее. Последний, как и все крупнейшие музеи страны, находился под особым надзором партийных и советских органов, в частности Наркомпроса. Эта деятельность и привела жизнь Александра Александровича к трагическому концу. В 1931 г. была запрещена открытая в Русском музее под его руководством выставка «Украинское село». Следуют обвинения в «ползучем эмпиризме», славянском и украинском национализме. 9 сентября 1933 г. А. А. Миллер арестован по обвинению в фашистской пропаганде, панславизме в научной и музейной работе. В 1934 г. отправлен на пять лет в ссылку в Казахстан, в Карлаг — Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, где и умер в январе 1935 г. Реабилитирован по разным данным в 1956 г. [Алѣкшин 2022: 124; Застрожнава (Панкратова) 2022: 31] или 1957 г. [Николаенко 2001].

2.2. 1927 г.

Миллер Михаил Александрович (1883–1968), младший брат Александра Миллера — археолог, работник музеев и других научных организаций в Таганроге и Ростове-на-Дону. Образование получил в классической гимназии в г. Таганроге, Московском и Харьковском университетах [Антич-Миллер 2012: 63–67].

Обследуя поселения Золотой косы близ г. Таганрога, М. А. Миллер, сам того еще не зная, выделил по фрагментам керамику, которая теперь называется салтово-маяцкая. Поразительно, но первым видом описанной керамики стали котлы с внутренними ушками (по М. А. Миллеру «карниз») — сегодня самый точный и надежный маркер салтово-маяцкой культуры. Керамику Золотой косы он уверенно соотнес с керамикой Потайновского городища и Саркела.

Ему оставался один шаг до отнесения ее к материальной культуре Хазарского каганата. О точной хронологии поселений

М. А. Миллер ничего не сказал, относя их в целом к «эпохе византийского средневековья» [Миллер 1928: 28].

2.3. 1926–1928 гг.

Лунин Борис Владимирович (1906–2001) начальное образование получил в гимназии в г. Пятигорске. С переездом семьи в Ростов-на-Дону был вольнослушателем Донского археологического института. В 20–30 гг. XX в. был членом Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ). После войны 1941–1945 гг. работал в Средней Азии [Список 1967; Штавдакер 2012].

В ростовский период Б. В. Лунин заметных исследований не вел, но внимательно следил за археологическими работами на юго-востоке России, в том числе на Нижнем Дону. В большой брошюре добросовестно пересказал результаты работ Северо-Кавказской экспедиции в 1926 г. Небольшое место он уделил и ниже-донским городищам [Лунин 1928: 6, 7].

Б. В. Лунин не очень ясно осознавал отличия Правобережной крепости от Саркела: «Цимлянское городище (состоящее собственно из двух — право и левобережного)... На Цимлянских городищах (лево-и правобережном) экспедицией [А. Миллера — В. Ф.] обнаружено большое количество фрагментов керамики с характерными для керамики поселений византийского средневековья орнаментами и клеймами. Найден ряд „белых кирпичей“ [белыми кирпичами Б. В. Лунина называл блоки из белого известняка. — В. Ф.] (главным образом на правобережном городище)». Другие же описания более достоверны: «Правобережное городище является собой высокий, господствующий над окружающей местностью холм, на котором, по многим показателям, и находилась *крепость* (здесь и далее курсив мой. — В. Ф.), сооруженная из того же белого кирпича. Наличием здесь *крепости* надо объяснить также то обстоятельство, что культурные отложения правобережного городища по своей мощности уступают отложениям левобережного городища. Произведенная экспедицией съемка городищ, по сверке съемочных планов с планом правобережного городища, снятым военным инженером Сацыперовым (1743 г.) и планом левобережного городища, снятым для археолога Сизова инженером Попо-

вым (1883 г.) — подтвердила правильность и точность указанных планов» [Лунин 1928: 7].

Б. В. Лунина занимали и общие методические проблемы, в первую очередь периодизации и культурной атрибуции городищ: «...придаем, естественно, большое значение вопросам установления единой классификации и хронологизации археологических памятников; с терминами же „Римское поселение“, „византийское“ и пр. связаны неоднократные недоумения. Вообще вопросы классификации должны сейчас стоять на первом плане» [Лунин 1928: 13]. Постановка вопроса верна. Насколько Б. В. Лунин сам справился с постулируемой задачей, отчасти можно видеть по его характеристике Саркела. «Нам кажется, что даже напр. Цимлянское городище (если видеть в нем Саркел) может быть названо „византийским“ поселением; мы знаем, что население Саркела было христианизированным, что в Саркеле имелись церкви, возведенные византийцами, находим византийские памятники, импортную керамику, встречаем распространенную эмблему креста в изображениях, детали которых принадлежат византийским мастерам и т. д. и т. п. Все же при наличии всех этих показателей думается более правильным считать Саркел „средневековым поселением, селением византийского средневековья“» [Лунин 1928: 6]. В статье Б. В. Лунина нет упоминаний Хазарского каганата, соответственно, и его культуры, а распространение в степях Дона византийской культуры безмерно преувеличено. Отсюда и его ошибочное представление о христианизации населения Саркела.

Посещал ли Б. В. Лунин ниже-донские городища и поселения? Вероятно, не посещал, иначе бы написал о своей поездке. В историю археологии Б. А. Лунин вошел в первую очередь как ее популяризатор.

2.4. 1930 г.

Готье Юрий Владимирович (1873–1943) — известный историк, академик. Из семьи потомственного книготорговца. В 1891 г. окончил гимназию Креймана в Москве, в 1895 г. — историко-филологический факультет Московского университета.

В Гл. «Хазарская держава и ее культура» своей фундаментальной книги Ю. В. Готье нашел место и для Правобережной крепо-

сти и Саркела [Готье 1930: 63–66]. Рассматривая обе крепости «как составляющие единое», автор смешивает их описания, считая их единовременными.

В представлении Ю. В. Готье правобережное поселение «было *сторожевым замком*, охраняющим город от задонской степи». Через несколько строчек: «Саркел — это торговый город с пристанью на реке... Правобережный *замок*, сложенный из белого камня, должен был быть Белой Вежей, выстроенной хазарами для защиты пограничного торгового города (т. е. Саркела. — *В. Ф.*) и ведущих нему путей» [Готье 1930: 65]. Ю. В. Готье, на наш взгляд, далек от интерпретации замка как феодального.

Ю. В. Готье не ссылается на Отчеты Северо-Кавказской экспедиции, а использует более ранние сведения В. И. Сизова. Мало того, на рис. 15 с названием «План Саркела» в книге Ю. В. Готье изображен план 1844 г. Правобережного городища Сулина / Решетовского, изданный Х. И. Поповым в 1884 г. [Флёров 2019: 216, илл. 2]. Соответственно, описания и размеры крепости, относятся к плану 1844 г.

При всех ее неточностях глава из книги Ю. В. Готье, посвященная хазарам, содержит ценные сведения, в ней рассматриваются не только археологические, но и письменных памятники по истории хазар и Хазарского каганата. В изучении хазар Ю. В. Готье был последним предшественником М. И. Артамонова.

2.5. 1935 г.

Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972) — первый автор, описавший собственно материальную культуру Хазарского каганата на Нижнем Дону. В основе его исследования — полевые материалы, собранные экспедицией А. А. Миллера, в первую очередь керамика. Объединенные в небольшую книгу, они стали основой для изучения салтово-маяцкой культуры во всем ее ареале [Артамонов 1935].

О значении керамики М. И. Артамонов пишет уже на первой странице своего труда. «Среди последних [речь шла о находках. — *В. Ф.*] ... важное место, особенно в количественном отношении занимает керамика. Значение керамики как культурно-исторического документа становится реальным только тогда, когда она является

показателем той или иной стадии социально-экономического развития, другими словами, когда она является частью определенного комплекса вещей, когда вскрывается ее принадлежность к определенной эпохе, изучаемой по всей совокупности имеющихся источников» [Артамонов 1935: 5].

М. И. Артамонов охарактеризовал каменное сооружение. «Правобережное городище, судя по имеющемуся керамическому материалу, было заселено еще в эпоху бытования лепных сосудов [речь шла о поселении бронзового века. — В. Ф.]. Принимая во внимание местоположение его, трудно допустить, чтобы здесь когда-нибудь существовало простое неукрепленное поселение. <...> Все такие поселения, известные к настоящему времени на Нижнем Дону возле реки, расположены на первой береговой террасе, а не на малодоступных кручах изрезанного оврагами высокого берега. Надо полагать, что правобережное городище с самого начала возникло как сильная *крепость*. По-видимому, она выстроена раньше кирпичной крепости — Саркела, на левом берегу. Как было указано, правобережное городище рядом черт напоминает городища салтово-маяцкого типа и поэтому должно рассматриваться в связи с ними. К сожалению, произведенные исследования правобережного городища слишком незначительны для сколько-нибудь отчетливого представления о жизни на нем и его судьбах. Во всяком случае, это укрепление продолжало существовать и после построения Саркела, одновременно с рядом других поселений на правом берегу. <...> Слабо выраженный культурный слой с небольшим количеством находок показывает, что во все время своего существования оно было мало заселено. Раскопками Сизова внутри городища были обнаружены следы квадратного здания, „служившего, — по словам исследователя, — жилищем важного лица“. Надо пожелать, чтобы в дальнейшем, при более внимательных исследованиях, это указание было учтено. Может быть, правобережное городище предстанет перед нами в виде замка местного феодального владельца, т. е. как важнейшее свидетельство социального строя Хазарского государства» [Артамонов 1935: 85, 86].

Подведем итоги:

– раскопки 1987–1990, 2006–2021 гг. подтвердили теперь уже утвержденный факт строительства Правобережной крепости на

ранее не занятом поселением месте. Ни одна из исследованных крепостей Хазарского каганата не имела под собою предшествующего ей поселения. На не занятых ранее пространствах стояли ниже-донские крепости Семикаракорская и Саркел, кирпичные и каменные крепости на Северском Донце и Среднем Дону. Не оказалось поселения под крепостью Хумара в Карачаево-Черкесии, причем это не зависело от того, выбирали ли площадку под крепость местные мастера строительного дела или византийцы (Саркел). Этот принципиальный вывод М. И. Артамонова не учла С. А. Плетнева, настаивавшая на существовании под крепостью раннего поселения [Плетнева 1993: 62–63];

– М. И. Артамонов согласился с А. А. Миллером в том, что памятник является остатками крепости. Однако под впечатлением трактовки В. И. Сизова квадратного здания как „жилища важного лица“ развил эту мысль до предположения: «Может быть, правобережное городище предстанет перед нами в виде замка местного феодального владетеля, т. е. как важнейшее свидетельство социального строя Хазарского государства» [Артамонов 1962: 321]. М. И. Артамонов не принял во внимание то, что на плане В. И. Сизова местоположение и очертания этого здания не обозначены [Сизов 1889: 278]. На плане И. Сацыперова¹ квадратное строение стояло в непригодном для «важного лица» месте — на проходе из северного отсека крепости в южный (илл. 2) [Флёров 2019: 19, рис. 8]. В. И. Сизов только упомянул свои незавершенные раскопки этого строения, но нигде не опубликовал его план (!). Надежда М. И. Артамонова на то, что не докопанное сооружение с неизвестными ему размерами и местоположением может привести к пониманию социального строя Хазарского государства, осталась неоправданной (о феодализме в каганате см.: [Флёров 2011: 208–212, 218–221]). При современной съемке каменное прямоугольное сооружение, по выражению И. Сацыперова — «каменная палатка», не просматривается;

– М. И. Артамонов, скорее всего, впервые вводит понятие «городища салтово-маяцкого типа», т. е. построенные из белокаменных блоков;

– позднейшие раскопки подтвердили предположение М. И. Артамонова о сооружении Правобережной крепости ранее крепости Саркел;

¹ В документах отсутствует отчетство.

– с пониманием надо относиться к тому, что М. И. Артамонов без обширных раскопок ошибся в предположении небольшого количества находок и малого заселения крепости. Продолжил изучение Правобережной крепости И. И. Ляпушкин — ученик М. И. Артамонова.

2.6. 1939/1940 г.

Ляпушкин Иван Иванович (1902–1968) провел раскопки Правобережного городища в 1939 г.¹. Подробной публикации о них не оставил, а свои выводы изложил лишь в небольшой заметке [Ляпушкин 1940: 58–62]. По «различиям в типах жилых построек» И. И. Ляпушкин выделил «не менее» трех периодов в жизни крепости.

Первый период зафиксирован на небольшом участке с маленьким овальным жилищем. «В жилище, так же как и вокруг него, найдена керамика исключительно лепная» [Ляпушкин 1940: 58]. Напротив, в раскопанных С. А. Плетневой и В. С. Флёровым жилищах и рядом с ними керамика была разнообразна, встречались фрагменты амфор. Лепную керамику И. И. Ляпушкин ошибочно сравнил с керамикой Маяцкого поселения. Даже при том, что в жилище найден «железный» (?) шлак, находки исключительно лепной керамики заставляют сомневаться в принадлежности первого слоя к крепости, а не к подстилающему ее слою бронзы. Вероятная ошибка И. И. Ляпушкина не удивляет. К 30-м гг. XX в. никто не предполагал существование под крепостью столь раннего поселения. И. И. Ляпушкин заметил, что «по облику всей материальной культуры второй период резко отличается от первого» [Ляпушкин 1940: 59].

Второй период. И. И. Ляпушкин не мог не заметить, что он «по характеру жилых построек и облику всей материальной резко отличается от первого. Груды строительного мусора (битых кирпичей, известковой щебенки и т. д.), а также остатки кирпичных кладок, хотя и незначительных, дают полное основание утверждать, что в этот период существовали постройки из кирпича» [Ляпушкин 1940: 59]. В своем предположении о кирпичных по-

¹ По техническим причинам раздел о И. И. Ляпушкине сокращен. Полный текст будет опубликован позднее.

стройках И. И. Ляпушкин ошибался. Немногие разрозненные кирпичи, часто с приставшей к ним известью, тащили из Саркела и использовали в крепости по-разному. С. А. Плетнева, чьи раскопы располагались в разных местах, кирпичные постройки не зафиксировала, как позднее и В. С. Флёров. Вплоть до гибели крепости в ней основным видом жилья были юртообразные выкопанные в грунте жилища (см. ниже).

Наблюдение И. И. Ляпушкина: «Вещевой материал второго и третьего периодов ... трудно расчлениить, настолько он однообразен по своему культурному облику. Нет возможности расчлениить его и стратиграфически». Керамика в них «почти исключительно разнообразнее, чем в первом периоде». Так может быть, их не стоило разделять? «Конец жизни второго периода связан без сомнения с разрушением крепостных сооружений (см. ниже) [Ляпушкин 1940: 59].

«Третий период в жизни городища можно выделить лишь по типу жилищ ... В ряде из них ... человеческие скелеты или части их... Жилища третьего периода встречены на всей территории главного укрепления, как в центре, так и на окраине». Имеются в виду юртообразные жилища. Однако И. И. Ляпушкин допускает ошибку, приравнивая жилища третьего периода к жилищам первого [Ляпушкин 1940: 60]. Не учел принципиальное различие их материальных культур.

По И. И. Ляпушкину: «Третий период закончился какой-то катастрофой... предположением можно считать неожиданный набег степняков... в конце X–начале XI столетия» [Ляпушкин 1940: 60]. Возникает вопрос: с чем связывать «несомненное» разрушение крепостных сооружений в конце второго периода?

После набега степняков была попытка вновь заселить остатки крепости, следами чего являются вымостки из кирпичей [Ляпушкин 1940: 61].

Реконструкция стратиграфии по И. И. Ляпушкину противоречива, но ценна его отдельными наблюдениями.

Позднее И. И. Ляпушкин опубликовал ряд описаний и вещевых материалов с Правобережного городища [Ляпушкин 1958: 91, 93, 109, 115, 117–125].

3. Заключение

Представленный историко-историографический обзор посвящен исключительно тем ученым, которые в первой трети XX в. в той или иной степени непосредственно занимались *Правобережным Цимлянским городищем*, производили его внешний осмотр с последующим описанием или раскопки, выполняли его планы, предлагали его периодизацию и даты существования. Но роль А. А. Миллера, М. А. Миллера, М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, Ю. В. Готье, Б. В. Лунина в хазарской археологии не ограничилась этим, поскольку указанные исследователи создали основы той базы информации, которой мы сегодня располагаем.

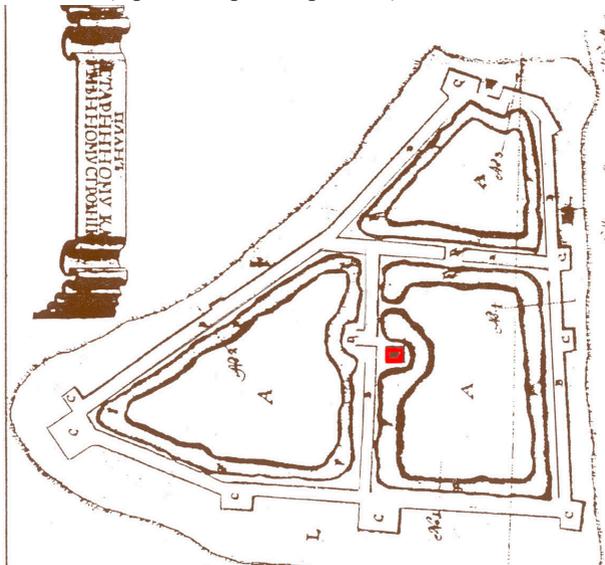
Литература

- Алёшкин 2022 — *Алёшкин В. А.* Александр Александрович Миллер (1875–1935) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 100–125.
- Антич-Миллер 2012 — *Антич-Миллер К. М.* Мой отец — донской археолог М. А. Миллер // Вехи Таганрога. Вып. 50. Таганрог: Библиотечная система Таганрога, 2012. С. 63–67.
- Артамонов 1935 — *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Вып. 131. Л.: ОГИЗ, 1935. 117 с.
- Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 522 с.
- Застрожнова (Панкратова) 2022 — *Застрожнова (Панкратова) Е. Г.* Следственное дело А. А. Миллера (1933–1934): общий обзор // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 29–32. DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-3-29-32.
- Готье 1930 — *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Госиздат, 1930. 280 с.
- Корягин 1999 — *Корягин С. А.* Миллеры: материалы к истории и генеалогии донского дворянского рода. Вып. 2. Ч. 1. СПб.: ВИРД, 1999. 64 с.
- Лунин 1928 — *Лунин Б. В.* Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Изд. секции археологии, антропологии, этнографии и истории искусств Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов н/Д: Сев.-Кавказск. бюро краеведения, 1928. 30 с.: ил. (Материалы по археологии Юго-Востока России). Отд. отт. из журн. «Краеведение на Северном Кавказе». 1928. № 1–2. 26 с.
- Ляпушкин 1940 — *Ляпушкин И. И.* Раскопки Правобережного Цимлян-

- ского городища // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1940. Вып. IV. С. 50–62.
- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. Материалы и исследования по археологии (МИА). № 62. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.
- Миллер 1929 — *Миллер А. А.* Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1926 и 1927 гг. // Сообщения государственной академии истории материальной культуры. Т. II. Л.: АН СССР, 1929. С. 60–122.
- Миллер 1928 — *Миллер М. А.* Керамика древних поселений Приазовья // Записки Краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. I (Т. II). Вып. 3–4. Ростовдон: [б. и.], 1927–1928. 22 с.
- Николаенко 2001 — *Николаенко А. И.* Миллер Александр Александрович // Донской временник. Год 2000-й. Вып. 8. Ростов н/Д, 2001. С. 85–90
- Плетнева 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 142. М.: Наука, 1967. 195 с.
- Плетнева 1993 — *Плетнева С. А.* История одного хазарского поселения // Российская археология. 1993. № 2. С. 48–69.
- Сизов 1889 — *Сизов В.И.* Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станции на Дону // Труды VI АС в Одессе. Т. IV. Одесса, 1889. С. 273–280.
- Список 1967 — Список научных публикаций Бориса Владимировича Лунина. Ташкент: Ин-т археологии Узбекской ССР, 1967. 32 с.
- Флёров 2011 — *Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим: Мосты культуры–Гешарим, 2011. 258 с.
- Флёров 2019 — *Флёров В. С.* Проблемы восстановления плана Правобережного Цимлянского городища по раскопкам 2000–2010, 2017 гг. // Хазарский альманах. Т. 16. М.: Индрик, 2019. С. 203–227.
- Флёров 2021 — *Флёров В.С.* Ранние описания Правобережного Цимлянского городища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 8. Воронеж: Музей-заповедник «Дивногорье», 2021. С. 159–177.
- Штавадакер 2012 — *Штавадакер Л. А.* Археологический писатель Борис Лунин // Донской временник. Год 2013-й. Вып. 21. Ростов н/Д: Донская гос. публичная б-ка, 2012. С. 195–199.

Илл. 1. Правобережное Цимлянское городище. Худ. В. В. Часовников (Архимандрит Авраамий), 1887 г.

Илл. 2. План Правобережного Цимлянского городища И. Сацыперова, 1743/1744. г. Каменная постройка тонирована красным

музее находится бронзовая ажурная пластинчатая фибула с крестообразным навершием, найденная, по свидетельству Х. И. Попова.

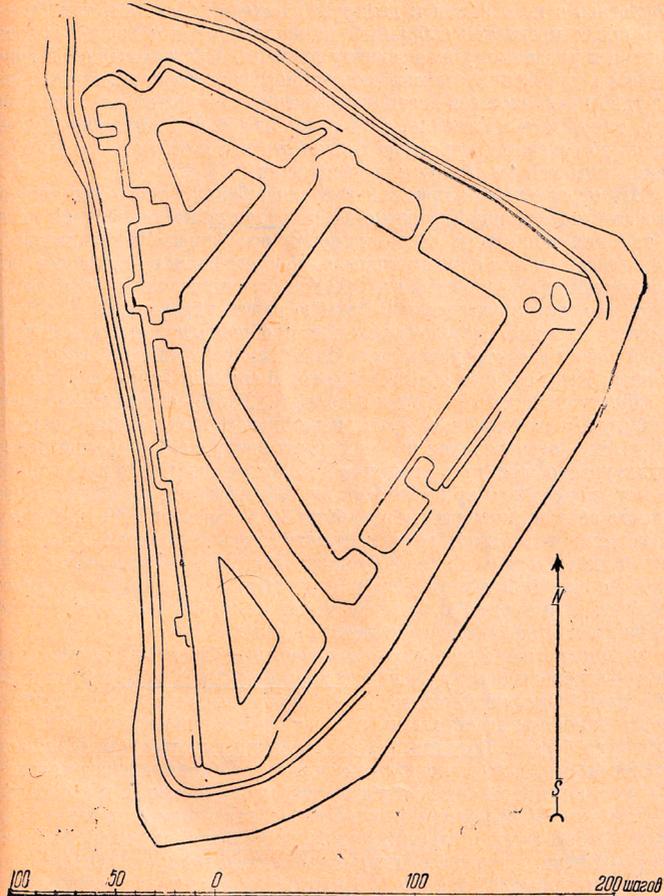

Рис. 11. План правобережного городища близ ст. Цимлянской.

на этом городище ¹ (рис. 5, 31). Подобные фибулы встречены в Херсонесе, Киевщине, Окско-Камском районе и в других местах и связываются с широко распространенными варварскими эмальями,

¹ Труды VII Арх. съезда, т. IV, стр. 240, № 66, табл. XXXV.

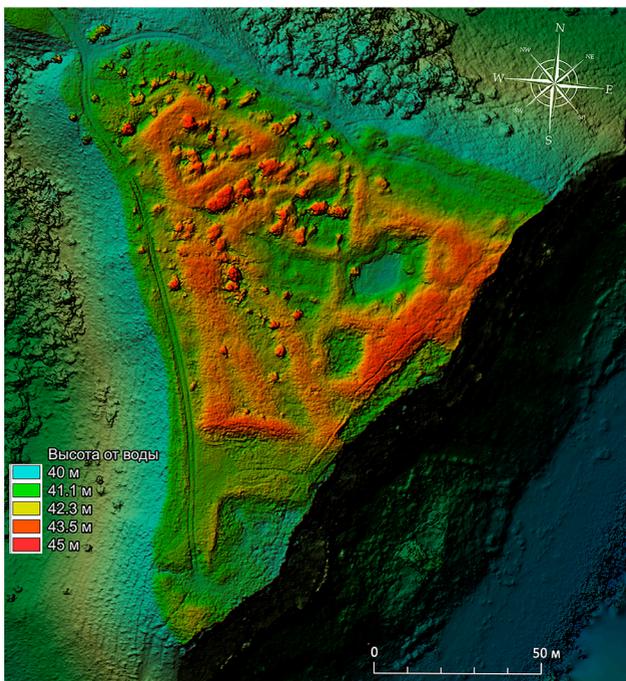
Илл. 3. План Правобережного Цимлянского из книги М. И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону» [Артамонов 1935: 29]

Илл. 4. Вид на городище с запада, с напольной стороны

Илл. 5. Вид на южную оконечность городище с юго-востока, со стороны Цимлянского водохранилища

Илл. 6. Правобережное городище, современный вид с летательного аппарата. Съемка С. А. Хохлова

Илл. 7. Саркел. Худ. В. В. Часовников (Архимандрит Авраамий), 1887 г.

Клятвенное обещание зайсанга Цюрюма Нусхаева на верность службе в должности опекуна Эркетеневского улуса, данное им 12 апреля 1855 г.

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация).

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджикова Л. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье продолжено изучение автором видового состава и содержания архивных документов, созданных в период деятельности Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1881 гг.). Особый интерес представляют дела, раскрывающие процесс вливания калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему после принятия «Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. *Цель* исследования — ввести в научный оборот клятвенное обещание зайсанга Цюрюма Нусхаева, изучить порядок рассмотрения документов о назначении опекуна над улусом, выявить общероссийские нормы и особенности в принятии клятвенного обещания (присяги) калмыцкими владельцами. *Результаты.* Проведенный анализ архивных документов, порядок их рассмотрения выявили соответствие их общероссийским требованиям и такую особенность в ведении делопроизводства, как двуязычие — оформление документов на русском и калмыцком языках с использованием калмыцкой письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). Выяснено, что порядок принятия клятвенного обещания как вида документа в Калмыцкой степи в XIX в. соответствовал общероссийским нормам, но в то же время имел отличия в церемонии приведения к присяге и его письменном оформлении.

Ключевые слова: Ордынское отделение Астраханской палаты го-

сударственных имуществ, Положение 1847 г., зайсанг, исторический источник, Калмыцкая степь, архивный документ, клятвенное обещание, присяга

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Клятвенное обещание зайсанга Цюрюма Нусхаева на верность службе в должности опекуна Эркетенеvского улуса, данное им 12 апреля 1855 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 48–67. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-48-67

The Sworn Promise of Zaisang Tsyuryum Nushaev for Fidelity to Service in the Position of Guardian of Erketenevsky Ulus, given by him on April 12, 1855

*Larisa B. Mandzhikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation).

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail:0862larisa[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhikova L. B., 2024

Annotation. *Introduction.* This article continues author’s study of the species composition and content of archival documents created during the activity of the Horde branch of the Astrakhan Chamber of State Property (1848–1881). Of particular interest are the cases revealing the process of infusion of Kalmyk society into the all—Russian state system after the adoption of the “Regulations on the Administration of the Kalmyk people” dated April 23, 1847. The *purpose* of the study is to introduce scientific turnover is the oath promise of Zaisang Tsyuryum Nushaev, to study the procedure for reviewing documents on the appointment of a guardian over the ulus, to identify common features and peculiarities in the acceptance of an oath (oath) by Kalmyk owners in accordance with all-Russian norms. *Results.* The analysis of archival documents and the procedure for their review revealed their compliance

with all-Russian requirements and such a feature in office management as bilingualism — the preparation of documents in Russian and Kalmyk using the Old Kalmyk script *todo bichig* (“clear writing”). It was found out that the procedure for making an oath as a type of document in the Kalmyk steppe in the 19th century corresponded to all-Russian norms, but at the same time had differences in the swearing-in ceremony and its written design.

Keywords: Horde branch of the Astrakhan Chamber of State Property, Regulation of 1847, *zaisang*, historical source, Kalmyk steppe, archival document, oath

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Mandzhikova L. B. The Sworn Promise of *Zaisang Tsyuryum Nushaev* for Fidelity to Service in the Position of Guardian of *Erketenevsky Ulus*, given by him on April 12, 1855. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; 3: 48–67. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-48-67

1. Введение

1.1. Клятвенное обещание в петровскую эпоху и постпетровский период

Известно, что в годы правления Петра I и постпетровский период при поступлении на службу существовал обычай «приносить присягу на верность...», при этом было множество разных видов присяг, связанных с важными событиями «в самом государстве и в других его институтах, а также отдельных событий в жизни группы людей» [Бенда 2009: 56]. В разные исторические периоды Российского государства присяга реализовывалась в таких формах, как клятва, присяга или клятвенное обещание [Шишкин 2022: 349]. Независимо от их наименования, это всегда были обязательства перед государством в лице высшего должностного лица.

Понятие «клятвенное обещание» стало применяться в правовом поле российского государства после принятия сенатского указа «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» от 27 августа 1747 г. В связи «с расширением Российской империи и включением в ее состав людей, приходящих на службу, а зачастую и новых народов,

остро вставал вопрос о приведении к присяге людей, исповедующих другие религии — ислам, католицизм, иудаизм, буддизм, языческие культуры и другие религиозные традиции» [Шишкин 2022: 350].

В последующие годы форма клятвенного обещания (присяги) претерпевала значительные изменения, и в правовой системе Российской империи было сформировано «четыре вида клятвенного обещания [присяги] государственного значения:

- присяга верноподданническая;
- присяга на верность службы, должности и на чины;
- присяга, закрепляющая имущественные права;
- присяга в судебном процессе» [Шишкин 2022: 351].

Тексты присяг имели различия в зависимости от социальной принадлежности приносившего присягу (гражданские, военные, духовенство) и вероисповедания человека (православные, буддисты, мусульмане и др.). В связи с изменениями в государственном устройстве России видоизменялись и формы принесения клятвенных обещаний (присяг).

В. В. Шишкин считает, что «присяга была универсальным инструментом, с одной стороны, дающим гарантии народу со стороны императора, гарантом нерушимости слов императора выступает Бог, в результате чего происходит сакрализация данного действия, с другой — это гарантия императору в покорности многонационального народа и верной ему службе» [Шишкин 2022: 350].

И. К. Воронов в статье «Роль присяги при вступлении иностранцев в русское подданство (XV–XX века)» провел структурный анализ текста присяги «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» и выявил 6 элементов: 1) указание имени и фамилии, гражданства до принятия присяги; 2) обращенность клятвы к богу как свидетелю происходящего; 3) обращения к царствующей особе ... как верховному правителю страны, которые могли также упоминаться имя и титул наследника престола; 4) заверение в верной службе и соблюдении российских законов; 5) недопущение совершения государственных преступлений, к которым относятся: а) разглашение государственной тайны; б) участие в заговорах и «недоносительство об оных властям»; 6) обращение к Богу и преклонение перед Богом

(присягающий «целует слова и крест Спасителя») [Воронов 2023: 117].

О клятве как ритуально-магическом акте писал Т. Б. Бауэр. Он отмечал, что «на вербальном уровне божба представляет собой текст, содержащий апелляцию к Богу и другим сакральным персонажам как к свидетелям, гарантирующим правдивость показаний ... к этому типу можно отнести клятвы иконой» [Бауэр 2024: 176]. Т. Б. Бауэр упоминает Левенстима, который в 1901 г. писал, что «наиболее крепкой считалась клятва именем либо образом местопочтимого святого» [Бауэр 2024: 176; Левенстим 1901: 21].

В российской историографии имеется ряд научных трудов о присяге на верность воинской службы. В. Станкевич¹ в своей заметке «Военная присяга», опубликованной в журнале «Разведчик» в 1902 г. (№ 629), обращает внимание «тех, кто руководит нашей военной жизнью, на страшную отсталость одного из наиболее торжественных для всякого воина актов. Мы говорим здесь о воинской присяге» и предлагает перевести на современный русский язык, обновить «внешность так, чтобы она приобрела возможность содействовать присяге в достижении ее высоких государственных целей» [Станкевич 1902: 1005]. Из этой же заметки можно узнать о том, что «для иноверцев, не знающих русского языка, допущена присяга на их родном наречии» [Станкевич 1902: 1005]. Данная заметка В. Станкевича вызвала широкий резонанс у общественности, и в этом же журнале в 1903 г. (№ 637) была опубликована заметка М. Драгомирова² «Можно ли менять редакцию текста военной присяги?». Он выразил свое мнение: «присягу Петровского сложения подмалевывать нельзя, не только потому, что живет она и действует уже двести лет, но еще и потому, что годность свою за двести лет доказала она преизрядно» [Драгомиров 1903: 4].

1.2. Клятва / присяга в обычном праве бурят и калмыков

Представляет интерес статья Б. З. Нанзатова «Присяга и клятва в обычном праве бурят — феномен российского законодательства XVIII–XIX в.» [Нанзатов 2017], в которой автор пишет, что присяга является «нормой, сформированной под воздействием религиозных воззрений, и представляет синтез правил и религиозных

¹ В источнике отсутствует отчество.

² В источнике отсутствует отчество.

убеждений, унаследованных от монгольской правовой системы..., присяги и клятвы сохранили архаичную форму, что позволяет определить сакральную значимость мест и атрибутов, сопутствующих этим действиям» [Нанзатов 2017: 21]. Б. З. Нанзатов приводит пример — бурятские родоначальники и другие народы Сибири при принятии клятвы на верность государю, вступая в должность тайши, шуленги, зайсана и др., целовали клинок холодного оружия, дуло ружья [Нанзатов 2017: 18].

В калмыцкой историографии обряды и обычаи рассматривались в ряде исследовательских работ [Эрдниев 1980; Обычаи 1989; Митиров 1998; Митиров 2002; и др.], среди других вопросов изучалось и принятие присяги. Так, в «Избранных трудах» А. Г. Митирова рассматривается обычное право калмыков, в том числе договоры, присяги и баранта [Митиров 2012: 80–97]. А. Г. Митиров на архивных документах исследовал обычаи, их применение и значение в жизни общества. Он показал, что со временем формы заключения договоров и принятие присяги изменялись и упрощались. Например, калмыцкие владельцы при принятии клятвы «вынимали саблю и прикладывали к горлу и клялись, что в случае нарушения договора будут отсечены их головы», позже «они стали прикладывать к голове только образ бурхана» [Митиров 2012: 96]. Упоминание о прикладывании бурхана к голове при принятии присяги А. Г. Митиров выявил в архивных документах, свидетельствующих о том, что после смерти Аюки-хана между наследниками началась междоусобная борьба за власть. Противники объединялись и закрепляли свою верность друг другу присягами. В присяге говорилось, «что им жить и умереть вместе и в том между себя присягали, клали бурхана на свои головы» (имеется в виду изображение бурхана Шакджи-Муни (Шакьямуни), учителя веры, почитавшегося источником святости) [Митиров 2012: 87].

При принесении клятвенного обещания на верность службе зайсанга Цюрюма Нухаева, имевшего место в апреле 1855 г., к его голове также прикладывали образ бурхана Шакджи-Муни [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 24–25об.]. Из вышеизложенного можно сказать, что ритуал принятия присяги с прикладыванием образа бурхана к голове сохранился вплоть до XIX в.

До момента назначения зайсанга Цюрюма Нусхаева опекуном Эркетеневского улуса были проведены проверки представленных документов, принятых решений заинтересованных органов и должностных лиц, осуществлявших свою деятельность в соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. [[Государственное 2009: 193–228](#)]. Документы о ходе рассмотрения вопроса об опекунстве над аймаком и имением зайсангом Цюрюмом Нусхаевым отложились в архивном фонде И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1832–1881 гг.) Национального архива Республики Калмыкия. Краткие сведения о фонде опубликованы в справочном издании «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [[Фонды 2002](#)].

2. Методы и материалы

В процессе работы применялись исторические методы исследования, сравнительно-сопоставительный и хронологический, что позволило провести анализ, выявить и ввести в научный оборот такой вид документа, как клятвенное обещание зайсанга.

В статье анализируются документы из фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» Национального архива Республики Калмыкия. В составе документов архивного дела № 75 «Дело об утверждении Эркетеневским улусным зарго безаймачного зайсанга Цюрюм Нусхаева в звании опекуна» выявлено клятвенное обещание зайсанга Цюрюма Нусхаева на верность службе в должности опекуна Эркетеневского улуса [[НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 24об.](#)], анализ которого является целью данной статьи.

При анализе архивных документов, освещающих порядок рассмотрения вопроса о назначении зайсанга Цюрюма Нусхаева опекуном над аймаком и имением умершего владельца Цюрюма Цюрюмова, нами одновременно изучались виды документов, их функциональное назначение, их движение в делопроизводственном процессе Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (АГПИ). Кроме того, проводился сравнительный анализ ведения делопроизводства с предшествующими органами управления калмыцким народом. Об организации рабо-

ты с документами в Комиссии калмыцких дел (1825–1836) и Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848) мы писали в других работах [[Манджикова 2022а](#); [Манджикова 2022б](#); [Манджикова 2023а](#); [Манджикова 2023б](#); [Манджикова 2023в](#); [Манджикова 2023г](#)].

В ходе анализа нами также учитывались работы Д. А. Сусевой, Д. Б. Гедеевой, И. В. Лиджиевой и Б. В. Когдановой [[Сусева 2003](#); [Сусева 2009](#); [Гедеева 2004](#); [Гедеева 2018](#); [Гедеева 2019](#); [Гедеева 2022](#); [Лиджиева, Когданова 2018](#)], посвященные калмыцкой деловой письменности.

3. Клятвенное обещание зайсанга Цюрюма Нусхаева

Архивное дело № 75 «Дело об утверждении Эркетеневским улусным зарго безаймачного зайсанга Цюрюм Нусхаева в звании опекуна» [[НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75](#)] включает клятвенное обещание зайсанга Цюрюма Нусхаева на верность службе в должности опекуна Эркетеневского улуса.

Дело начинается с внутренней описи, составленной в табличной форме и содержащей следующие графы: 1) номер; 2) о значении бумаг; 3) на скольких листах. Внутренняя опись составлена на 6 листах, и в ней перечислены наименования 197 документов, подшитых в деле.

В деле представлены документы, необходимые для рассмотрения вопроса об утверждении опекуном над аймаком и именем зайсанга Цюрюма Нусхаева. Документы в деле начинаются с приговора, составленного аймачными калмыками умершего зайсанга Эркетеневского улуса Шарус¹ Багутова рода Цюрюма Цюрюмова, которые «по совещанию избрали таковым одного сына улуса и рода зайсангов Цюрюм Нусхаева... в чем и составили сей приговор и подписуемся», далее следуют подписи, написанные на калмыцком языке, за ним следует перевод фамилий и имен «рукоприложивших», т. е. подписавших документ. Еще ниже указаны сведения о переводчике текста и дата — «1854 года октябрь 18 дня». Внизу текста слова «сей в Книгу на записку всякаго рода акты представляемых» написаны на развороте документа, т. е. текст переходит на 2-й лист [[НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 20–21](#)].

¹ Так в архивном деле. Чаще встречается написание Шарс-Багутов род или Шарас-Багутов род.

Данный приговор был направлен «при отношении от 20 октября 1854 г. № 1624» Главным попечителем Мочагов в Эркетеневский улусный Зарго. В свою очередь улусный Зарго представляет на утверждение в Астраханскую палату государственных имуществ (далее — АПГИ) приговор об избрании опекуном улуса зайсанга Цюрюма Нусхаева. АПГИ запросила документы на зайсанга Цюрюма Нусхаева, подтверждающие сведения о нем и умершем зайсанге Цюрюме Цюрюоме.

В числе документов, представленных для вынесения решения, было донесение от 22 февраля 1855 г., адресованное Астраханскому Военному губернатору в отношении зайсанга Цюрюма Цюрюмова. В нем пишется: «Зайсанг Цюрюмов поведение хорошего и суде не состоял» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л.14об.].

Астраханский Военный губернатор Н. А. Васильев принял мнение (решение) об утверждении зайсанга Цюрюма Нусхаева опекуном и поручил «дать знать Эркетеневскому улусному Зарго, поручив ему ввести на верность отправа своей должности к присяге..., а снабдив описью имения и приходно-расходною Книгою, требовать от него своевременного в управлении отчета» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 22об.].

В соответствии с решением Астраханского Военного губернатора 12 апреля 1855 г. Цюрюм Нусхаев в присутствии духовного лица гелюнга Габуна Аршиева и Эркетеневского улусного попечителя Пршесмыцкого дал клятвенное обещание «верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 24об.]. Из текста клятвенного обещания следует, что Цюрюм Нусхаев должен был верно служить, предостерегать и оборонять, приносить пользу государству, не допускать ущерб и ставить в известность об убытках, всякую тайну крепко хранить, исполнять обязанности исправно и по совести, присягу не нарушать.

Клятвенное обещание произносилось перед образом Будды Шакьямуни со словами «судом Его страшным в том всегда ответ держать могу, как сущее мне Бурхан Шагжи Мани¹ да поможет».

¹ В архивных документах встречается написание Шагжи Мани, Шакджи-Муни и др. Эти варианты написания относятся к имени Будды Шакьямуни.

После принятия присяги «возложили на главу мне образ Бурхана Шагжи Мани». Такой вид принятия присяги, по мнению протоиерея П. А. Смирнова, когда текст присяги читался «перед бурханом в присутствии чиновника управления и духовного лица», назывался «Андагар» [Смирнов 1893: 309–312].

И завершающий обязательный элемент принятия присяги — это указание даты ее принятия, подписи и проводивших присягу («кто к присяге приводил»). В тексте все перечисленные элементы прописаны: «1855 года апреля 12 дня, по сей присяге принять опекун[ом] Эркетеневского улуса багутова рода зайсанга Цюрюм Нухаева, о чем и подписуем». Далее следуют подписи Цюрюма Нухаева, гелюнга Габун Аршиева и улусного попечителя Пршесмыцкого и запись о том, что «к присяге приводил Эркетеневского улуса гелюнг Габун Аршиев». Кроме перечисленных лиц, на ритуале принесения клятвенного обещания присутствовал письмоводитель Гоглазин [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д 75. Л. 26].

Возможно, клятвенное обещание произносили на калмыцком языке или же на калмыцком и русском языках, так как текст написан на двух языках. К тому же имеется мнение исследователя И. К. Воронова о том, что присяга могла «произноситься на том языке, на котором говорил иностранец, и перед священнослужителем той конфессии, к которой он принадлежал» [Воронов 2023: 120].

Текст клятвенного обещания написан на плотной бумаге, в настоящее время бумага выцвела и имеет грязно-серый оттенок. Текст написан черными чернилами, хорошо читается. Бумага условно разделена на 2 части, при этом слева текст написан на «тодо бичиг» («ясном письме»), справа — перевод на русском языке. Наверху посередине написано наименование документа «Клятвенное обещание» на русском языке.

В настоящей статье вводится в научный оборот текст «Клятвенного обещания». В тексте сохранен стиль документа (см. факс. 1).

Клятвенное обещание

Я, нижеимянованный обещаю и клянусь пред Бурханом в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссийскому

и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому князю Николаю Александровичу, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и всяк высокому Его Императорского Величества Самодержцу, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемые по крайнему разумению сил и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может, о ущербе Его Величества интереса, впредь и убытков, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщаться, и всякую тайну крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей Генеральный, так и по особливой определенной и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от предоставленных надо мной начальников определяемым Инструкциям и Зайсангам и Указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства дружбы и вражды, против по должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит и как я пред Бурханом и судом Его страшным в том всегда ответ держать могу, как сущее мне Бурхан Шагжи Мани да поможет. В заключении же сей моей Клятвы возлагаю на главу мне образ Бурхана Шагжи Мани.

1855 года апреля 12 дня, по сей присяге принять опекун Эркетеновского улуса багутова рода зайсанга Цюрюм Нусхаева, о чем и подписуем:¹

К присяге приводил Эркетеновского улуса Гелюнг Габун Аршиев.

При приводе к присяге присутствовали:

улусный попечитель [подпись]² Пршесмыцкий

Письмоводитель [подпись] Гоглазин

[НА РК. Ф. И-6. Оп 1. Д. 75. Л. 24об.–26].

После принесения клятвенного обещания зайсангом Цюрюмом Нусхаевым были направлены донесения об исполнении поручения.

¹ Далее текст написан на «тодо бичиг».

² Подпись на русском языке и на «тодо бичиг».

Имен Киймван Вагагасо
 и сынау Магадубура
 Цюрюма Нухсаева
 Моим.

1855 год Август 12 дня, моею рукою подписана
 Откупная грамота на откуп земли мадыга Сайникова
 пада заимана Цюрюма Нухсаева, с тем же и
 означен:

Цюрюм Нухсаев
 Магадубура

Капитану отпущена откупная земля - отпущена откупная земля
 мадыга Сайникова пада заимана Цюрюма Нухсаева, с тем же и
 означен.

Для отпущения не присяга принимается.

Цюрюм Нухсаев
 Магадубура

Магистр-полковник Доржаев

Факс. 1. Клятвенное обещание Цюрюма Нухсаева
 [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 24об.-26]

В деле также подшит Журнал общего присутствия от 22 сентября 1861 г., в котором в краткой форме был изложен процесс движения документов, сведения о должностных лицах, рассматривавших и принимавших решения по данному вопросу. В деле также подшиты документы о сборах податей в пользу зайсанга с простолюдинов и другие документы, связанные с жизнедеятельностью аймака под опекой зайсанга Цюрюма Нусхаева.

4. Заключение

Изучение состава и содержания документов архивного дела № 75 «Дело об утверждении Эркетеневским улусным зарго безаймачного зайсанга Цюрюм Нусхаева в звании опекуна» фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1832–1881 гг.) Национального архива Республики Калмыкия позволило исследовать тему принятия присяги в форме клятвенного обещания калмыцким владельцем и утверждения зайсанга Цюрюма Нусхаева в звании опекуна Эркетеневского улуса. Рассмотрение истории появления одного из видов присяги — клятвенного обещания — показало, что по типу проведения ритуала его можно отнести к присяге-андагар. Проведенный анализ текста клятвенного обещания показал, что он полностью соответствует российской «присяге на верность службе», разница в том, что в отличие от других подданных, которые давали клятву перед изображением христианского Бога и целовали крест, калмыцкие владельцы давали клятву перед образом буддийского божества, а по завершении обряда к голове дающего клятву прикладывали образ бурхана.

В отличие от общероссийской присяги на верность службе, текст рассмотренного клятвенного обещания был написан на двух языках. Возможно, и сам текст клятвы произносился на двух языках, что, конечно же, требует дальнейшего исследования. Тот факт, что текст клятвенного обещания написан на русском и калмыцком языках свидетельствует о том, что делопроизводство в органе управления калмыцким народом продолжало быть двуязычным. Виды документов, созданных в процессе деятельности Ордынского отделения АПГИ, их оформление соответствовали общероссийским требованиям ведения делопроизводства и документооборота.

Анализ показал, что соблюдались главные требования к присяге — это сакральность самого текста и ритуала принесения присяги, а именно прикладывание к голове образа буддийского божества. Кроме того, 6 элементов клятвенного обещания иностранцев, желающих присягнуть на вечное подданство России, совпадают с элементами текста клятвенного обещания зайсанга Цюрюма Нухаева, присягнувшего на верность «Его Императорскому Величеству своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому князю Николаю Александровичу» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 24об.].

Изучение документов, созданных в процессе деятельности Ордынского отделения АГПИ, порядок их оформления и рассмотрения показало, что они соответствуют требованиям, предъявляемым к их оформлению и движению в делопроизводственном процессе органа управления калмыцким народом в дореволюционной России. Но в ведении калмыцкого делопроизводства имелись свои особенности, связанные с тем, что калмыки имели свою письменность «тодо бичиг» («ясное письмо») и делопроизводство велось на двух языках (русском и старокалмыцком).

Из вышеизложенного видно, что в рассматриваемый период процесс интеграции калмыцкого общества в общероссийское правовое поле практически подошел к завершению.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Бауэр 2024 — *Бауэр Т. В.* Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середины XIX – начало XX веков) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 3. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189

Бенда 2009 — *Бенда В. Н.* «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1: История. 2009. Вып. 31. № 12 (150). С. 56–62.

- Воронов 2023 — *Воронов И. К.* Роль присяги при вступлении иностранцев в русское подданство (XV–XX века) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 4–5. С. 113–124. DOI: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124
- Гедеева 2004 — *Гедеева Д. Б.* Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.
- Гедеева 2018 — *Гедеева Д. Б.* О слове *biçiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–150. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
- Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Матлы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.
- Гедеева 2022 — *Гедеева Д. Б.* О жанровом составе калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3. С. 10–15.
- Государственное 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док-тов и мат-лов. Элиста: Джангар, 2009. 399 с.
- Драгомиров 1903 — *Драгомиров М.* Можно ли менять редакцию текста военной присяги // Разведчик. 1903. 7 января. № 637. С. 3–4.
- Левенстим 1901 — *Левенстим А. А.* Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник права. 1901. № 6. С. 3–28.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 2. С. 29–37. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Манджикова 2022а — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-65032022-2-22-70-87
- Манджикова 2022б — *Манджикова Л. Б.* Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении но-

- силь бронзовую медаль) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Манджикова 2023а — *Манджикова Л. Б.* О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/26190990-2023-67-3-602-615
- Манджикова 2023б — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии // *Монголоведение*. 2023. Т. 15. № 4. С. 683–699. DOI: 10.22162/25001523-2023-4-683-699
- Манджикова 2023в — *Манджикова Л. Б.* Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2023. Т. 10(3). С. 398–409.
- Манджикова 2023г — *Манджикова Л. Б.* Документы секретного делопроизводства Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848 гг.) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2023. № 3. С. 92–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн., изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн., изд-во, 2002. 272 с.
- Митиров 2012 — *Митиров А. Г.* Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 236 с.
- Нанзатов 2017 — *Нанзатов Б. З.* Присяга и клятва в обычном праве бурят — феномен российского законодательства XVIII–XIX в. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2017. № 4 (28). С.17–22.
- Обычаи 1989 — *Обычаи и обряды монгольских народов*: Сб. ст. Элиста: КалмНИИФЭ, 1989. 125 с.
- Смирнов 1893 — *Смирнов П. А.* О присяге у калмыков и потворстве духовенства их калмыкам-преступникам // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1893. № 17. С. 303–312.

- Станкевич 1902 — *Станкевич В.* Военная присяга // Разведчик. 1902. 5 ноября. № 629. С. 1005.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма Аюки хана и его современников (1714–1724 гг.): Опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Агуева и др. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.
- Шишкин 2022 — *Шишкин В. В.* Клятвенное обещание как основа правовой социализация личности в Российской империи // Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: Матлы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Казань, 15 октября 2021 г.). Казань: Отечество, 2022. С. 248–352.
- Эрдниев 1980 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки / 2-е изд., доп. и перераб. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 286 с.

Материалы газеты «Астраханский листок» 1913 г. как источники по вопросам реформирования судебного устройства в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде в начале XX в.

*Евгений Александрович Гунаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье приводятся тексты и характеристика двух публикаций в газете «Астраханский листок» за 1913 г., посвященные реформам судебного устройства в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде в начале XX в. *Цель* статьи — введение в научный оборот указанных публикаций, их изучение с точки зрения содержания и исторического контекста. *Результаты.* Приводятся основные положения проектов реформирования судебного устройства двух названных национальных окраин: первого от Министерства внутренних дел, второго — совместно с Министерством юстиции Российской империи. Даны биографические сведения о редакторе и издателе газеты «Астраханский листок» В. И. Склабинском. Приводятся тексты статей «Реформы суда в Калмыцкой и Киргизской степи» и «Восстановление архаической роли улусных зарго. (К вопросу о калмыцком правосудии)», а также комментарии к ним. *Выводы.* В указанных публикациях обосновывается и отмечается запоздалость реформирования системы правосудия в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде по сравнению с современными тенденциями того времени, осуществление правосудия квазисудебными органами, применение дореформенных процессуальных законов, отсутствие должной юридической подготовки у кадрового состава судов; высказывается неотложность скорейшего введения современного суда и порядка судопроизводства. Вместе с тем поддерживаются положения официальных проектов о невозможности введения суда присяжных заседателей в Калмыцкой степи и Внут-

ренной Киргизской орде, что связывается с плохим знанием русского языка, отсутствием земельного ценса и ряд других изъятий, обусловленных как недостатками существовавшей системы судопроизводства, так и особенностями быта кочевых инородцев.

Ключевые слова: Российская империя, Астраханская губерния, Калмыцкая степь, Внутренняя Киргизская орда, судебное устройство, проекты реформирования

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Материалы газеты «Астраханский листок» 1913 г. как источники по вопросам реформирования судебного устройства в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде в начале XX в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 68–86. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-68-86

Materials of the Newspaper “Astrakhanskiy Listok” in 1913 as Sources on the Reform of the Judicial System in the Kalmyk Steppe and the Inner Kyrgyz Horde at the Beginning of the 20th Century

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]yandex.ru

Abstract. Introduction. This article presents the texts and characteristics of two publications in the newspaper “Astrakhanskiy Listok” for 1913, devoted to the reforms of the judicial system in the Kalmyk steppe and the Inner Kyrgyz Horde at the beginning of the 20th century. *The purpose* of the article is to introduce these publications into scientific circulation, to study them from the point of view of content and historical context. *Results.* The main provisions of the projects of reforming the judicial system of the two named national suburbs are given: the initial one from the Ministry of Internal Affairs, the second one — jointly with the Ministry of Justice of the Russian Empire. The biographical information of the editor and publisher of the newspaper “Astrakhanskiy Listok”

V. I. Sklabinsky is given. The texts of the articles “Judicial reforms in the Kalmyk and Kyrgyz Steppe” and “Restoration of the Archaic Role of the Ulus Zargo. (On the Issue of Kalmyk Justice”, as well as comments on them. *Conclusions*. These publications substantiate and note the delay in reforming the justice system in the Kalmyk Steppe and the Inner Kyrgyz Horde in comparison with modern trends of that time; the implementation of justice by quasi-judicial bodies; the application of pre-reform procedural laws; the lack of proper legal training among the personnel of the courts. The urgency of the early introduction of a modern court and judicial procedure is expressed. At the same time, the provisions of the official drafts on the impossibility of introducing a jury trial in the Kalmyk steppe and the Inner Kyrgyz Horde are supported, which is associated with poor knowledge of the Russian language, lack of land qualifications, and a number of other exceptions due to both the shortcomings of the existing judicial system and the peculiarities of the way of life of nomadic foreigners.

Keywords: Russian Empire, Astrakhan province, Kalmyk steppe, Inner Kyrgyz horde, judicial system, reform projects.

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Gunaev E. A. Materials of the Newspaper “Astrakhanskiy Listok” in 1913 as Sources on the Reform of the Judicial System in the Kalmyk Steppe and the Inner Kyrgyz Horde at the Beginning of the 20th Century. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 68–86. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-68-86

1. Введение

Изучение истории трансформации традиционных обществ в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. в аспекте их модернизации и прежде всего политики государства по приобщению их перехода к слиянию с основным населением страны представляет по-прежнему значительный исследовательский интерес. На юго-востоке империи в Астраханской губернии таковыми до 1917 г. являлись Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская орда (казахи). Со второй половины XIX в. со стороны имперских органов государственной власти стали разрабатываться проекты реформирования устройства данных этнополитических образований. Одними из главных направлений выделялись административно-территори-

альное устройство, земельный вопрос, а также реформа сферы правосудия.

Согласно представлению Министерства внутренних дел в Государственную думу «О преобразовании административного, судебного и земского устройства Внутренней Киргизской орды и Калмыцкой степи Астраханской губернии» от 13 февраля 1913 г., прежние суды предлагалось устранить, «народный» не вводить, поскольку он, как отмечалось, повсюду устарел, в целом намечалось переходить к общеимперской судебной системе. Низшей инстанцией предполагался единоличный мировой судья, назначаемый правительственной властью, ни в коем случае не выборный. Допускалась возможность назначения почетных мировых судей из местного населения. Второй инстанцией предполагался не съезд мировых судей («из-за обширности пространства»), а Астраханский окружной суд. Введение суда присяжных также не предлагалось, так как «киргизы и калмыки плохо говорят и не читают по-русски» [Дякин 1998: 966]. Из-за некоторых разногласий с Министерством юстиции новый вариант представления данного проекта предлагался 12 мая 1913 г. [Дякин 1998: 966].

В настоящей статье рассматриваются материалы газеты «Астраханский листок» 1913 г., на страницах которой обсуждалось реформирование суда в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде. Исследователи отмечают, что в силу интенсивного развития печати в южных регионах России, ее «влияние на окружающую действительность и общественную жизнь регионов, в том числе и на проживающие здесь народности, было гораздо заметнее и эффективнее» [Ахмадулин, Дякиева 2021: 207].

В этой связи исследование материалов периодической печати как исторических источников также является своего рода ключом к более углубленному изучению предмета исследования.

2. Источники

«Астраханский листок» — газета в г. Астрахани, издавалась с 25 марта 1866 г. по 1 сентября 1918 г. С 1866 г. по № 145 1897 г. выходила под названием «Астраханский справочный листок». Первоначально газета печаталась в типографии «Рыбное дело», принадлежавшей Николаю Львовичу Рослякову. Он же занимал

должность «редактора-издателя». К началу XX в. газета стала печататься в собственной типографии Вячеслава Ивановича Склабинского, который также был ее редактором. До 1869 г. выходила ежедневно, с 1869 г. — три раза в неделю [Газета; [Вся Астрахань 1913: 149 стб.](#)].

Материалами для анализа в нашем исследовании выступают две газетные статьи. Первая статья в газете «Астраханский листок» от 20 марта 1913 г. под названием «Реформы суда в Калмыцкой и Киргизской степях» [[Реформы 1913](#)]. Вторая — «Восстановление архаичной роли улусных зарго (К вопросу о калмыцком правосудии)», опубликованная в ноябре 1913 г. под авторством В. И. Склабинского.

Вячеслав Иванович Склабинский (20 (8) февраля 1858 – 25 ноября 1931 гг.) — «издатель, журналист, редактор газет „Астраханский вестник“ и „Астраханский справочный листок“, член Петровского общества исследователей Астраханского края, член комитета Каспийских рыболовных промыслов, Гласный Астраханской городской думы, член Губернского Статистического комитета, председатель Общества садоводов и огородников, председатель комиссии по управлению библиотекой Ивана Акимовича Репина... Как до, так и после революции он был задействован в различных отраслях сельского хозяйства, а также волжского и каспийского рыболовства» [[Арсеньева; Имя в истории](#)].

Первая статья из указанных является чисто информативной с приведением фактических данных. Вторая же — под авторством В. И. Склабинского — имеет более проблемный характер и посвящена роли улусных зарго в условиях намечавшейся реформы калмыцкого правосудия.

3. Историография

Обращаясь к реформам системы правосудия в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде в начале XX в., нельзя не упомянуть об историографии вопроса по данной теме исследования. Несмотря на наличие ряда работ по истории судебного устройства и правосудия у калмыков и казахов Астраханской губернии по XIX в. и отчасти начала XX в. [[Васильев 2018](#); [Деев 2003](#); [Команджаев 2022](#); [Очиров, Шургучиева 2022](#); [Почекаев 2016](#); [Чер-](#)

ник 2016а; Черник 2016б; Черник 2019; Шургучиева 2016], предложения, выдвинутые российской властью в 1913 г. по реформам правосудия на указанных территориях Астраханской губернии, не были объектом пристального исследовательского интереса.

Краткая информация приводится Ф. И. Плюновым, который упомянул о проекте, касаемом Калмыцкой степи, в рукописи своей книги в 1920-х гг., изданной только в 2016 г. [Плюнов 2016: 70–71]. Ф. И. Плюнов указывает, что по законопроекту, внесенному Министерством внутренних дел в Государственную Думу 9 октября 1913 г., также предполагалось из Калмыцкой степи образовать Павловский уезд, но с центром не в п. Яшкуль, как предполагалось по первому законопроекту, а в с. Элиста Черноярского уезда, расположенном вблизи ставки Манычского улуса. Во главе уезда находился начальник уезда с двумя помощниками. Предлагалось введение института земских начальников, но без судебных функций, от которых они освобождались. Далее предлагалось ввести должности мировых судей по назначению от правительства и подчинить их ведению Астраханского окружного суда, так как учреждение института присяжных заседателей признавалось в тот момент невозможным ввиду неумения калмыков говорить и читать по-русски, что требовалось законом, и необладания ими земельным цензом (пп. 1 и 2, ст. 84 Устава судебных учреждений). Апелляционной инстанцией по отношению к Астраханскому окружному суду предлагалось сделать Саратовскую судебную палату; кассационными инстанциями должны были являться Уголовный и Гражданский кассационные департаменты Правительствующего сената. «Но, — отмечал Ф. И. Плюнов, — и этот ограничительный законопроект не получил осуществления, ввиду возникшей в 1914 году войны России с Германией и последующих политических событий во внутренней жизни России» [Плюнов 2016: 71–72].

Ниже приводятся тексты вышеназванных статей из газеты «Астраханский листок» и комментарии к ним.

4. Реформа суда в Калмыцкой и Киргизской степях

Министерствами внутренних и юстиции разработан и внесен в Совет министров законопроект — о преобразовании административного, судебного и земского устройства Внутренней Кир-

гизской орды и Калмыцкой степи (Астраханской губернии), переименовывающихся: первая — в Алексеевский уезд, а вторая — в Павловский.

Остановимся на той части реформы, которая, преимущественно перед другими, призвана внести свежую культурную струю в быт местных инородцев, — на преобразовании суда.

Судебная реформа Александра II осуществлялась постепенно, в течение более чем 30 лет, на всем пространстве Империи, коснувшись и самых отдаленных окраин России. Единственной местностью, в которой до настоящего времени действует еще дореформенный порядок судопроизводства, являются Внутренняя орда и Калмыцкая степь. Между тем положение судебного дела настолько неудовлетворительно, что возникает неотложная необходимость устройства в этом крае суда на новых началах.

На самом деле судебная власть в Орде принадлежит, в качестве первой инстанции, временному совету по управлению Ордой, являющемуся, однако, органом по преимуществу административным и плохо справляющимся со своими судебными функциями, определяемыми к тому же дореформенными процессуальными законами. Не лучше положение судебного дела в Калмыцкой степи, где действуют улусные «зарго», — суды первой инстанции, — члены которых, не обладая юридической подготовкой, не могут успешно выполнять возложенную на них задачу, тем более что и здесь действуют те же дореформенные законы.

Исходя из приведенных соображений, министерство юстиции и решило распространить на новые уезды судебные уставы 1864 г., с некоторыми отступлениями, которые соответствовали бы бытовым особенностям киргизов и калмыков.

Во всех окраинных местностях, где коренное население составляют инородцы, низшей судебной организацией являются народные суды, решающие дела по местным обычаям. В степях Астраханской губернии, однако, народного суда, в чистом его виде, теперь не существует; местные киргизы и калмыки уже более полувека судятся русскими властями и, находясь в постоянном общении с русскими элементами края, постепенно воспринимает общую культуру и ассимилируются с нашим народом.

С другой стороны, народный суд, как низшая форма суда, конечно, не всегда удовлетворяет самым элементарным требованиям правосудия. При таких условиях устройство народного суда для астраханских киргизов и калмыков по образцу Туркестанского края и степных областей, пожалуй, лишь ухудшило бы условия отправления правосудия среди инородцев.

Вот почему выдвинутый в законопроекте принцип мировой юстиции должен считаться наиболее целесообразным при условиях Киргизской степи.

Осуществление этой реформы послужит верным залогом, несомненно, желательного слияния Киргизской орды и Калмыцкой степи с внутренней Россией. Вместе с тем, введением в этих местностях судебных уставов императора Александра II окончательно завершится великое судебное преобразование.

Согласно проекту, изменяющему судебное дело в Киргизской и Калмыцкой степях, вводимые здесь мировые судьи должны быть не выборными, а по назначению от правительства. При этом, в отступление от принятого на окраинах правила о совместительстве следственных функций в одном лице, на мировых судьях лежат лишь обязанности судьи, для производства же предварительных следствий вводятся судебные следователи на общих основаниях.

Мировую подсудность предполагается установить аналогичную с той, которая принята на окраинах. На мировых судей будут возложены и обязанности нотариусов.

Функции мирового съезда будет исполнять астраханский окружной суд, кассационной же инстанцией явится сенат.

Что касается общей подсудности, то Киргизская и Калмыцкая степи будут подчинены астраханскому окружному суду на тех же основаниях, на которых этот суд действует на пространстве всех уездов Астраханской губернии; не будет лишь введен институт присяжных заседателей, ввиду незнакомства инородцев с русским языком, отсутствия у них земельного ценза и т. д.; предполагаются и некоторые другие изъятия из постановлений судебных уставов, в зависимости от местных условий.

Из подчинения новых уездов астраханскому окружному суду вытекает подсудность их Саратовской судебной палате.

В соответствии со всеми этими предположениями намечено учреждение следующих новых должностей: 4 мировых судей, 6 судебных следователей, 1 товарища председателя и 4 членов окружного суда, 2 товарищей прокурора суда и 1 члена палаты, а также усиление состава канцелярий суда и палаты.

Судебное переустройство края должно вызвать единовременный расход в размере 17 630 руб. и ежегодный — в размере 89 750 руб. [Реформы 1913].

Указанная статья, опубликованная в апреле 1913 г., повторяет тезисы проекта, представленного Министерством внутренних дел в феврале 1913 г., кратко приводится обоснование реформирования судов в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде, а именно осуществление правосудия квазисудебными органами: временным советом в Киргизской Внутренней орде и улусными зарго в Калмыцкой степи. Если первый можно было назвать административным органом, то члены судов зарго как первой инстанции не обладали должной юридической подготовкой. В обеих названных инородческих окраинах применялись дореформенные процессуальные законы.

Констатируется, что так называемого народного суда в чистом виде в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде на тот момент уже не существовало, и признается необходимость введения мировой юстиции на указанных территориях. Далее приведен краткий план реформирования системы правосудия в них с некоторыми особенностями, допускаемыми для национальных окраин. В частности не планировалось вводить институт присяжных заседателей, поскольку местное население не читало и плохо говорило по-русски.

В данной статье содержится информация об учреждении штатных должностей судебной системы, однако без разбивки по территориям. Из-за этого не совсем ясно из контекста, это имелось в виду для обеих территорий или для каждой в отдельности. В статье содержится информация о финансовой составляющей реформы правосудия.

5. Восстановление архаичной роли улусных зарго (К вопросу о калмыцком правосудии)

В «Астраханском листке» (№ 238) сообщено о передаче из астраханского окружного суда в калмыцкие улусные суды (зар-

го) всех калмыцких уголовных дел, находившихся в производстве окружного суда, в качестве суда первой инстанции.

Этот факт вызвал чрезвычайный интерес в местном юридическом мире; несомненно, он должен остановить на себе внимание и остального местного общества, так как в бытовом отношении ему, этому событию, суждено будет сыграть крупную роль в Калмыцкой степи, и возможно, что он поведет к осложнениям непредвидимого рода.

Сущность этого вопроса сводится к следующему.

В 1895 г. прокурором астраханского окружного суда был возбужден вопрос о порядке подсудности и направления дел о преступлениях, совершенных калмыками в пределах калмыцких кочевий Астраханской губернии.

По установившейся практике бывшей астраханской палаты уголовного гражданского суда, дела эти, если совершенное преступление влекло за собою по закону наказание, соединенное с лишением или ограничением прав состояния, ведались палатой в качестве суда первой степени, прочие же дела, менее важные, подлежали рассмотрению улусных судов — зарго.

По введении в Астраханской губернии судебных уставов 1864 г. прокурор вновь образованного астраханского окружного суда нашел, что этот порядок не согласен с законом (ст. 791–813 законов судопроизводства уголовного — т. XVI ч. 2 свода законов и ст. 519 положения об инородцах, — т. II свода законов), согласно которого все вообще дела по уголовным преступлениям, совершенным калмыками в пределах калмыцких кочевий, подлежат ведению улусных зарго, в качестве судов первой степени, независимо от размера наказания, угрожающего подсудимому, причем дела по более важным преступлениям могут поступать в астраханский окружной суд только на ревизию*, после рассмотрения их в улусном зарго.

* «Ревизия уголовных дел есть прилежное во всей подробности рассмотрение, произведено ли дело порядочно и сходственно с законами, сколь для оправдания невинности, столь и для приведения в ясность преступления и обличения преступника». Примечание к ст. 442 законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках — т. XV, ч. 2.

Рассмотрев этот вопрос по жалобе прокурора, сенат высказал следующие соображения.

Хотя установленный бывшей палатой и принятый ныне в астраханском окружном суде порядок подсудности и направления калмыцких дел и составляет некоторое отступление от буквального смысла закона, но, тем не менее, порядок этот не может не быть признан вполне соответствующим общему закону о подсудности уголовных дел и местным условиям порядка уголовного судопроизводства.

Преимущества этого порядка явствуют из следующего.

Прежде всего, самое устройство улусных зарго, как судебных мест, следует признать весьма несовершенным.

На основании закона 1847 г., действующего поныне, улусное зарго состоит из председателя, место которого занимает улусный попечитель, двух членов, назначаемых из помощников попечителей, и двух заседателей из калмыков (ст. 516 и 517 Положения об инородцах)**.

** Вот текст этих статей. 516. В каждом улусе зарго состоит из представителя, двух членов: старшего и младшего, и двух заседателей из калмыков. 517. Место председателя в улусном зарго занимает улусный попечитель; членами же назначаются старшим и младшим помощники попечителя. Ред.

Улусные попечители избираются управляющим государственных имуществ Астраханской губернии***.

*** Теперь с переходом калмыцкого управления в ведение министерства внутренних дел, попечители улусов назначаются по указанию астраханского губернатора, который несет обязанности главного попечителя калмыцкого народа. Ред.

Помощники же улусных попечителей определяются по избранию главного попечителя и с утверждения губернатора (ст. 508).

Таким образом, в состав улусных зарго входят в качестве коронных судей чиновники управления государственных имуществ Астраханской губернии, не обладающие соответствующей подготовкой для занятия судейских должностей и несущие при том многообразные другие обязанности по званию улусных попечителей и их помощников.

Очевидно, что при таком устройстве улусных зарго изъятие из ведения последних дел о преступлениях, влекущих за собою лишение или ограничение прав, представляется *не только весьма желательным, но и необходимым* (выделено в источнике. — *Е. Г.*).

При таких условиях, изменение установившегося порядка подсудности и направления калмыцких дел применительно к буквальному смыслу статей 791–813 Зак. Суд. Угол. (сокращение в источнике. — *Е. Г.*), представлялось бы несогласным не только с целями правосудия, но и с установленным ст. 2 Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 11 октября 1865 г. общим, основным началом уголовной подсудности в судах прежнего устройства, по которому все дела по обвинениям, влекущим лишение или ограничение прав состояния, должны начинаться в уголовных палатах и вестись ими в качестве судов первой степени.

На основании этих соображений, сенат 13 мая 1895 г. по V департаменту определил: предписать астраханскому окружному суду указом — не изменять установившегося в бывшей астраханской палате уголовного и гражданского суда порядка подсудности и направления дел о преступлениях, совершенных калмыками Астраханской губернии в пределах их кочевий.

Этот руководящий указ сената и положен был в основание судебной практики по здешнему окружному суду в течение 18 лет.

Но теперь эта многолетняя практика, к которой приспособились все органы калмыцкого управления и которая, как ожидалась, могла получить развитие лишь в сторону суда присяжных, пошла насмарку вследствие нового указа сената.

Этот последний указ, только что поступивший в астраханский окружной суд, состоялся по второму общему собранию сената от 25 октября сего 1913 г.

Калмык Манджи Дорджиев, осужденный астраханским окружным судом по 1627 и 1629 статьям Улож. о наказ. (здесь и далее сокращения в источнике. — *Е. Г.*) (разбой), подал в Сенат (здесь в источнике с заглавной буквы. — *Е. Г.*) жалобу, в которой указывал, что дело его подлежало ведению улусного зарго, а не окружного суда.

Сенат в своем указе по этому делу разъяснил, что по точному смыслу статьи 519 Положения об инородцах и статьи 791 Зак. Судопр. Угол., не отмененных никаким позднейшим законоположением, все вообще дела о преступлениях, совершенных калмыками Астраханской губернии в пределах их кочевий, подлежат ведению улусных зарго, в качестве судов первой степени, а в астраханский окружной суд могут поступать лишь на ревизию, за исключением дел о маловажных проступках, которые разрешаются улусными зарго окончательно (ст. 809 Зак. Суд. Угол.).

На этом основании Сенат отменил приговор астраханского окружного суда по делу Манджи Дорджиева и предписал передать дело на рассмотрение улусного зарго.

Это-то решение и повлекло за собою передачу в улусные зарго из окружного суда и остальных калмыцких дел.

Прежде чем сказать несколько слов о последствиях указа по делу Д. Дорджиева (здесь в источнике опечатка. — *Е. Г.*), не лишним будет отметить, что вследствие накопления большого количества „степных“, инородческих дел в нашем окружном суде, при нем весьма недавно (в прошлом году) образовано было особое отделение с целью ускорения судопроизводства, что и привело уже к благоприятным результатам.

Какие же ближайшим образом последствия несет с собою передача в зарго всех, включая угрожающие каторжными работами, калмыцких уголовных процессов?

В указе Сената от 1895 г. достаточно охарактеризован качественный состав зарго с точки зрения приспособленности его к разрешению важных уголовных дел. Не говоря уже о том, что среди попечителей, т. е. председателей зарго, юристы встречаются редко, и большинство их по своей подготовке близкого отношения к судейской деятельности не имеют, надо иметь в виду и контингент помощников попечителей, и обязанности последних.

По закону в делах полицейских попечителю предоставляются те же права, какие исправнику — в уезде: «они обязаны прекращать беспорядки, открывать и ловить преступников, преследуя их даже и в других улусах, и вообще производить всякого рода исследования (расследования. — *Е. Г.*), как лично, так и через своих помощников» (ст. 547 Пол. Инородц.).

«Следствия о преступлениях и происшествиях производятся попечителями и их помощниками в улусах и попечителями в мочагах и на Калмыцком Базаре» — ст. 840 зак. о судопр. угол.

На практике «исследования», т.е. дознания, и следствия производит обыкновенно помощник попечителя, а помощники попечителей в подавляющем большинстве случаев комплектуются из мелких канцеляристов, начиная от писцов улусных попечителей.

Если припомнить состав улусных зарго — председатель — улусный попечитель, два члена старший и младший — помощники попечителя и два заседателя из калмыков, то мы увидим ясно, насколько велики или слабы могут быть гарантии правильного судопроизводства по таким важным и нередко сложным делам, как убийства, разбои, грабежи и др., сопряженные с самыми тяжкими карами, до бессрочной каторги включительно.

Помимо малой юридической подготовленности членов зарго к решению подобных дел, обращает на себя внимание сама организация зарго, безусловно противоречащая основным началам правильного судоустройства.

Члены этого суда, во главе с председателем, не только ведут процесс в суде, т. е. разбирают доказательства виновности подсудимого, определяют свойство уголовного деяния, устанавливают виновность или невиновность и назначают меру наказания, они, кроме того, являются и теми самыми лицами, которые занимались производством первоначального дознания по разбираемому делу, производили следствие, привлекали обвиняемого к нему и предавали суду привлеченного, принимали меру пресечения обвиняемому возможности уклониться от суда. Они же, эти лица, являются тюремным начальством подсудимого, так как улусные места заключения состоят в ведении улусной администрации, т.е. всех тех же попечителей и помощников.

«Когда для предупреждения сокрытия или побега виновного, следует его задержать под стражею, то он содержится в тюрьме, находящейся при улусном управлении» (ст. 844).

Без сомнения, нигде ничего подобного такой системе судоустройства найти нельзя, и если всеми юристами признавался совершенно несостоятельным порядок рассмотрения в присно-

памятной палате уголовного и гражданского суда калмыцких важнейших дел, прошедший в астраханский окружной суд с его кадром образованных и опытных юристов, то каковы же будут гарантии правосудия в улусных зарго, где одни и те же лица, не имеющие юридического образования, будут и возбуждать, и решать дела по самым крупным преступлениям.

Постановка суда для значительной и наименее культурной, наименее защищенной от случайностей и последствий неразвитости своей части населения нашего края делает, в силу буквального применения давно устаревшего закона, крупный шаг назад. Как не велики недостатки системы „формальных доказательств“, составлявших основу судебного процесса по законам 40-х гг. в рамках коего окружной суд рассматривал калмыцкие дела, все же тут имелась и защита по назначению суда, и то искусство судебных деятелей специалистов, которое вводило некоторые коррективы в производство; кроме всего прочего, состав суда лично вовсе не заинтересован был в поддержке дознания приговором, что неизбежно должно будет влиять на исход дел в улусных зарго.

Не вдаваясь в дальнейшее освещение многообразных нежелательных последствий восстановления ветхозаветной, давно забытой компетенции зарго, следует пожелать скорейшего, неотложного проведения в жизнь существующего проекта реформы судебно-следственной части в Калмыцкой степи. Более того — при наличии сенатского решения от 25 октября 1913 г. по делу Дорджиева необходимы экстренные мероприятия по распространению на Калмыцкую степь уставов Александра II. Надо было сделать это в 1892 г., когда калмыкам-простолюдинам дарованы были все личные права, предоставленные общими законами Империи свободным сельским обывателям, (ст. 442 пол. инор.); тем более необходимо это теперь, когда, помимо всех вышеотмеченных органических недостатков улусных судов, последним угрожает паралич от перегрузки. Ведь если в окружном суде скопились этих процессов такая масса, что потребовалось образовать специальный отдел для их разбора, то в улусных зарго, которые теперь неимоверно затягивают свои производства, как поступающие из окружного суда, так и новые, более круп-

ные по своему свойству дела, затруднения достигнуть должны степени невероятной.

Затруднительно даже сказать, какой из интересов: государственный, общественный или частный способен больше пострадать от положения, создавшегося в области калмыцкого правосудия — вследствие запоздалости преобразования судоустройства в нашем крае.

В. И. Склабинский [[Склабинский 1913](#)].

Статья за авторством редактора газеты «Астраханский листок» В. И. Склабинского, напечатанная в двух номерах, носит публицистический характер, что свойственно для периодического издания. Вместе с тем она затрагивает важный процессуальный и организационный аспект намечавшейся реформы правосудия в Калмыцкой степи. Речь идет о передаче всех уголовных дел в качестве первой инстанции из ведения Астраханского окружного суда на уровень улусных зарго. Здесь вновь негативно оценивается роль улусных зарго как квазисудебных учреждений, не отвечавших требованиям правильного и справедливого суда. В целом отмечается отставание реформирования системы правосудия в Калмыцкой степи в начале XX в.

6. Заключение

В двух публикациях, посвященных реформированию системы правосудия в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде и введенных в научный оборот, содержится следующее:

– обосновывается отсталость системы правосудия в них по сравнению с современными тенденциями того времени; осуществление правосудия квазисудебными органами — временным советом во Внутренней Киргизской орде и улусными зарго в Калмыцкой степи; применение дореформенных процессуальных законов; отсутствие должной юридической подготовки у кадрового состава судов;

– отмечается запоздалость реформирования системы правосудия на указанных территориях, высказывается неотложность скорейшего введения современного суда и порядка судопроизводства; для Калмыцкой степи введение судебных уставов Александра II

представлялось необходимым одновременно с проведением реформы 1892 г.;

– вместе с тем поддерживаются положения официальных проектов о невозможности введения суда присяжных заседателей в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде в связи с плохим знанием русского языка и отсутствием земельного ценза, а также ряд других изъятий, обусловленных как недостатками существовавшей системы судопроизводства, так и особенностями быта кочевых инородцев.

Источники

- Реформы 1913 — Реформы суда в Калмыцкой и Киргизской степи // Астраханский листок. 1913. 20 (2) апреля. № 63. С. 3.
- Склабинский 1913 — *Склабинский В. И.* Восстановление архаической роли улусных зарго (К вопросу о калмыцком правосудии) // Астраханский листок. 1913. 10 (23) ноября. № 241. С. 4; 12 (25) ноября. № 242. С. 4.

Литература

- Арсеньева — *Арсеньева Р. В.* Ober-офицерский сын Вячеслав Склабинский [электронный ресурс] // URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/09/01/ober-oficerskij_syn_vyacheslav_sklabinskij/ (дата обращения: 20.06.2024).
- Ахмадулин, Дякиева 2021 — *Ахмадулин Е. В., Дякиева Б. Б.* Освещение в региональной периодической печати жизни и деятельности калмыков на территории Юга России в XIX веке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 206–217. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-206-217
- Васильев 2018 — *Васильев Д. В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Полит. энцикл., 2018. 638 с.
- Вся Астрахань 1913 — Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1913 г. / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Типография губернского правления, 1913. 692 стб.
- Газета — Газета «Астраханский листок» [электронный ресурс] // URL: <https://aonb.astranet.ru/kk/col83.html> (дата обращения: 20.06.2024).
- Деев 2003 — *Деев С. Ю.* Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1. С. 164–181.

- Дякин 1998 — *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.
- Имя в истории — Имя в истории города и библиотеки: Вячеслав Иванович Склабинский (1858–1931) — Редкие книги и книжные памятники [электронный ресурс] // URL: <https://aonb.astranet.ru/кп/%D0%B8%D0%BC%D1%8F-%D0%B2-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%B8-%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B8-%D0%B2%D1%8F%D1%87%D0%B5/> (дата обращения: 20.06.2024).
- Команджаев 2022 — *Команджаев Е. А.* Влияние традиционных начал на институты публичной власти в калмыцком обществе в XIX – начале XX в. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 50–54. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-3-50-54
- Очиров, Шургучиева 2022 — *Очиров У. Б., Шургучиева В. С.* Стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX вв.: особенности правоприменительной практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 139–144. DOI: 10.17223/15617793/483/15
- Почекаев 2016 — *Почекаев Р. Ю.* «Калмыцкий опыт» для реформ суда по обычному праву кочевников русской Центральной Азии в XIX в. // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Мат-лы Росс. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 16–19 марта 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016. С. 176–182.
- Плюнов 2016 — *Плюнов Ф. И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.
- Черник 2016а — *Черник М. В.* Институты судебной власти Внутренней Киргизской орды в Нижневолжском фронтире // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 2. С. 52–60.
- Черник 2016б — *Черник М. В.* Особенности организации системы судоустройства и судопроизводства кочевых народов Астраханской губернии накануне судебной реформы 1864 г. // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Мат-лы Росс. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 16–19 марта 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016. С. 202–206.
- Черник 2019 — *Черник М. В.* Особенности подготовки российским правительством проектов судебного устройства Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. // Астраханские Петровские чтения: мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием «Устойчивое развитие Каспийского региона: экологические, экономические, социальные

аспекты (к 100-летию образования первого университета в Астрахани)» (Астрахань, 13–14 декабря 2018 г.). Астрахань: Астраханский ун-т, 2019. С. 112–118.

Шургучиева 2016 — *Шургучиева В. С.* Проекты реформирования судебной системы Калмыкии в начале XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 3 (25). С. 3–10. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-3-10

Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус дилогии А. М. Урусовой «Айсанат»

Фатима Таулановна Узденова¹, Тахир Зейтунович Толгуров²

¹ Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5378-9514. E-mail: uzdenova_kbigi[at]mail.ru

² Кабардино-Балкарский научный центр РАН (д. 2, ул. Балкарова, 360002 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, заведующий центром

 0000-0001-6208-9678. E-mail: kangaur64[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Узденова Ф. Т., Толгуров Т. З., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье проанализированы структурно-содержательные компоненты романа, его трансформации. В работе применялись историко-типологический, структурно-описательный, сравнительно-сопоставительный, нарративный, биографический, герменевтический методы исследования. *Результаты.* Становление в первые десятилетия советской действительности новой матрицы культурного состояния обусловило и особую форму крупноформатной прозы, атрибутивным признаком которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы. Сказанное напрямую относится к произведениям северокавказских авторов, в том числе карачаевской писательницы Аминат Урусовой (1911–1995). Ее роман-дилогия «Айсанат» — автобиографическое произведение, официально датированное 60–70 гг. XX в., однако по ряду признаков можно утверждать, что текст романа создавался на протяжении длительного времени и часть его приходится на довоенный период: в пользу последнего свидетельствует наличие при-

мет романа-хроники, бывшего в тренде советской литературы 30-х гг. XX в. Произведение А. М. Урусовой, таким образом, возможно атрибутировать как особую типологическую разновидность новописьменного советского романа, присутствующую, главным образом, в литературах народов, не имевших развитой письменности до 1917 г. и подвергшихся тотальной депортации в годы сталинского правления. Исследование архитектоники образного строя, структурно-содержательной компоненты, синтаксиса и речевого богатства языка, обнаруживающихся в отмеченных профессиональным подходом эпизодах и главах, позволяет прийти к выводу о репрезентативных эволюционных подвижках романного нарратива А. М. Урусовой.

Ключевые слова: новописьменный роман, А. Урусова, нарратив, северокавказская литература, архитектоника, поэтика

Для цитирования: Узденова Ф. Т., Толгуров Т. З. Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус дилогии А. М. Урусовой «Айсанат» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 87–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105

New Written Novel's Architectonics: the Narrative's Features and Evolutionary Status of the Dilogy "Aisanat" by A. Urusova

Fatima T. Uzdenova¹, Takhir Z. Tolgurov²

¹ Institute of Humanitarian Researches — branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (18 Pushkin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5378-9514. E-mail: uzdenova_kbigi[at]mail.ru

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (2 Balkarov St., 360002 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Head of the Center

 0000-0001-6208-9678. E-mail: kangaur64[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Uzdenova F. T., Tolgurov T. Z., 2024

Abstract. Introduction. The structural and substantive components of the novel and its transformations are analyzed in the article. *Research methods:* historical-typological, structural-descriptive, comparative-contrastive, narrative, biographical, hermeneutic. *Results.* The formation of a new matrix of the cultural state in the first decades of the Soviet reality determined a special form of large-format prose, the attributive feature of which can be considered the combination of parameters of utilitarian, ideological and revolutionary-educational texts of the era of the Soviet government's formation and the sufficiently developed literature's qualities. The above directly relates to the North Caucasian authors' works, including the Karachay writer Aminat Urusova (1911–1995). Her novel-dilogy "Aisanat" is an autobiographical work, officially dated to the 60-70s of the 20th century, however, according to a number of signs, it can be argued that the novel's text was created over a long period of time and one of its parts falls on the pre-war period: the presence of signs of a chronicle novel, which was in trend in the Soviet literature of the 30s of the 20th century, testifies in its favor. Therefore, the author's work can be attributed as a special typological variety of the new-written Soviet novel, presented mainly in the literature of the peoples who did not have developed writing before 1917 and were subjected to the total deportation during the Stalin's rule years. The study of the figurative structure's architectonics, the structural and content components, syntax and speech richness of the language, found in the episodes and final chapters marked by a professional approach, allows us to come to the conclusion about the representative evolutionary shifts of the novel narrative of A. Urusova.

Keywords: new-written novel, A. Urusova, narrative, North Caucasian literature, architectonics, poetics

For citation: Uzdenova F.T., Tolgurov T. Z. New Written Novel's Architectonics: the Narrative's Features and Evolutionary Status of the Dilogy "Aisanat" by A. Urusova. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2024; 3: 87–105. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105

1. Введение

Определение романа как литературного жанра отмечено разнообразием подходов, идентификационных критериев. Соответственно, на сегодняшний день существует множество формулировок, претендующих на исчерпывающий комплексный охват текстов, которые относятся к данной форме [Грифцов 1927: 17–21; Поспелов, Лукач 1935; Эсалнек 2021: 207]. Между тем за многовековую историю роман претерпел значительные изменения как на

уровне своей структуры, так и в смысле онтологических дефиниций. Последние имеют особое значение ввиду того неоспоримого факта, что структурно-содержательные компоненты романа при всей их неоднозначности и разнородности могут быть сгруппированы и проанализированы системно, в границах определенных методологических подходов, имеющих прямое отношение к текстуальным архитектурам и факторам эволюционных изменений [Томашевский 1925: 203–204].

Другое дело — целевые установки автора, его философские и концептуальные устремления и цели при создании произведения. Понятно, что многое в этой сфере зависит от внешней среды, от принципов сосуществования и взаимодействия носителей определенных этико-эстетических, идеологических комплексов с социумом, находящимся в той или иной степени аффилированности с определенными политическими и классовыми институтами. Безусловно, момент резкой смены общественных формаций, момент отказа от предыдущих идеологических доктрин кардинально меняет цели и задачи художников, закономерным образом трансформируя организацию жанровых форм как таковых. Зачастую подобные изменения затрагивают сущностные атрибуты жанра в полном объеме, являя нам феномен культурного и мировоззренческого ароморфоза при сохранении — полном или значительном — терминологического инструментария, предназначенного для описания и анализа текста.

Это ожидаемо порождает путаницу в знаниях хронологии, истории, стадийного пути развития литературы того или иного народа. Однако история человечества не сильно отягощена событиями, после которых радикально или полностью менялись культурный фон и культурная среда при сохранении преемственных связей между этапами бытования социума. Чаще мы сталкиваемся с крушением цивилизационных ареалов и полным забвением их культурного антуража [Тойнби 2009: 97]. Так была забыта античная Ойкумена, искусство многих государственных образований древности, доисламская культура арабского мира. Иногда социальные катаклизмы приводят к радикальным изменениям в социальной, экономической сфере, практически не затрагивая области презентативной культуры, в частности литературу. Такое можно

наблюдать в истории древней и средневековой Индии, в истории Китая и Персии. В Европе яркими примерами подобных траекторий развития культурных ареалов были Ренессанс, постренессансные движения в Италии, Провансе, в Англии периода нормандского завоевания и после него.

Однако в случаях радикальной смены общественного строя, сопровождающейся силовой отменой прежних философских мировоззренческих и этических стандартов, при постоянстве этнического состава культурного региона зоны, либо ареала, возможно наблюдать особый тип культурной реформации, который можно охарактеризовать как промежуточный. В своем законченном виде подобные изменения подразумевают становление новой матрицы культурного состояния, подпитываемой породившим ее политическим режимом, при сохранении и частичном функционировании традиционных систем презентативной и, естественно, субстратной культуры.

Переходный тип культурной реформации был характерен для Советского Союза в целом и на отдельных его территориях, представлявших собой ареалы распространения альтернативных типов цивилизационного развития, поглощенных в 1917 г. весьма активной и агрессивной системой идеологического и политического прессинга в лице государства большевиков [Цеткин 1958: 105].

К тому моменту, когда большевистское руководство бывшей Российской империи начало проводить в жизнь доктрины об обязательности идеологической составляющей художественной литературы, о примате политического в художественном тексте: «... вся постановка дела ... в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры» [Ленин 1938: 255], уже была создана и укрепилась устойчивая традиция восприятия художественного слова, традиция, предполагавшая богатое содержание произведения, выходявшего за рамки сухой философии, мировоззренческой декларации, классового лозунга. Доктрина социалистического реализма, не говоря уже о различных радикальных культурных группировках и течениях, не могла вместить в себя все богатство усматриваемых российским читателем аспектов эстетического рассмотрения окружающего мира. Поэтому наряду и параллель-

но с бурно развивающимся искусством идеологического толка сохранялась старая школа русской литературы со всем богатством ее образных, архитектурных, структурных, концептуальных, рефлекторных составляющих.

Сходное положение наблюдалось и в среде некоторых литератур Северного Кавказа. Траектория развития каждой из них была строго индивидуальна, зависела от множества факторов, и, конечно же, литературы народов региона не могут быть унифицированы и агрегированы в некое единое типологическое объединение.

2. Северокавказский новописьменный роман: к проблеме становления

Можно выделить как минимум три разновидности новописьменных литератур горских народов. Первая — системы словесности, которые должны быть отнесены к новописьменным лишь условно, это литературы таких народов, как лезгины, лакцы, кумыки, ногайцы, сотни лет находившиеся в орбите влияния средневековой словесности арабов, персов, тюрков и задолго обретшие институты авторства. С литературой большинства северокавказских этносов также далеко не все ясно. Судя по всему, в первые годы советской власти авторская литература и фольклор народов региона прошли через жесткие механизмы отбора, определяющими критериями которого были соображения идеологического плана, и вполне может быть, что в общем объеме сохранившихся текстов просто-напросто отсутствуют не удовлетворявшие требованиям партийного ордера. Примеров подобной секуляризации предостаточно. Наши знания о фольклоре народов Кавказа также пестрят лакунами и белыми пятнами. Например, считается, что вайнахи не имели развитых эпических сводов: в наличии у них имеются децентрированные и инвертированные в аксиологическом плане фрагменты «Нартиады». Однако это нельзя принять за окончательную истину — просто ввиду того очевидного обстоятельства, что в тот момент, когда производились записи основной части архаичного фольклора региона, — период с начала 1940-х и до начала 1960-х гг. — и чеченцы, и ингуши находились в ссылке в Средней Азии и Казахстане. Иначе говоря, вторая разновидность новописьменных литератур Кавказа таковой является лишь условно, и при

анализе любых эволюционных движений в литературах региона это обстоятельство необходимо учитывать.

Еще одна модификация новописьменных литератур — те из них, которые развивались на базе обширных и разветвленных эпических систем. Классический вариант подобных систем художественной словесности — литературы адыгских народов, абазин, калмыков и, естественно, карачаевцев и балкарцев. Исторические судьбы последних сложились так же, как и у вайнахов, но в отличие от чеченцев и ингушей эпические тексты калмыков и карачаево-балкарцев были зафиксированы еще до их выселения [Хаджиева 1994: 8–10], что исключало возможность лишить данные этносы их архаичного фольклорного наследия (так, например, бурятская версия эпоса «Джангар» — «Үнчэн Жагар богдо хаан» (В-2) была записана А. Н. Степановым в 1941 г. в Селенгинском аймаке Бурятской АССР от Гармажапа Балданова [Гымпилова 2023: 219]). Более того, степень популярности эпоса в карачаево-балкарской среде была столь высока, что носителями «нартов» де-факто могли считаться практически все взрослые представители этносов.

В этом смысле весьма иллюстративным кажется тот факт, что наиболее продуктивными сказителями, например, у балкарцев были представители не высшего сословия, представители производительных слоев населения. Судя по результатам полевых исследований, если на некоторых из них была возложена миссия изустной передачи текстов, то само знание таковых было очень распространено и не представляло собой какой-либо особой привилегии той или иной социальной страты. Или другой пример: знаток фольклора, житель села Булунгу Хамзат Жаникаев, хотя и не записал ни одного сказания, попавшего в официальные сборники, был хорошо известен специалистам. При этом люди его ближнего круга — дети, родственники первой и второй степени родства, друзья — также хорошо знали нартский эпос, естественно, благодаря Хамзату Жаникаеву. В этом смысле можно небезосновательно утверждать, что среди представителей старшего поколения, родившихся до войны и попавших в депортационный период в сознательном возрасте, знание эпических сказаний было традиционным явлением. Мы ни в коем случае не говорим о сознательном

целенаправленном уничтожении фольклорной памяти у чеченцев и ингушей, но предполагая такую возможность, считаем необходимым констатировать: изоляция и уничтожение традиции эпического нарратива в карачаевской и балкарской национальной среде в советское время были уже невозможны.

Именно литературы народов, не имевших богатого опыта художественной авторской словесности, но обладавших обширными эпическими системами, оказались наиболее готовыми к формированию жанра романа.

Сверх всего прочего, практика карачаево-балкарской литературы (повторимся, народа, пережившего депортацию) показала, что для них существенным являлся период изгнания с родины, ознаменовавшийся практическим прекращением движения в культурной сфере. Логично было ожидать, что предвоенные годы, ставшие начальной точкой отсчета северокавказского романа, эволюционное содержание которого было прервано войной и репрессиями, должны были дать обществу образцы крупного формата, написание которых не было закончено в 1930–1940-е гг., в результате чего они были продолжены уже после войны и даже в постдепортационный период. При всех разночтениях и пестроте методологических подходов, существующих в современном литературоведении, необходимо признать, что 30-е – начало 40-х и 60-е гг. прошлого столетия — это два совершенно разных этапа эволюционного развития новописьменных литератур и литератур Советского Союза в целом. Даже чисто умозрительно прозаики, приступавшие к крупным полотнам до войны и продолжившие их через два десятилетия, должны были находиться на разных уровнях концептуального мышления, образного представления, технического мастерства. Это и породило особую форму крупноформатной прозы, в принципе, не имеющей официального определения в науке, атрибутивным признаком которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы с соответствующим уровнем текстуального воплощения.

Сказанное напрямую относится к произведениям Тембота Керашева, Идриса Базоркина, Аминат Урусовой.

3. Роман А. М. Урусовой «Айсанат»: архитектоника и особенности нарратива

Роман-диалогия «Айсанат» карачаевской писательницы А. М. Урусовой (1911–1995) [Урусова 1983; Урусова 1987] — автобиографическое произведение, официально датированное 60–70 гг. XX в., однако по ряду признаков можно достаточно уверенно утверждать, что текст романа А. М. Урусова создавала на протяжении длительного времени и часть его приходится на довоенный период. В произведении повествуется о судьбе девушки-горянки, прошедшей долгий путь от девочки-подростка, воспитанной в идеалах социалистической морали и этики, до зрелой женщины, взрослевшей вместе со своей страной. История ее становления как активного члена общества, ее учебы, ее любви, ее замужества, вплетена в дополнительные сюжетные линии, повествующие о борьбе за советскую власть на Северном Кавказе, о трудных годах жизни в условиях политических и идеологических перегибов, о судьбах людей на фронтах Великой Отечественной войны и в ссылке.

Произведение характеризуется линейным сюжетом, подчеркнуто широким охватом действительности, при акцентированном распределении интереса нарратора между различными векторами описания, приблизительно соответствующим формальному членению на главы. Огромное количество сюжетных линий, связанных с различными персонажами произведения, значительное число сквозных и эпизодических действующих лиц, локализованных в почти независимых друг от друга повествовательных объемах — все это приметы романа-хроники, бывшего в топе популярности советских писателей в довоенный период.

Понятно, что А. М. Урусова задумывала роман «Айсанат» как повествование о становлении женщины-коммунистки. И нет сомнения, что первоначальным идейным толчком к созданию произведения были многочисленные политические кампании 1930-х гг., направленные на социальную реабилитацию женской части населения. Репрезентативна его акцентная составляющая — рассказ об учебе главных героев в различных учебных заведениях страны (первоначально Пионеркоммуна при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ) на Красной Пресне (Москва), Ленинградский рабфак, Ростовский раб-

фак), призванных осуществлять подготовку руководящих кадров, а перевоплощение самой Айсанат из сельской девушки, пусть и жаждущей знаний, в хозяйственного работника высокого уровня — лишь итоговая иллюстрация преимуществ нового строя.

Наиболее подробно и объемно освещены годы учебы Айсанат в Ленинграде и Ростове-на-Дону. Элементарно подсчитав объемы глав, описывающих студенчество девушки, мы убедимся, что они занимают непропорционально большое место в общей протяженности повествования. Одновременно с этим сюжет романа уходит по хронологическим линиям намного дальше, нежели несколько лет, проведенных героиней в вузах. Это довольно прозрачно говорит нам о первоначальном фабульном замысле автора. Но, кроме того, — и это базовое основание для выводов о характере работы над текстом — главы романа неравнозначны с точки зрения их эволюционного статуса.

Фабульная канва произведения весьма незатейлива. Айсанат покидает свою малую родину и поступает в одно из учебных заведений Москвы, далее — Ленинграда. Затем продолжает учебу в Ростове-на-Дону, по окончании возвращается в Карачай.

Попутно автор разворачивает линию любовных отношений главной героини и юноши Далхата, представляет читателю моменты деятельности контрреволюционного подполья и на фоне всего этого дает картины о засилии идеологии и ошибках партийных структур, функционирующих в тоталитарном формате управления обществом.

В форсированном режиме описывается Великая Отечественная война, ее перипетии в восприятии Айсанат и ее близких. Буквально пунктирно отражена немецкая оккупация Кавказа. Параллельно автор останавливается на семейной жизни Айсанат: ее взаимоотношениях с мужем Анзором, выходцем из весьма уважаемой в народе семьи, добропорядочным человеком. Затем, после лаконичной констатации и пропуска нескольких лет, А. М. Урусова переходит к описанию жизни главной героини в Киргизии — уже в роли крупного советского работника, пользующегося авторитетом и уважением окружающих.

И если автор каждому свиданию своей героини и Далхата посвящает целые главы, то описание ее разрыва с любимым челове-

ком, описание потери этого человека ограничено фактически парой абзацев. Это просто указание на факт жизни героини. Любовная история закончилась практически без развязки. Немотивированно и неожиданно повествование переходит к новым этапам жизни главной героини, и читатель практически не знает, что произошло с Айсанат после 1942 г. и до самого выселения карачаевцев.

Если судьба Айсанат прослеживается более или менее полно, то линии остальных героев даны во многом фрагментарно. Например, сюжетная траектория ее брата Хызыра. С момента его побега из фашистского лагеря с ближайшим другом Шамилем вниманию читателя предлагается огромное количество сюжетных ветвлений линий других героев. Абсолютно очевидным представляется то, что автор описывает жизни своих персонажей, не имея цели дать их полноценно и полнокровно, а лишь знакомя читателя с кратким абрисом пути каждого отдельного образа. Однако при этом сам нарратив романа выглядит весьма и весьма зрелым, более того — новационным. Фрагментарное качество фабулы и, соответственно, сюжета никак не влияют на высокую степень художественной достоверности большинства эпизодов романа.

К слову, диалоги героев достаточно убедительны и жизненны, они далеки от ходульных образцов довоенной прозы, близки к обыденной живой речи. Бросается в глаза необыкновенное речевое богатство произведения. Глоссарий романа насыщен значительным количеством гаптаксов и редко употребляемых слов, в качестве примера приведем лексемы из 2-й книги романа: *ёкюл* — адвокат (с. 10); *эмилик* — необъезженная лошадь (с. 10); *кьалайлыкь* — состояние (в данном случае — материальное) (с. 12); *кьыпта* — кокон (с. 13); *гырын / гырым* — полый, пустой, тачка (с. 13); *чиркит* — заставь исчезнуть, отлететь как искра от камня (с. 13); *джазар (... билалмайды кьалай джазаргьа аны джюрегин)* — согрей (как согреть ее сердце;) (с. 15); *чола* — неполноценный, неудовлетворительный, нежелательный, искалеченный (с. 15); *алакьытай* — ситец (с. 15); *саф (сан)* — строй, последовательность, порядок (с. 16); *шыкьырт* — препона, защелка (с. 133); *кьубас* — грубая дубленая кожа (с. 133); *хыршы / харш* (балк.) — базальт (с. 133); *кюпсе* — купец (с. 134); *кёкен* — куст (с. 134); *чына (чана)* — конструкция, скелет, организм (с. 135); *кьайыр* — злобно, настороженно (с. 135);

абычар — офицер (с. 138); *атлауч* — ступенька (с. 138) [Урусова 1987; КБРС 1989; Гаптаксальный словарь 2014].

Примечательным образом эволюционируют и глагольные временные конструкции, которые в одних частях романа отмечены живым многообразием и органичным переплетением сюжетных линий, в других, напротив, никак не взаимосвязаны между собой движениями героев. Удивительно, в поздних главах романа мы сталкиваемся с единовременными презентациями различных темпоральных рисунков, реализованных в различных же сюжетных блоках — различных, но тесно связанных друг с другом. В то же время в романе есть главы, выстроенные в одном хронологическом варианте с подавляющим преобладанием настоящего длящегося времени. Действия героя в подобных фрагментах очень часто описываются в актуальном «сейчас» того или иного персонажа, причем зачастую сиюминутность повествования напрямую подчеркивается авторскими уточнениями либо прямыми указаниями, типа «сейчас», «в этот момент», либо сензитивными имитациями, например, звукоподражаниями, совмещенными с физическими практически ощущениями:

...Орамла, межамла, завод оджакъладан басыныб чыкъгъан тотюн да, саудан Москва, ичинде джашагъан къадар адамы бла — кёрген заты бары кесинден айырылмазлыкъ энчи хазнасыча кёрюнедн Абрекге. Дуния къуралгъанлы бир патчахны баласы сынагъан болмаз Абрекча быллай сейирлик уллу къууанчны.

Дерслеринден къайтыб келе, къар къалаулары юслери бла секире, дагъыда орамны ариуланган къыйыры бла атлай, къар кюрей тургъан къартны къатына джууукълашады, озуб кеталмайды, салам бериб, габрайын тешеди да, китабларын аны юсюне ташлаб, акканы кюрегине узалады:

— Мен бир кесек болушайым сизге.

— Аперим, джигит джаш, — деб, кюрегин бошлайды, кенг ышара.

Абрек акка кёргюзген джерни къыйырындан кюрекни ойнатыб башлайды.

Хырт-хырт-хырт таууш чалкъы чалгъанча эшитиле, тохтаусуз барады...

‘... Дороги, здания, заводские трубы с густыми клубами дыма, вся Москва, со всеми ее жителями — все, что он видит, кажется Абреку данным ему навсегда. Наверное, с момента возникновения этого мира ни один сын ни одного падишаха не испытывал такой удивительной, огромной радости. Возвращаясь с занятий, перепрыгивая через сугробы и шагая по очищенным краям улиц, он **видит** старика, сгребającego снег, **приближается** к нему и, не в состоянии пройти мимо, **здоровается, снимает** телогрейку и, положив на нее книги, **тянется** за лопатой старца:

— Дайте я вам немного помогу.

— Молодец¹, смелый парень, — широко улыбаясь, **отдает** он лопату.

Абрек **начинает чистить**² с того места, что показал ему старший.

Он **идет**, словно на сенокосе, как будто в руках у него коса, издающая звук «**хырт-хырт-хырт**» [Урусова 1987: 52] (Подстр. пер. — Ф. У.).

Что касается синтаксической структуры нарратива А. М. Урусовой, предварительный анализ показывает, что распределение естественных коротких синтагм и их литературных вариантов — удлиненных и малопонятных — достаточно четко соответствует формальной структуре романа и меняется от главы к главе.

Так, первая глава второй части романа начинается со сцены во дворе некогда учебного заведения (Москвы), в котором обучалась героиня:

Шагърей шахарында, атасыны арбазындача, таукел атлай, кеси эки джылыны джашаб кетген зки этажлы уллу межамны къабакъ эшигинден киргенинде, тансыкълаб джетген джюрегин джарытыр ышан табмайды Айсанат. Анда-мунда кёрюннген аз адам да, «нек басханды бу бери?» дегенча, сансыз къараб озады.

Ол, тал тереклени орталарында къурулган узун олтургучха олтуруб ссолуй турганлай, арлакьда, аллына бюгюлюб, кючден атлаб барган къарыусуз къартны эслейди да,

¹ Букв. перевод: ‘почет тебе’.

² Букв. перевод: ‘заставляет играть лопату’.

«ол болурму?» деб ишек эте, къатына джууукълашыб саламлашады:

— *Петро, сизмисиз? — деб къучакълайды.*

Къартны, ауузундан сёз чыкъмай, хыбыл эринлери бла сакъалыны къалтыраулары билдиреди кёлню такъырланнганын. Къынгыр бармакълы уллу къолун Айсанатны имбашындан алмагъанлай саргъылдым мутхуз кёзлерин джумаракъ этиб, джити къарайды тюрсюнюне.

‘В знакомом ей городе, где она, словно в отцовском дворе, смело шагая¹, прожила два года, Айсанат теперь прошла в калитку у большого двухэтажного дома, но войдя во двор, не нашла ни одной знакомой черты, которая согрела бы ее сердце. Редкие прохожие, мелькавшие там и сям, словно спрашивая «Что она сюда пришла?», проходили мимо, бросая на нее безразличные взгляды.

Она присела на длинную скамейку, установленную под ивами, и, переводя дух, чуть подалее заметила старичка, ссутулившегося, шагавшего с трудом и обессилено. «Он ли это?», насторожившись, подумала она и, подойдя к нему вплотную, поздоровалась:

— *Петро, это вы? — сказав [так], обняла.*

У старика, не промолвившего ни слова² только дрожание вялых губ и подбородка выдает его волнение³. Не снимая своей большой руки с искривленными пальцами с плеча Айсанат, он, прищуривая выцветшие глаза с желтыми белками, остро смотрит на окружающий мир⁴ [*Урусова 1987: 5*] (Подстр. пер. — Ф. У.)

Даже без перевода понятно, что достаточно протяженный отрывок текста включает в себя всего шесть предложений. Если же разбить цитату на содержательные периоды, подразумевая под ними законченные и самостоятельные предикативные схемы, объединенные единым актантом, — например, *...редкие прохожие, мелькавшие там и сям, словно спрашивая «Что она сюда пришла?»*, про-

¹ Букв. перевод: ‘держа себя’.

² Букв. перевод: ‘изо рта которого не вышло ни слова’.

³ Букв. перевод: ‘растроганность’.

⁴ Букв. перевод: ‘явь’.

ходили мимо, бросая на нее безразличные взгляды, то получится, что эти предложения представляют читателю пять содержательных эпизодов нарратива. Соотношение свойственно сугубо литературной речи, гипертрофированной распространенными предложениями.

Второй пример взят из той части текста, которая была написана в постдепортационные годы:

... Артда Джанболатха, кёзюне чёб болуб тюшсе, уу-мазча илешиб, Майылны да джазгъан эди. Энди уа Салимачыкъны джашичыгъы, маркъа токълучукъча, тагъылгъанлай айланады къарачай аммасына.

Терекни алда чакъгъан бутагъы юзюлсе да, къалгъаны къурумайды. Махарны бушууу джылла бла бителирге унамагъан джара салса да, кичилери джетгендиле.

Джарсыуун сездирмей, экили бола джашагъан Айсанатды. Муну да барды юйдегиси: баш иеси, эки джашичыгъы. Кеси сегизинчи-онунчу класлада орус тил бла литературадан дерслени бардырады, Анзор да техникумда устазды. Бу эки адамны къарамлары, ишде махтаулары, ишленмекликлери кёблени илешдиредиле былагъа. Кёргенле бары насыблы юйдегиге тергейдиле Айсанатны юйдегисин.

‘А потом Джамбулату — на случай, если зацепиться тому за глаз (попадет в глаз былинкой), чтобы расположить его к себе, а не разозлить, он записал и Маила. А теперь вот мальчик Салимочки, как молочный ягненок, словно привязанный ходит за своей карачаевской бабушкой.

Если у дерева и сломается рано расцветшая ветвь, остальное не высыхает. Если горестные годы Махара и нанесли ему раны, что не хотят заживать (завершаться), то (зато, отрадно) младшие уже подросли.

А та, кто, не показывая своей беды, живет, разрываясь надвое, — это Айсанат. И у нее есть муж: главный хозяин, двое мальчиков. Сама ведет уроки русского языка и литературы в восьмых-десятых классах. А Анзор (муж) преподает в техникуме. Внешность этих двоих, репутация (хвалебные отзывы) на работе, их благовоспитанность располагает к ним многих. Знающие (видящие) их, все, считают мужа Айсанат счастливымчиком’ [Урусова 1987: 172] (Подстр. пер. — Ф. У.)

При приблизительном механическом равенстве объема приведенного отрывка с предыдущим, он состоит из пяти-шести содержательных периодов — разночтения допустимы — и девяти предложений. Полуторная кратность предложений в данном случае говорит о многом, но для нас важнее всего приближение количественной протяженности законченных высказываний автора к параметрам естественной речи на карачаево-балкарском языке.

Симптоматично, что относительно «слабые» апперцептивные конструкции локализованы в тех главах романа, которые имеют маркеры и признаки безальтернативной литературы довоенного периода, например, ряд синтаксических конструкций и хронотопических архитектур сопровождаются такими знаковыми чертами образных представлений, как нарочитая предопределенность внешнего вида героев, однозначность их поступков, немотивированность тех или иных описаний [Узденова 2016: 62]. Когда речь идет о контрреволюционерах, автор прибегает к приемам конфликтного описания, в рамках которого враги всегда уродливы, злы и отмечены необъяснимой, априорной жестокостью (об Абдуле: *тюлюк кылыкылы* ‘хитрый, как лис’, *ётюрюкю* ‘лживый’, *кыыз-теке Эза* ‘женоподобный Эза’).

В ряд характерных черт идеологической прозы классового конфликта можно включить категоричность оценок автора при попадании в пограничные ситуации, такие как, например, получение известия об аресте отца и резком изменении отношения к ней целого ряда ее сокурсников и преподавателей.

— *Билебиз, хариб, амалсыздан тургъанынгы арабызда, насыбыиг тартса, Деникинни саулугъун табар эдинг, — дейди бедербет кыыз да...*

Вераны бети темир къан алгъанды, кыызланы адебсизликлерин кёлтюрмей, алай а сёз къошаргъа къоркъады.

Джумдуругу столну къагъыб, бетинде къан ышаны къалмай, Айсанат кёлтюрюледи орнундан:

— *Кимни тюртюб джаншайсыз? Кимди деб турасыз манга? Сизничала джазгъандыла газетге ётюрюкню. Мен тюзлюкню табарма, сиз а нени табарсыз?..*

‘ — Знаем, бедная, что от безысходности среди нас находишься, вынужденно. Была бы поудачливей — при Дени-

кине свое место нашла бы», — сказала девушка с хамским выражением лица...

Лицо Веры налилось гневом (железной кровью), невоспитанность, грубость девушек она не выносила, но сказать что-либо не решалась. Ударив кулаком о столешницу, вскопчила со своего места Айсанат, в лице ее не было ни кровиночки:

— Кого вы тут задеть пытаетесь своей болтовней? За кого меня принимаете? Такие же, как вы, эту ложь написали в редакцию. Я найду правду, а вот вы — что найдете? [Урусова 1987: 116] (Подстр. пер. — Ф. У.)

В подобных эпизодах реакции героини А. М. Урусовой ожидаемы, «читаемы», в отличие от других фрагментов, в которых главная героиня изображена сдержанной и реально глубокой личностью с подходящим набором разнообразных эмоциональных оттенков.

Какой вывод можно сделать из наблюдений над сюжетным, образным, семантическим и языковым разнообразием текста? Процесс его создания — акт длительный, подразумевающий формирование эпизодов на различных стадиях профессионального роста автора.

Особенно очевидна эволюционная разнохарактерность нарратива А. М. Урусовой в главах, гарантированно написанных после войны. Это те главы, в которых описывается сама Великая Отечественная война и заключительная часть романа о жизни Айсанат в Киргизии. Что видится самым показательным и симптоматичным — отчетливое расширение типологии темпоральных отношений в ряде фрагментов. В целом архитектоника, образный строй, синтаксис и язык романа указывают: между первоначальным замыслом и окончательным вариантом текста годы жизни автора, в течение которых его профессиональное мастерство заметно возросло.

4. Заключение

Исходя из специфических черт романа «Айсанат», присущих как развитой прозе, так и прозе безальтернативного конфликта, можно утверждать, что роман — и это подтверждается биографией автора — задумывался и начинался как пример классической про-

зы революционного, партийного просветительства. Он задумывался как текст сугубо идеологического наполнения, и целый ряд его глав, как мы предполагаем, был написан в 30-х гг. прошлого века.

Таким образом, наряду с романом в двух книгах Х. А. Аппаева «Къара къюбюр» («Черный сундук») (1935–1936), произведение А. М. Урусовой де-факто можно также считать одним из первых образцов крупноформатной романной прозы в карачаевской довоенной литературе. Открытым остается вопрос о первичном жанровом замысле А. М. Урусовой: планировала ли она роман изначально или же это циклообразующие опорные скрепы со сквозной генеральной линией судьбы главной героини. Количество представленных в произведении сюжетных линий и направлений идеологического анализа свидетельствует в пользу того, что и в самом первичном варианте это был роман, возможно, писавшийся на начальном этапе по шаблону мультилинейных романов 1930-х гг., весьма характерных для целого поколения советских авторов и несомненно представлявших авангард советской художественной прозы¹ [Ершов 1962: 12]. Преодоление этой шаблонной формы в новописьменных литературах начиналось с романов переходного типа; некоторые из них стали таковыми не в силу осознанных целеустановок автора, а по причине протяженной истории своего создания. Начатые в 30-х гг. в эпоху торжества идеологического конфликта и культуртрегерских революционно-просветительских ориентаций литературы, они были продолжены в 1960-х гг. и закономерно интегрировали в себя все достижения национальной литературы. В этом смысле роман А. М. Урусовой представляет собой яркий и очевидный пример текста подобного типа и весьма интересный образец совмещения параметров и маркеров различного эволюционного статуса.

Литература

Гаптаксальный словарь 2014 — Гаптаксальный словарь карачаево-балкарского языка / сост. А. З. Толгурова, Т. З. Толгуров. Ч. 1. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2014. 192 с.

Грифцов 1927 — *Грифцов Б. А.* Теория романа. М.: Гос. Академия худож. наук, 1927. 118 с.

¹ Пожалуй, кроме Л. Леонова, все советские русскоязычные авторы 1930-х гг. прошли через этап написания мультиперсонажных и полилинейных романов-хроник.

- Гымпилова 2023 — *Гымпилова С. Д.* Бурятские версии калмыцкого эпоса «Джангар» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 212–229. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-212-229
- Ершов 1962 — *Ершов Л. Ф.* Типология советского романа // Русская литература. 1962. № 4. С. 3–31.
- КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. На кар.-балк. яз. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
- Ленин 1938 — *Ленин В. И.* О пролетарской культуре // Ленин о культуре и искусстве: сб. статей и отрывков / сост. М. Лифшиц. М.: ИЗОГИЗ, 1938. 336 с.
- Пospelов, Лукач 1935 — *Пospelов Г. Н., Лукач Г.* Роман // Литературная энциклопедия: В 11 тт. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР, Сов. Энцикл., 1935. С. 773–832.
- Тойнби 2009 — *Тойнби Арн. Дж.* Исследование истории. Т. 1: Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К. Я. Кожурина. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 863 с.
- Томашевский 1925 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы (Поэтика). Изд. 5-е. М.; Л.: Госиздат, 1925. 232 с.
- Узденова 2016 — *Узденова Ф. Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт Центр, 2016. 212 с.
- Урусова 1983 — *Урусова А.* Айсанат: роман-диалогия. Кн. 1. На кар.-балк. яз. Черкесск: Карачаево-Черкесск отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1983. 270 с.
- Урусова 1987 — *Урусова А.* Айсанат: роман-диалогия. Кн. 2. На кар.-балк. яз. Черкесск: Карачаево-Черкесск. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1987. 272 с.
- Хаджиева 1994 — *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. С. 8–66.
- Цеткин 1958 — *Цеткин К.* О литературе и искусстве. М.: ГИХЛ, 1958. 132 с.
- Эсалнек 2021 — *Эсалнек А. Я.* Теория литературы. М.: Флинта, 2021. 208 с.

Поэтика письма-вещи в эпических произведениях И. Д. Сургучёва

Маргарита Рафаеловна Аракелова¹, Александр Алексеевич Фокин²

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
аспирант

 0009-0003-4922-0768. E-mail: margo_arakelova[at]mail.ru

² Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Аракелова М. Р., Фокин А. А., 2024

Аннотация. *Ведение.* Актуальность исследования связана с размытостью жанра письма в литературоведении. Эпистолография генетически связана с бытовой перепиской, художественной и документальной литературой, что особым образом отражается на своеобразии произведений, в основу которых положены письма. Жанрово-родовая специфика художественной эпистолографии проявляется в психологизме повествования. *Цель* статьи — охарактеризовать поэтику письма-вещи в эпических произведениях И. Д. Сургучёва, генетику художественной эпистолографии. *Методология* исследования основана на фундаментальных антропологических трудах, посвященных вещи как предмету исследования. Эмпирический *материал* составляет более 1 000 контекстов из эпических и драматических произведений И. Д. Сургучёва. *Результаты.* Анализ формальных и содержательных сторон образа письма-вещи в произведениях писателя доказывает универсальность жанрового сознания художника эпохи модернизма и трансформационные возможности традиционных литературных жанров, где письма-вещи задействованы в создании следующих уровней произведения: сферы персонажей, сюжета, конфликта, композиции. Письмо-вещь в произведениях И. Д. Сургучёва функционирует как особый повествовательный код, который на уровне поэтики произведения реша-

ет самые сложные задачи: «вырывает» вещь из основной ткани вторичного мира; в роли декодера вещь превращается в модель мира.

Ключевые слова: письмо, вещь, жанр, эпистолография, художественный образ, художественная картина мира, И. Сургучёв

Для цитирования: Аракелова М. Р., Фокин А. А. Поэтика письма-вещи в эпических произведениях И. Д. Сургучёва // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 106–120. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-106-120

Poetics of Writing-things in the Epic Works of I. D. Surguchev

*Margarita R. Arakelova*¹, *Aleksandr A. Fokin*²

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Post Graduate Student

 0009-0003-4922-0768. E-mail: margo_arakelova[at]mail.ru

² Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Arakelova M. R., Fokin A. A., 2024

Abstract. The relevance of the research is related to the vagueness of the writing genre in literary criticism. Epistolography is genetically related to household correspondence, fiction and nonfiction, which is particularly reflected in the originality of the works based on letters. The genre-generic specificity of artistic epistolography is manifested in the psychologism of the narrative. The *purpose* of the article is to characterize the poetics of writing-things in the epic works of I. D. Surguchev, the genetics of artistic epistolography. The research *methodology* is based on fundamental anthropological works devoted to things as a subject of the research. The empirical *material* consists of more than 1,000 contexts from the epic and dramatic works of I. D. Surguchev. *Results.* The analysis of the formal and substantive aspects of the image of writing-things in the writer's works proves the universality of the genre consciousness of the artist of the Modernist era and the transformational possibilities

of traditional literary genres, where writing-things are involved in the creation of all levels of the work: the sphere of characters, plot, conflict, composition. Writing is a thing in the works of I. D. Surguchev functions as a special narrative code that solves the most difficult tasks at the level of poetics of the work: it “tears” a thing out of the main fabric of the secondary world; in the role of a decoder, a thing turns into a model of the world.

Keywords: letter, thing, genre, epistolography, artistic image, artistic picture of the world, I. Surguchev

For citation: Arakelova M. R., Fokin A. A. Poetics of Writing-things in the Epic Works of I. D. Surguchev. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 106–120. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-106-120

1. Введение

Вопрос об эпистолографии в художественной литературе остается принципиальным и актуальным до сих пор, поскольку формы письма и переписки, мотив письма и даже намек на переписку между персонажами произведения позволяют автору создать особую модель художественного мира, дают возможность показать окружающий его мир и мир его литературных героев уникальным образом. Каждому жанру, подчеркивал М. М. Бахтин, свойственны «определенные принципы отбора, определенные формы видения и понимания этой действительности, определенные степени широты охвата и глубины проникновения» [Бахтин 2000: 308].

Определяя эпистолярные тексты как «различных родов и видов произведения, в которых используется форма писем и / или посланий (эпистол)», Д. М. Урнов выводил ее генезис из бытовой переписки, когда обмен письмами превратился в повествовательный прием, «корреспонденты» — в персонажей, а само «письмо» оказалось подчинено основным законам художественной условности [Урнов 1975: 918–920]. Учитывая классические труды А. Г. Горнфельда, отмечавшего, что старая риторика выделяла письмо в особый литературный род [Горнфельд 1904: 921–925], А. П. Квятковского, понимавшего эпистолографию как композиционную форму «художественных произведений, построенных в виде писем одного лица либо в виде переписки двух или нескольких лиц» [Квятковский 1966: 357] и др., ученый выделил два главных вектора развития эпистолографии в литературе: публицистический и но-

веллестический (литературные миниатюры, бытовые зарисовки, признания в форме писем). Однако не было учтено, что эпистолярный жанр не лишен черт разговорности: «привлечение авторами разговорной и просторечной лексики в письмах делает их связь с „родной“ письменно-разговорной коммуникацией в достаточной степени прочной» [Курьянович 2013: 24].

Фиксация генетической связи эпистолографии с бытовой перепиской, художественной и документальной литературой представляется чрезвычайно важной. Более того, их генетическое родство особым образом отражается на своеобразии произведений, в основу которых положены письма. Все это свидетельствует о синкретической природе эпистолярного жанра, позволяющей в полной мере реализовать заложенные в нем потенциальные возможности, наиболее ярко и полно проявить их в литературно-художественных произведениях, частично или полностью реализуемых в форме письма. Избирая письмо основным элементом формы художественного произведения, художник ориентируется на подлинность, искренность, исповедальность, предельную откровенность своего героя, сосредоточение на его внутреннем мире [Елистратова 1973: 3]. Эпистолография в этом случае выступает разновидностью психологического повествования, сочетающего, помимо жанрово-родовой специфики, тенденцию к интенсивному погружению во внутренний мир личности [Шер 2006: 245].

2. Методология исследования

Выявляя двойственный и даже тройственный статус «письма» и «переписки» в художественном тексте, шире — синкретизм эпистолографии, исследователи, тем не менее, не обращают внимания на письмо как часть вещного мира в способе общения героев на уровне текста.

Отметим, что именно в значении предмета-вещи фиксируют значение слова «письмо» толковые словари: «бумага с написанным на ней текстом, посылаемая кому-н. для сообщения чего-н., уведомления о чем-н., для общения с кем-н. на расстоянии» [Ушаков 1939: 1424]; «бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление» [Евгеньева

1959: 176]. В этом смысле перспективным представляется анализ эпистолярной картины мира, в основе которой лежит письмо как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [Слышкин 2004: 178], поскольку письмо и в качестве жанровой формы, и в качестве вещи характеризуется высокой степенью концептуальной насыщенности, концентрирует в себе «аксиологически полярные пласты человеческого сознания» — научную, публицистическую, художественную и бытовую картины мира [Слышкин 2004: 180].

В качестве эмпирического материала нами были рассмотрены эпические и драматические произведения И. Д. Сургучёва — одного из знаковых авторов первой половины XX в., имя которого многими современниками ставилось в первый «эшелон» русской литературы наряду с И. А. Буниным, И. С. Шмелевым, Д. С. Мережковским, Б. К. Зайцевым и др. Наиболее полно литературное наследие И. Д. Сургучёва было представлено читающей публике и исследователям русской литературы сравнительно недавно: 4-х томное «Собрание сочинений», изданное в 2016 г. [Сургучёв 2016а; Сургучёв 2016б; Сургучёв 2016в; Сургучёв 2016г], дополнено однотомниками «Парижский дневник» [Сургучёв 2016д], «Европейские силуэты» [Сургучёв 2017], «И наши души все-таки поют» [Сургучёв 2021].

Сплошная выборка составила более 1 000 контекстов, в которых слово «письмо» и коррелирующие с ним в концептуальном плане «открытка», «телеграмма» предстают важным фактором, определяющим специфику эпистолярной картины мира писателя, и в своей совокупности проявляют такое свойство эпистолярных текстов, как синкретизм — объединение разных, но не противоречащих друг другу свойств, содержательно-тематический полифонизм, многообразие иллюкутивных авторских установок, множественность категории эпистолярного адресата, сложный характер эпистолярного диалогизма, богатую палитру средств репрезентации авторского замысла, наконец, стилистическую их маркированность [Курьянович 2014: 17].

Статистический анализ частотности употребления ядра концепта и периферийных коррелятов позволяет заметить, что произведения И. Д. Сургучёва и дореволюционного и эмигрантского периодов характеризуются «эпистолярностью» в равной степени. Среди них выделяются «эпистолярные» рассказы, повести, пьесы.

Однако жанровая природа этих произведений — задача отдельного исследования. Наше внимание в данный момент сосредоточено на произведениях и контекстах, в которых письмо выступает не показателем формы (жанровый маркер) или эпистолярного диалогизма (коммуникативный маркер), а именно репрезентацией авторской установки на предметность, вещьность авторской картины мира и художественного мира его персонажей.

Поэтика вещи в последние годы активно исследуется литературоведами. Ролан Барт утверждал, что литература «представляет собой поиски промежуточного состояния между вещами и словами» [Барт 1989: 242]. Генезис этих изысканий усматривается в работах А. И. Умова «Вещи, свойства и отношения» [Умов 1963], М. Фуко «Слова и вещи» [Фуко 1994], Ж. Бодрийера «Система вещей» [Бодрийер 1995], М. Хайдеггера «Истоки художественного творения» [Хайдеггер 2008] и др. Понятие вещи в этих фундаментальных антропологических трудах встроено по меньшей мере в две системы оппозиций: живое — неживое и природное — культурное. Современные исследователи вводят также оппозиции искусство — вещь: «противопоставление вещи, искусству не принадлежащей, „молчащей“, не вызывающей отклика в окружающем мире и нерукотворной, но имеющейся для человека материальной реальности» [Нестерова 2017: 51–52]. «Мир идей неотделим от мира людей, а идеи от каждодневной реальности, — писал Ю. М. Лотман, — все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер» [Лотман 1996: 10].

Таково письмо-вещь в художественном мире произведений И. Д. Сургучёва. Рассмотрим это на нескольких примерах.

3. Анализ и интерпретация

Сразу отметим, что предметность письма в пространстве художественного текста становится родовым понятием для других вещей дома (квартиры, комнаты) героев произведений: мебель — письменный стол, стул или кресло, принадлежности для письма — перья, перьевые ручки, письменный прибор, чернильницы, чернила, нож для разрезания конвертов, ножницы и др.

Она часто приходила сюда: в кабинете барина был ее шкафчик, ореховый, с американским замком. Из шкафчика всегда доносился запах духов. <...> Там же было ее любимое кресло, были ее любимые книги, ее особая чернильница и вставочка из слоновой кости. Она писала здесь иногда письма... [Сургучёв 2016а: 79].

В приведенном отрывке из рассказа «Жизнь» «обнажается» и такой аспект функционирования вещей, как тесная связь истории и повседневности через вещи отдельного человека, семьи, дома. Письмо-вещь не просто аккумулирует пространство и убранство дома (кабинет-шкафчик-кресло-книги-чернильница-письмо), но оказывается на вершине перечисляемых вещей, результируя присутствие героини рассказа в этом пространстве. Ей недостаточно просто прийти в дом своего возлюбленного, ощутить его иллюзорное присутствие, утолить жажду воспоминаний. Она пишет письма именно здесь, в его кабинете, восстанавливая или сохраняя тем самым разрушенную его отъездом и долгим отсутствием интимную связь. Для психологической характеристики героини не важна содержательная составляющая этих писем, функционально это не важно. Они предметны и, подобно нити Ариадны, указывают путь домой, туда, где его любят и ждут.

Аналогичным образом решается художественная задача и в рассказе «Следы вчерашнего»:

Когда отовсюду ползет скука и жизнь делается противной и омерзительной, тогда Анин зажигает лампу, открывает средний ящик стола и достает оттуда письмо. Это — длинный, мудреный листик, который посылается без конверта и склеивается по краям. На обратной стороне, рядом с круглыми почтовыми штемпелями, тянется адрес, который говорит, что письмо это когда-то пришло из Москвы в Петербург, на Гороховую улицу, в номер 8 [Сургучёв 2016а: 327].

Письмо-вещь важно само по себе, как некий талисман, амулет. И отношение к нему ритуальное (*зажигает лампу, открывает средний ящик стола и достает оттуда письмо*). Содержание письма не раскрывается, в этом нет нужды, герой наверняка знает его наизусть, а важно, что оно есть и адресовано ему (точный, перечитываемый адрес только подчеркивает эту принадлежность).

Подробным описанием предмета фетиша (*длинный, мудреный листик, склеивается по краям, круглые почтовые штемпели, тянется адрес*) писатель вводит в повествование эротический компонент (сексуальный фетишизм), раскрывая самые потаенные психологические комплексы и желания своего героя.

В обыденной жизни некоторые вещи как бы «срастаются» с людьми, образуя в их сознании некие устойчивые комплексы образов и переживаний. Именно эти «переживания» слов-вещей превращают обычные бытовые предметы в культурные знаки, символы — носители «микроистории» отдельных человеческих жизней. «Вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что больше связано с человеческим, нежели с вещным. Следовательно, вещь свидетельствует и о человеке в ряде важных аспектов его бытия» [Топоров 1995: 29].

Письма-вещи в произведениях И. Д. Сургучёва сопровождаются разными эпитетами, которые характеризуют формальные (*чиновничьи письма, дворцовое письмо, распорядительное письмо, деловое письмо, поздравительные письма*) и содержательные их стороны (*письма были все скучные, письма неинтересные, важное письмо, нежное письмо, хорошее письмо, сердечные письма*); время их создания (*сегодняшнее письмо, письмо довоенное, антикварное письмо*); объем (*маленькое письмецо, длинные письма*); автора и адресата (*письмо секретное, тайные письма, анонимные письма, чужие письма, собственноручные письма, письма от жены приходили отчаянные*); способ отправления корреспонденции (*городского письма, заказное письмо, денежные письма, письмо срочное*); хронологию и периодичность переписки (*первое письмо, ежедневные письма*). Однако в контексте повести или рассказа каждый из этих эпитетов обретает новое, авторское значение.

Чаще всего предметность письма, без отсылки к его форме и содержанию, подчеркивают местоименные словосочетания, указывая лишь на принадлежность письма-вещи тому или иному лицу (*ваше письмо, мое письмо, твое письмо* и т. д.) или вовсе обезличено (*это письмо, то письмо, все письма* и т. п.).

Пожалуй, наибольшую опредмеченность письмо в прозе И. Д. Сургучёва обретает благодаря глагольным и отглагольным словосочетаниям (*письма завалились за кровать, письмо выскольз-*

нуло из рук, прижав к груди таинственное дворцовое письмо, заберу у тебя письмо, возвращая мое письмо, перевернул письмо, схватил письмо, показал письмо, бросает письмо, ты сейчас же это письмо возьмешь обратно, пока не буду иметь этого письма, письмо изъять можно, письмо будет выдано только завтра, утром передала мне то письмо, рядом с тарелкой ему положат письма, выложил на стол письмо и т. д.).

Устойчивые глагольные сочетания (*получить письмо, написать письмо, послать письмо*) синкретично отражают и предметную сущность, и его формо-содержательную природу. Однако выражение «пришло письмо», антропоморфическое по своему происхождению, И. Д. Сургучёв использует, чтобы даже чувства, особенно такое абстрактное, как любовь, обрели свою телесность, предметность: *В этом письме пошло к Дениз твое объяснение в любви* [Сургучёв 2016г: 150].

Обычно человек не анализирует свой или чужой вкус, не задумывается о выборе того или иного цвета или формы, не выводит эту информацию из подсознательного уровня в сознательный. Но в ситуации стресса, аффекта он ведет себя иначе, для него любая мелочь превращается в «ценную» информацию, и он начинает читать ее носителя как «открытую книгу». Читателю остается лишь вслед за автором расшифровывать знаки этой «книги». Анализ неинформативных, на первый взгляд, источников дает возможность оценить эстетические предпочтения, рассказать о ценностях, об ощущении времени и пространства, скорости и ритме жизни, а также степени реализации творческого потенциала писателя.

Так, например, в рассказе «Сон» письмо является не только центром взаимодействия персонажей, мотивом их встречи, что отражает его коммуникативная функция, но и вещью, характеризующей социально-бытовой мир провинциального города, маркером противостояния хронотопа (времени и пространства) провинциального города и столицы, центра и периферии страны.

В конце января почтальон подал Крынину письмо. Почерк на адресе показывал, что письмо это могло прийти только из Петербурга. Между тем на обороте конверта, на самой середине, с небрежным наклоном вправо, была наклеена красненькая марка: это говорило о том, что письмо пришло по городской по-

что. Тогда родились странные, смутные предчувствия. Крынин долго не хотел распечатывать конверт; потом нерешительно оторвал от него, с узкой стороны, неровную полоску, развернул хрупкий, сухо шелестящий листок. «Ты удивишься, когда прочитаешь эти строки, — так было написано в начале, — но, друг мой, то ли бывает на свете? Да, верь глазам своим. Я не в Петербурге, а здесь, в твоём любимом городе. Живу в гостинице „Европа“, которую ты, наверное, знаешь. По крайней мере, тебя тут знают, — я спрашивала. Жду тебя целый день» [Сургучёв 2016а: 260].

Расчет героини рассказа, женщины столичной, был на скорость доставки письма внутренней городской почтой, к которой она привыкла. Встреча с адресатом должна была состояться в день написания письма. Но этого не случилось. Первое, на что указывает ей герой рассказа — это разница между столицей и провинцией: *Я только сегодня получил письмо. Здесь городские письма приходят на другой день. Почему ты не послала из гостиницы мальчика? Непременно нужно было по почте?* [Сургучёв 2016а: 263]. Мелочь в виде особенностей работы городской почтовой службы столицы, превращенная в «ценную» информацию, сыграла с нею в провинциальном городе злую шутку. Этой ситуацией писатель опосредованно передает психологическое состояние героини. Письмо тем самым выступает образом-разделителем столичной и провинциальной жизни, символом нового провинциального опыта для героини, а в контексте всего рассказа символом застывшего, опредмеченного времени.

Образ письма-вещи, разделяющего пространство, И. Д. Сургучёв использует в своих произведениях неоднократно. Так, в повести «Губернатор» возникает «говорящий» образ «писем с иностранными марками», а также образ «анонимных писем», выступающих главной характеристикой жизни провинциальной губернии и ее генерал-губернатора: *Пришла мысль о том, что он мог бы быть профессором. Жил бы сейчас в большом университетском городе: на улицах было бы шумно, по бульвару гуляли бы с барышнями студенты. <...> А его генеральская жизнь наполнена ссорами, упреками и анонимными письмами* [Сургучёв 2016б: 20].

В ряде случаев И. Д. Сургучёв создает такие ситуации, когда нарушается коммуникативно-содержательная функция письма,

хотя она является основной, оно становится только вещью, ценной, но бессмысленной вещью. Так, в романе «Ротонда» такая ситуация возникает дважды. В первом случае письмо не может быть прочитано по-английски, а герой романа не знает этого языка:

И в моих руках очутился великолепный, солидный, словно накрахмаленный конверт, с позолоченной полоской на том углу, который приклеивается. Листок такого же цвета, как и конверт, оказался записанным со всех сторон. Почерк был женский, и строчки шли с кривизной вниз. Я вглядывался в буквы, видел a, b, c, d, но в таких комбинациях, которые мне ничего не говорили [Сургучёв 2016г: 127–128].

Второй раз ситуация повторяется зеркально, и уже для героини романа, не знающей русского языка, письмо на русском языке превращается лишь в письмо-вещь. Однако героиня не удовлетворяется этим и просит хотя бы прочесть его вслух, не для того, чтобы понять его содержание, а чтобы оно, как вещь, не осталось неживой вещью:

— Простите, что я обеспокоила вас, — это были первые слова Дениз, — но я получила ваше письмо и ничего не могла в нем разобрать. По рассеянности вы написали его по-русски. Прочтите его вслух. Я хочу слышать, как звучит русский язык [Сургучёв 2016г:165].

Внутренний мир героев, их чувства и смятения никогда не характеризуются словами, они находятся в области умолчания, и этому способствует образ письма-вещи.

4. Заключение

Устоявшиеся аспекты анализа предметных объектов в литературоведении сосредоточены, как правило, на совокупности вещей, а вещь как единичный объект фактически остается не описанной.

Творчество И. Д. Сургучёва выступает подходящим материалом для теоретической разработки этой проблемы, и прежде всего, когда речь идет о письме как вещи.

Его произведения дают богатый материал для аналитических штудий и интерпретаций, что делает их культурологическую функцию чрезвычайно востребованной в данном направлении литературоведения. Жанровая специфика эпистолярная не сковывает писате-

ля, как, впрочем, и жанровые каноны рассказа, повести и романа. Их синтез позволяет говорить и об универсальности жанрового сознания художника эпохи модернизма, и трансформационных возможностях традиционных литературных жанров, где письма-вещи задействованы в создании всех уровней произведения: сферы персонажей, сюжета, конфликта, композиции. Так, например, в персонажной сфере письма-вещи, с одной стороны, служат основой образа персонажа, описания его психологического портрета, его смысловой основой, а с другой — характеризуются персонажами. Отношения взаимной характеристики влияют и на отдельные структурные элементы произведения, композицию и жанровую природу в целом. Взаимодействие письма-вещи и конфликта вытекает из функции вещи-катализатора сюжета: микрокосм письма трансформируется, точнее, моделирует макрокосм художественного мира.

Каждое письмо в составе художественного целого и даже упоминание о нем одновременно является и собственно письмом, несущим информативно-коммуникативную функцию (для героев), и художественной формой (для автора), и частью предметно-вещного мира произведения. В этом смысле прагматическое значение письма в художественном мире произведения усиливается не только за счет устойчивой эпистолярной традиции (эпистолярного этикета, жанрового канона и т. д.), но и за счет невербально-знаковой коммуникации.

Смещение акцентов с мира внешнего на мир внутренний, пишет О. О. Рогинская, аккумулирует смену художественных парадигм в культуре: «Частное становится вровень со всеобщим, индивидуальное включает в себя мировое. Часть и целое как бы меняются местами: если раньше мир включал в себя человека, то теперь человек включает в себя мир. Эта смена акцентов дает возможность перемоделировать уже сложившуюся устойчивую картину мира», полностью или частично изменить формат письма [Рогинская 2002: 10].

Таким образом, письмо-вещь в произведениях И. Д. Сургучёва функционирует как особый повествовательный код, который на уровне поэтики произведения решает самые сложные задачи: «выключает», «вырывает» вещь из основной ткани вторичного мира. В роли декодера вещь превращается в модель мира, в сам мир. В

этой связи письма-вещи в произведениях писателя не могут рассматриваться в отрыве от других слоев текста, поскольку даже единичный образ письма чаще всего становится лейтмотивным, оказывая влияние на персонажную и сюжетную сферы текста, на всю систему образов произведения, различные уровни его словесной ткани и структуры.

Представление о системной роли письма-вещи в структуре художественного произведения на примере творчества И. Д. Сургучёва открывает широкие перспективы изучения подобных вещных образов в творчестве других писателей русской и мировой литературы.

Источники

- Сургучёв 2016а — *Сургучёв И. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. Рассказы. Повести. Пьеса / подгот. текстов, составл., публикация и общ. редакция А. А. Фокина. Ставрополь: ТоварищЪ; М.: Реарт, 2016. 552 с.
- Сургучёв 2016б — *Сургучёв И. Д.* Собрание сочинений. Т. 2. Повести. Пьеса / подгот. текстов, составл., публикация и общ. редакция А. А. Фокина. Ставрополь: ТоварищЪ; М.: Реарт, 2016. 540 с.
- Сургучёв 2016в — *Сургучёв И. Д.* Собрание сочинений. Т. 3. Повести. Пьеса / подгот. текстов, составл., публикация и общ. редакция А. А. Фокина. Ставрополь: ТоварищЪ; М.: Реарт, 2016. 520 с.
- Сургучёв 2016г — *Сургучёв И. Д.* Собрание сочинений. Т. 4. Повесть. Роман. Пьесы / подгот. текстов, составл., публикация и общ. редакция А. А. Фокина. Ставрополь: ТоварищЪ; М.: Реарт, 2016. 520 с.
- Сургучёв 2016д — *Сургучёв И. Д.* Парижский дневник. 1940–1945 / подгот. текстов, составл., предисл., общ. ред. А. А. Фокина. Ставрополь: ТоварищЪ, 2016. 310 с.
- Сургучёв 2017 — *Сургучёв И. Д.* Европейские силуэты / сост. А. Г. Власенко и А. А. Фокин; предисл., коммент.; общ. ред. М. Г. Талалай; послесл. А. А. Фокин. СПб.: ООО «Полиграф», 2017. 492 с.
- Сургучёв 2021 — *Сургучёв И. Д.* «И наши души все-таки поют...». Пьесы и театральная критика эмигрантского периода / сост., подг. текстов, коммент. и науч. ред. А. Г. Власенко, А. А. Фокин; отв. ред. М. Г. Талалай. СПб.: Алетейя, 2021. 826 с.

Литература

- Барт 1989 — *Барт Р.* Литература сегодня // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин 2000 — *Бахтин М. М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 638 с.

- Бодрийяр 1995 — *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.
- Горнфельд 1904 — *Горнфельд А.* Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XI а (80). СПб.: Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1904. С. 921–925.
- Евгеньева 1959 — Словарь русского языка: В 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3: П–Р. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. 992 с.
- Елистратова 1973 — *Елистратова А. А.* Предисловие // Джеймс Г. Повести и рассказы: пер. с англ. / сост. и предисл. А. Елистратовой. М.: Худ. лит., 1973. 430 с.
- Квятковский 1966 — *Квятковский А. П.* Эпистолярная форма // Квятковский А. П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
- Курьянович 2013 — *Курьянович А. В.* Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: XX – XXI вв.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2013. 40 с.
- Курьянович 2014 — *Курьянович А. В.* Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (143). С. 16–20.
- Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 1996. 831 с.
- Нестерова 2017 — *Нестерова Е. А.* Вещь: место в структуре мира произведения // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 51–62.
- Рогинская 2002 — *Рогинская О. О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2002. 14 с.
- Слышкин 2004 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и мета-концепты: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, 2004. 323 с.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
- Уемов 1963 — *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М.: АН СССР, 1963. 184 с.
- Урнов 1975 — *Урнов Д. М.* Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 8: Флобер – Яшпал. М.: Сов. энцикл., 1975. С. 918–920.
- Ушакова 1939 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3: П – Ряшка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939. 1424 стб.
- Фуко 1994 — *Фуко М.* Слова и вещи. СПб.: Талисман, 1994. 405 с.
- Хайдеггер 2008 — *Хайдеггер М.* Исток художественного творения: из-

бранные работы разных лет. М.: Академический Проект, 2008. 527 с.
Шер 2006 — Шер Е. Ю. «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера: реализация замысла романа в письмах // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. Сер. 2: Гуманитарные науки. Вып. 12. С. 242–250.

«Мемуарный роман» Е. В. Гришковца в аспекте поэтики «автофикшн»

Людмила Игоревна Бронская¹, Ирина Николаевна Иванова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0003-1188-6567. E-mail: libron[at]yandex.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бронская Л. И., Иванова И. Н., 2024

Аннотация. *Цель* статьи — выявление особенностей поэтики и жанрового своеобразия мемуарного романа Е. В. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр». *Результаты* исследования. Синтетическая и даже оксюморонная природа жанра (мемуары предполагают действительную реальность описанного, «так было», роман — художественный вымысел) ставит особые эстетические задачи и вновь проблематизирует взаимоотношения автор – герой – читатель. Мемуарный роман Е. В. Гришковца является примером популярного в современной западноевропейской и русской литературе жанра «автофикшн», характерными чертами которого становятся прежде всего особый статус пишущего субъекта, специфический тип дискурса, вербализация личного опыта, прежде всего травматического, и синтез действительно произошедшего с художественным вымыслом — при установке на предельную искренность. Версия Е. В. Гришковца осложняется также авторской писательской рефлексией, поскольку это текст о становлении личности писателя – режиссера – актера, создавшего уникальный тип авторского театра, парадоксальным образом исключаящий все «слишком личное», кроме тех событий, которые послужили основой, материалом для художественной прозы и театральных спектаклей Е. В. Гришковца. Роман рассматривается в контексте новейшей отечественной прозы

и современных дискуссий о жанрах автобиографии и автофикшн.

Ключевые слова: автобиография, автофикшн, мемуарный роман, Е. В. Гришковец, новейшая отечественная проза

Для цитирования: Бронская Л. И., Иванова И. Н. «Мемуарный роман» Е. В. Гришкова в аспекте поэтики «автофикшн» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 121–135. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-121-135

“Memoir Novel” by E. Grishkovetz in Terms of Poetics of “Autofiction”

*Lyudmila I. Bronskaya*¹, *Irina N. Ivanova*²

¹North-Caucasus Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0003-1188-6567 E-mail: libron[at]yandex.ru

²North-Caucasus Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bronskaya L. I., Ivanova I. N., 2024

Abstract. *The purpose* of the article is to define poetics and genre peculiarities of the memoir novel “Theater of Despair. Desperate Theater” by E. V. Grishkovetz. *Results.* The synthetic and even oxymoronic nature of the genre (memoirs assume the reality of what is described, “it did happen”, while novel is a work of fiction) poses specific aesthetic tasks and problematizes the author – hero – reader relationship again. Grishkovetz’s memoir novel is an example of “autofiction” genre, which is popular in the contemporary Western European and Russian literature. Its characteristic features are, first of all, the special status of the writing subject, a specific type of discourse, the verbalization of personal experience, mostly traumatic one, and the synthesis of what really happened with artistic fiction — with emphasis on extreme sincerity. Grishkovetz’s version is also complicated by author’s reflection as a writer, because this is a text about personal becoming of a writer, a stage director and an actor who created a unique kind of author’s theatre which paradoxically

excludes everything “too personal” except for the events that provided background and material for Grishkovetz’s fictional prose and theatrical performances. The novel is regarded in the context of contemporary Russian literature and the recent discussions on genres of autobiography and autofiction.

Keywords: autobiography, autofiction, memoir novel, E. V. Grishkovetz, contemporary Russian literature

For citation: Bronskaya L. I., Ivanova I. N. “Memoir Novel” by E. Grishkovetz in Terms of Poetics of “Autofiction”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 121–135. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-121-135

1. Введение

Творчество Евгения Валерьевича Гришковца, и прежде всего его уникальный авторский театр и драматургия личного высказывания, с трудом поддающаяся литературоведческому определению, не может не привлекать внимания исследователей. Почти все, что делает этот автор, либо «мимо жанра», либо создает фактически новый жанр синтетической природы. Это утверждение можно с полным основанием отнести и к мемуарному роману «Театр отчаяния. Отчаянный театр» (2018 г.), который, на наш взгляд, представляет собой вариант автобиографического текста, называемого сейчас «автофикшн» (автофикшен, автофиксация). Интересно, что современные отечественные литературоведы и критики, пишущие об автофикшн, не упоминают этот текст (как правило, в качестве примеров жанра приводят «эгороманы» С. Дубровски и К. У. Кнауслора, «Под стеклянными колпаками» С. Плат, из отечественных «автофиксаторов» чаще всего вспоминают О. Ю. Васякину («Рана», «Роза») и А. А. Старобинец как автора «Посмотри на него» и др.). Тем не менее в «Театре...» можно увидеть практически все конститутивные признаки жанра, и в первую очередь «вымысел абсолютно достоверных событий» [Doubrovsky 1977: 10], по классическому определению автора термина, теоретика и практика автофикшн Сержа Дубровски. Роман Е. В. Гришковца, безусловно, демонстрирует и «особую практику вербализации прожитого — и зачастую травматического — опыта» [Муравьева 2023: 64], и «омонимическую связь между автором, персонажем и нарратором» [Амирян 2019: 201]. Однако своеобразие 900-стра-

ничного текста Е. В. Гришковца среди бесчисленных «автофиксаций» утверждается самим автором еще до основного повествования: оксюморонное определение жанра (мемуарный роман) поддерживается также двумя, на первый взгляд, разнонаправленными векторами: это «биографическая история», но ее герой — «не столько человек, как призвание» [Гришковец 2018: 4], установка на предельную искренность и даже интимность оборачивается предельной публичностью, театральностью интимно пережитого.

2. Методология исследования

Предметом нашего исследования является поэтика автофикшна в мемуарном романе Е. В. Гришковца. Основной применяемый в работе метод — метод описательной поэтики. Авторы учитывают достижения европейской [Doubrovsky 1977; Lejeune 1975; Лежён 2000; и др.] и современной отечественной [Амирян 2019; Басинский 2022; Бойко 2020; Ермолин 2022; Куприянов 2022; Левина-Паркер 2010; Муравьева 2023; Мызникова 2019; и др.] критической и научной рефлексии по поводу автобиографизма, автофикшна и смежных литературных жанров (типов дискурса), а также работы исследователей романа Е. В. Гришковца [Калашникова и др. 2021; Сироткина 2019; и др.].

При всей дискуссионности термина автофикшна является одной из самых актуальных писательских практик и предметом активного обсуждения как в академической среде, так и в читательской. Известный писатель и критик П. В. Басинский видит в этом жанре непрменный оттенок скандальности и непристойного для художественной литературы «каминг-аута», утверждая уже в самом заглавии статьи, что победа жанра автофикшна приведет к смерти литературы [Басинский 2022]. Б. А. Куприянова автофикшна «пока ещё не пугает, но настораживает», поскольку приносимое пишущему и читающему «утешение», по его мнению, не единственная и не главная функция литературы [Куприянов 2022]. Медийную стратегию видит в автофикшне Е. А. Ермолин, для которого популярность жанра «обнажает трудности самофиксации личности» [Ермолин 2022: 71] и делает главным в произведении «впечатление от личности автора, воспринятой не в качестве социального агента, но как экзистенциальная данность, как иероглиф

лично происходящего бытия» [Ермолин 2022: 73]. Последнее утверждение, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируется романом Е. В. Гришковца. Скорее апологетическую оценку жанру дают А. Бойко и Д. А. Мызникова, призывая всех к опыту подобного письма [Бойко 2020] и защищая создателей автофикшн от типичной критики: у автора здесь «нет задачи передать все точь-в-точь ... гораздо важнее передать эмоции, ощущения...» [Мызникова 2019]. Нельзя не согласиться с Л. Е. Муравьевой, увидевшей в популярности жанра отражение более глубоких процессов, происходящих в современной литературе: «На смену традиционному жанровому членению приходит обобщающее понятие художественной прозы (fiction), пытающейся отразить обновление нарративных практик» [Муравьева 2023: 63]. Одной из таких практик, демонстрирующих проблематизацию дискурса и пишущего субъекта (отнюдь не единственно возможной, конечно), и становится автофикшн. Исследователь делает акцент не на «вымышленности» действительных фактов (как у С. Дубровски), а на вербализации опыта, часто травматического [Муравьева 2023: 64]. Тем самым в автофикшн подчеркивается психоаналитическое, терапевтическое начало (доминирующее, например, в текстах О. Ю. Васякиной и А. А. Старобинец и заметное у Е. В. Гришковца). В любом случае безусловным представляется если и не преобладание жанра в отечественной литературе XXI в. (мы бы вспомнили еще о романе А. В. Рубанова «Сажайте, и вырастет» с героем-автором, прозе М. И. Арбатовой «Мне 46», «Мне 50» и Т. В. Москвиной «Жизнь советской девушки» и др., некоторых текстах З. Прилепина и «новых реалистов» в 2000-х гг.), то, во всяком случае, его «устойчивые позиции одного из лидирующих жанров в современной прозе» [Муравьева 2023: 64].

3. Результаты и дискуссия

3.1. Поэтика заглавия

Мемуарный роман Е. В. Гришковца транслирует экзистенциальную сложность авторской задачи уже своим заглавием. «Биографическая история» и ее герой оказываются здесь не самым важным, о чем читателя сразу же предупреждают. Главным персонажем становится театр (слово, дважды повторенное в заглавии),

причем театр «отчаяния» и «отчаянный» (снова повтор). История жизни автора — история отчаяния (одна из важнейших экзистенциальных категорий, связанная с поиском смысла жизни) и «отчаянности» героя, а также история театра. Тем самым создается множественность смыслов, заданных уже лексическим значением этих слов в русском языке. Отчаянный, например, в Словаре русского языка С. И. Ожегова в первом значении — «проникнутый отчаянием; чрезвычайно тяжелый, безвыходный», но во втором и третьем — «безрассудно смелый, очень смелый» и «крайний, очень сильный» [Ожегов 1987: 390]. В Словаре В. И. Даля отчаянье — «порыв безнадежного горя и уныния, упадок духа», но отчаянный — не пребывающий в состоянии отчаяния, а тот, «кому все нипочем, живущий очертя голову, сорви-голова, решительный на все крайности» [Даль 1994: стб. 1987]. Нельзя не заметить, что для авторского субъекта отчаяние — ситуация не тупика, а кризиса, возможности перехода на новый уровень — в творчестве и отношении к миру. Характерно, что наиболее тяжелые, близкие к депрессии состояния, описанием которых изобилует современная проза, Е. В. Гришковец изображает крайне лаконично: «Дальше было плохо. Дней десять совсем плохо»; «Я не хотел ничего» [Гришковец 2018: 856–857]. «Я чувствовал себя усталым, побитым жизнью, обиженным и утратившим горделивую свою позицию» [Гришковец 2018: 791]. Отчаянию и одиночеству в художественном мире романа противопоставляются радость, жизнерадостность, счастье, веселье как экзистенциальные состояния субъекта, непосредственно связанные с поиском и обретением призвания.

Весьма часто встречается определение «отчаянный», но скорее во втором, более близком герою смысле, связанном с силой и свободой личностной реализации и выбора (*отчаянно хотел, отчаянно стремился* и т. п.). Актеров своего театра «Ложа», работающих бесплатно и отдающих театру свое время и силы, герой сравнивает с персонажами фильма Акиры Куросавы «Семь самураев». Им обещали только сражение и смерть, и «они пошли, *отчаянно* и свободно» (курсив наш. — Л. Б., И. И.) [Гришковец 2018: 616]. Персонаж Куросавы — одна из многочисленных самоидентификаций автора, профессионального филолога, не мыслящего себя вне глобального культурного контекста.

3.2. Герой. Автобиографизм

Как правило, все дискуссии вокруг художественной автобиографии и автофикшн сосредоточены на ключевом вопросе: кто говорит? «Омонимическая связь между автором, персонажем и нарратором» в автофикшн [Амирян 2019: 201] действительно дезориентирует и, возможно, раздражает потенциального читателя, но и создает рецептивную интригу. В той или иной мере автобиографичны многие жанры: исповедь, дневник, письма, автобиографическая проза и даже «обыкновенные» проза и поэзия, в художественно опосредованной форме выражающие не что иное, как личный опыт, чувства, мысли, переживания автора. Горячий защитник актуальности и универсальности жанра автобиографии (в самом широком смысле), французский теоретик Ф. Лежён пишет о заключаемом по умолчанию «автобиографическом пакте» между автором и читателем (автор как бы обязуется не лгать, читатель — верить). Тем не менее для нашей темы представляется важным другое его концептуальное утверждение: «Сколько бы герой ни походил на автора, если он не носит то же имя, это не автобиография» [Lejeune 1975: 25]. Конечно, Николенька Иртеньев — не Левушка Толстой, Сережа Багров — не Сережа Аксаков, но ведь и «Андрей Рубанов» в романах Андрея Рубанова — это не Андрей Рубанов, как бы смешно это ни звучало. В этом смысле роман Е. В. Гришковца уникален — у его героя вообще нет имени. По имени, фамилии, имени и отчеству на всем протяжении 900-страничного текста к нему не обращается никто, ни разу! Стратегия «Я» определяется автором еще до текста: главный герой — театр, а «Я» — лишь поскольку через «меня» и «мной» этот театр существует. Уже в финале, описывая свой триумфальный прорыв со спектаклем «Как я съел собаку», автор обращается к зрителям: «Для меня существует большой вопрос: кто выйдет на сцену? Я или персонаж? Фактически и физически — это буду я. Но для вас — это будет персонаж» [Гришковец 2018: 902]. Биография кемеровского мальчика и студента Евгения Гришковца трансформируется в биографию авторского театра из одного человека, поэтому, например, из текста удалено практически все, что касается раннего детства, любви и отношений с любимой женой, которая «с печальным пониманием отнесется к тому, что в этой книге ей почти совсем не найдется

места, в отличие от места в моей жизни...» [Гришковец 2018: 386]. «Моя» жизнь здесь — жизнь частного лица; жизнь ведущего повествование о призвании «Я» — жизнь в искусстве, в финале именно это «Я» полностью совпадает с театром: «У меня есть свой театр. Мой собственный. Театр, равный одному человеку» [Гришковец 2018: 909].

3.3. Театр. Театральность. Действительность

В романе Е. В. Гришковца, как уже было сказано выше, ключевой является тема театра. Тем интереснее эволюция авторской концепции театра и театральности. Для юного героя-школьника, живущего книгами и рок-музыкой, «театр был реальным, но ненужным» [Гришковец 2018: 10]. Он ассоциировался либо со скучной школьной программой, либо с фальшью и ложью вообще. Так, слово «спектакль» часто употребляется в негативном смысле, не связанном с театром. Об экзамене по физике говорится: «Какой плохой все это спектакль! Как бездарно все играют... Было ужасно стыдно, противно и тошно. Но не от незнания физики, а от участия в бездарной постановке» [Гришковец 2018: 71]. Служба на флоте, особенно на острове Русский, — «спектакль бесчеловечный и совершенно большой» [Гришковец 2018: 194]. Чтобы выжить, матрос должен был симулировать, «играть долгий, многодневный... спектакль» [Гришковец 2018: 161]. Драматизм, театральщину, дешевые эффекты видит молодой матрос в поведении старшин и офицеров.

В дальнейшем, конечно, меняется и отношение героя к театру, ставшему призванием, и слово «спектакль» уже чаще используется в прямом смысле. Театральщина становится признаком либо творческой бездарности и скуки (например, спектакль «На дне», когда «было видно, как все сделано» [Гришковец 2018: 21]), либо, гораздо позже, авангардистской переусложненности театрального языка, отталкивающей героя, сколь бы технически совершенным ни был этот язык.

Театральность как «театральщина» противопоставляется подлинному Театру. Собственно, книга начинается со знакового для героя события, «которое определило суть, содержание и само течение всей... жизни» [Гришковец 2018: 5]. Это был спектакль «Шляпа волшебника» местной студии пантомимы. Герой переживает нечто

вроде пограничной экзистенциальной ситуации, описанной достаточно скупо: «Со мной что-то произошло»; «можно дышать свободно и легко»; «мне стало хорошо» [Гришковец 2018: 43]. Позже описание ощущений сменяется эстетической рефлексией: «Тогда я еще не знал слова „образ“. Но то, что передо мной именно „образ“, а не „изображение“, я сразу почувствовал» [Гришковец 2018: 45]. Именно тогда театр становится для героя символом подлинности, настоящей действительности. Через пантомиму, театр «Мимоход» («отчаянное и непоправимое расставание» с единомышленником Сергеем, подлинно драматичное), эстетические акции типа «перманентного театра», участие в студенческих постановках, самостоятельном театре «Ложа» герой, наконец, обретает свой театр.

3.4. Слово. Молчание

Параллельно с важнейшей для героя темой театра развивается не менее важная тема обретения Слова и связанная с ней тема немоты, отсутствия слова. Собственно, слово в романе имеет три основные ипостаси: слово бытовое, слово как художественное высказывание в жизни «Я» (спектакль, стихи, проза) и слово, описывающее это в романе (собственно слово-автофикшн). Три из восьми глав имеют непосредственное отношение к этой проблематике: «Вначале слова не было», «Безмолвие» и «Накануне слова» (глава восьмая, последняя, об обретении «своего» слова, называется «Театр»). Не удивительно, что путь героя в искусство начинается с пантомимы, с «физического» этажа личности. В аспекте автофикшн, как правило, уделяющего значительное внимание жизни тела, важно то, что это именно тело артиста, а не, например, спортсмена или героя-любownika. Тело словно отчуждено от сознания (значительно «перевешивающего» в жизни профессионального филолога), открыто героем заново: «Я был обескуражен знанием, что совсем не знаю своего тела. Оно, прежде послушное, оказалось мне неизвестным и совершенно неподатливым» [Гришковец 2018: 43]. Характерно, что герой описывает свою внешность как весьма невзрачную, что, впрочем, ему несколько не мешало (лицо скрывает грим, тело — комбинезон, который «станет... дороже и важнее собственной кожи») [Гришковец 2018: 43]. И лишь когда возникает и осознается необходимость слова, появляется иное от-

ношение к своим природным данным: «Моя неисправимая картавость убеждала в том, что на сцене мне делать нечего. Свой дефект речи я считал профнепригодностью» [Гришковец 2018: 805].

Если в начале повествования героя как раз завораживает идея настоящего театра по Этьену Декру («Голый человек на голой сцене. Безмолвный человек» [Гришковец 2018: 111]), то на протяжении романа все чаще и чаще к нему приходят мысли о силе и могуществе слова. В эпизодах на флоте это изображено почти комически: герой развлекает матросов на вахте историями из мировой литературы, причем подает их как действительные происшествия (приблизительно как персонажи В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына «тискают романы», чтобы спасти жизнь, но в менее драматичном регистре). Так, новелла Э. По «Бочонок Амонтильядо» была пересказана как реальный случай в школе Кемеровской области (будущий спектакль «По По»). Тогда же появляется мысль о своем слове, начинает складываться способ театрального высказывания персонажа Е. В. Гришковца: «Если ты что-то знаешь, значит, это с тобой было» [Гришковец 2018: 704]. Первые попытки письма, однако, не дали результатов: «Я тогда не мог понять, что слов у меня еще не было» [Гришковец 2018: 256].

Осознав необходимость рвавшегося изнутри слова, герой расстается с пантомимой: «Сцена давала мне подлинное счастье! Сцена, а не пантомима как таковая. Когда мне откроются иные возможности и интересы, я тут же предам пантомиму без сожаления и раскаяния» [Гришковец 2018: 413]. Стремление к слову привело героя к рефлексии о классическом театре и классическом слове, которое он, при всем уважении к русской литературе, решительно отвергал. Слово его театра должно было быть живым, естественным, сегодняшним, обращающимся к каждому зрителю: «Я ощутил мощь и возможность слова, направленного внутрь человека»; «Мне нестерпимо захотелось моего слова, звучащего со сцены» [Гришковец 2018: 431, 660].

3.5. Читатель. Зритель. Проблема адресата

Возникает естественный вопрос, кому же адресован этот объемный роман-автофикшн и на кого вообще он рассчитан? Очевидно, что «взаимоотношения» автора и читателя в этом случае будут ины-

ми, чем в случае просто «фикшн» или «автобиографического пакта». У читателя, не знающего других работ автора и не смотревшего его спектаклей, этот текст способен вызвать лишь недоумение: как можно написать такую огромную книгу о себе и для чего ее кому-либо читать? Конечно, в первую очередь читатели этой книги — это либо поклонники Е. В. Гришкова, либо люди, интересующиеся проблемами и тенденциями развития современной литературы и театра. Однако у автора свой «пакт» с читателем и свой тип высказывания, собственно, и принесший ему славу (книга деликатно заканчивается непосредственно перед этим моментом). В самом начале книги герой, описывая потрясение от «Шляпы волшебника», понимает, чем вызвана его эйфория: «Мне доверяют!!! Верят, что то, что интересно им — тем, кто на сцене, интересно и мне» [Гришковец 2018: 46]. Доверие в этот значительный для героя момент связалось с другим базовым экзистенциальным понятием — счастьем. Счастьем по обе стороны рампы. Парадоксальное «хочу так же, но не так», «мне нужно было мое! Все только мое. Еще не существующее» [Гришковец 2018: 51] становится основным вектором поиска.

Одним из лейтмотивов книги является услышанная героем в почти немом моноспектакле фраза гениального парня в Челябинске: «Мама, мам... Сегодня первых двух уроков нету», почему-то на всю жизнь запомнившаяся. «Что он такого сказал?!... Он просто открыл мне простую истину, что прожил точно такую же жизнь, как я... В точности! В другом городе, в другом времени, с другой мамой, но точно такую же...» [Гришковец 2018: 756]. Научившись делать хорошие спектакли с театром «Ложа», его руководитель понимает, что чего-то подобного немало, тем более в столице. Для него (как и для автофикшн) становится неоспоримой ценностью уникальности: «Я понял, что мне необходимо совершенно другого уровня художественное высказывание. Мне захотелось зрителей не развлекать, а потрясать, впечатлять, тревожить» [Гришковец 2018: 763]. Собственно, основной сюжет книги — тот экзистенциальный скачок, который совершает герой, пройдя через серию мучительных испытаний и ошибок и буквально совершив прорыв, «переоткрыв» катарсическую природу театра.

В прощальном выступлении по мотивам своей биографии на сцене «Ложи» герой поражен тем, что зрители смеялись от радости

узнавания, могли присвоить переживания, вспомнить такое же свое и почувствовать, что человек не одинок. Не сказав ничего горького и трагического, герой вызывает слезы и сам рыдает от полноты и остроты переживаний: «Я заплакал отраженными слезами!» [Гришковец 2018: 890]. В принципе «переоткрытие» катарсиса в театре для героя почти синонимично «переоткрытию» его в автофикшн и основано на том же механизме сопричастности и узнавания. Рыдающий герой, кстати, перестает говорить «по-книжному» и переходит на тот отрывистый разговорный синтаксис, с которым читатель уже знаком по его драмам и который производит такое странное впечатление на письме. «Так нельзя... Невозможно так... Это... это же не спектакль... Я не понимаю... Но так... так нельзя... Понимаешь?! И по-другому... И по-другому нельзя» [Гришковец 2018: 886]. Некогда отказавшись от поэтики «нечеловеческого», не желая изображать деревья или паруса (пусть другие делают это прекрасно), герой произносит в диалоге с блестящим режиссером Камой Гинкасом: «Я хочу делать театр, который сам хочу видеть» [Гришковец 2018: 869] и стремится быть на сцене «просто человеком», что и сработало еще до появления «новой человечности» и «новой искренности».

3.6. Время. Память. Подлинность

Вернемся к одной из важнейших проблем автофикшн: проблеме подлинности описываемого. Возможность последней ставится под сомнение в силу двух естественных причин. Во-первых, насколько можно доверять восприятию и саморефлексии пишущего субъекта, по определению необъективного в изображении и оценке людей и событий? Во-вторых, если и допустить абсолютную объективность, насколько можно доверять памяти, особенно если описанное произошло много лет назад? Сам автор прекрасно понимает, что «процесс глубоких воспоминаний — дело серьезное» и его можно сравнить с нырянием за жемчугом: вынырнуть резко небезопасно, «велика вероятность возвращения полностью несчастным» [Гришковец 2018: 869]. Можно, конечно, принять на веру заявления автора о прекрасной памяти на значимые события: «Я отчетливо, во всех подробностях помню событие, которое определило суть, содержание и само течение всей моей жизни» [Гришковец 2018: 5]. «Мне теперь непонятно, почему я отчетли-

во запомнил все детали того осеннего вечера... Память сама за меня решила, что важно, а что нет» [Гришковец 2018: 95]. «Не чувствую этих десятилетий. Переживания свежи» [Гришковец 2018: 66]. Однако невозможно поверить, что автор запомнил дословно, например, разнос их выступления теоретиком пантомимы И. Г. Рутбергом, занимающий несколько страниц текста, хотя это приводится как прямая речь [Гришковец 2018: 436–440]. (Вспомним, что А. А. Ахматова считала любую прямую речь в мемуарах откровенной ложью.) То же касается и других многостраничных диалогов, особенно с известными людьми. Но если вновь вспомнить определение автофикшн С. Дубровски («вымысел абсолютно достоверных событий» [Doubrovsky 1977: 10]), проблема снимается. Мы верим, что автор в 17–18 лет и 30 лет спустя, описывая себя 17-летнего, смотрит теми же глазами и дает те же оценки. Мы не удивлены, когда свой реальный диалог с отцом автор описывает, включая в повествование четырехстраничный отрывок из пьесы «Город», где персонаж, названный «Он», говорит с «Отцом». Мы соглашаемся, когда герой заявляет, что хочет опустить рассказ о некоторых травматичных событиях в армии: «Я помню все подробности и детали того, что творилось со мной и что происходило вокруг меня. Но я не могу и не хочу это описывать и снова пережить» [Гришковец 2018: 172]. Достаточно и того, что показано, и, кроме того, есть спектакль «Как я съел собаку». Нас вполне удовлетворяет качество памяти повествователя именно потому, что это не «Евгений Гришковец», а некто безымянный, проживший ту же жизнь, реально переживший те же события с теми же людьми, т. е. как раз герой автофикшн.

4. Выводы

Можно утверждать, что мемуарный роман Евгения Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» обладает всеми конститутивными чертами поэтики жанра автофикшн и вполне может и должен быть описан в контексте автофикшн-эстетики, являясь, с одной стороны, частью созданного Е. В. Гришковцом уникального художественного мира, включающего драматургию, авторские спектакли, прозу и т. д., а с другой, — частью глобального литературного процесса, характеризующегося интересом к «человече-

скому документу», в каком жанре эта человечность ни находила свое художественное выражение.

Литература

- Амирян 2019 — *Амирян Т. Н.* Двойная идентичность автофикциональной литературы автобиографии // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 3 (38). С. 197–208.
- Басинский 2022 — *Басинский П. В.* Тотальная победа жанра автофикшн будет означать смерть литературы // Российская газета. 2022. 20 февраля [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2022/02/20/basinskij-totalnaia-pobeda-zhanra-avtofikshn-budet-oznachat-smert-literatury.html> (дата обращения: 07.06.2024).
- Бойко 2020 — *Бойко А.* «Пишите о том, что не дает вам спать по ночам». Что такое автофикшн и почему нам всем стоит попробовать себя в этом жанре // Цех. 2020. 15 октября [электронный ресурс] // URL: <https://zeh.media/praktika/pisatel'skoye-masterstvo/1384076-cto-takoye-avtofikhkn-i-pochemu-ego-stoit-poprobovat-pisat-kazhdomu> (дата обращения: 07.06.2024).
- Гришковец 2018 — *Гришковец Е. В.* Театр отчаяния. Отчаянный театр. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 912 с.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И–О. М.: Прогресс, 1994. 912 с.
- Ермолин 2022 — *Ермолин Е. А.* Автофикшн как медийная стратегия // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 71–83.
- Калашникова и др. 2021 — *Калашникова А. Л., Налегач Н. В., Синегубова К. В.* Образ alma mater в мемуарном романе Е. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 125–137.
- Куприянов 2022 — *Куприянов Б. А.* Почему автофикшн не нужен // Горький. 2022. 17 февраля [электронный ресурс] // URL: <https://gorky.media/context/pochemu-avtofikhkn-ne-nuzhen/> (дата обращения: 07.06.2024).
- Левина-Паркер 2010 — *Левина-Паркер М.* Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 [электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html> (дата обращения: 07.06.2024).
- Лежён 2000 — *Лежён Ф.* В защиту автобиографии // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 110–122.

- Муравьева 2023 — *Муравьева Л. Е.* Критика и вымысел: опыт автофикшна. Серж Дубровский и Реймон Федерман // Вопросы литературы. 2023. № 1. С. 63–83.
- Мызникова 2019 — *Мызникова Д. А.* Вымысел фактов: автофикшн. Приемы и особенности // Икстати. 2019. 31 декабря [электронный ресурс] // URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/327726305.html> (дата обращения: 07.06.2024).
- Ожегов 1987 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
- Сироткина 2019 — *Сироткина Т. А.* Повседневная жизнь россиян в мемуарном романе Евгения Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействия. XX Кирилло-Методиевские чтения: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Гос. ин-т русс. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. С. 609–611.
- Doubrovsky 1977 — *Doubrovsky S.* Fils. Paris: Galilée, 1977. 472 p.
- Lejeune 1975 — *Lejeune Ph.* Le pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975. 357 p.

Влияние обеспеченности ресурсами здравоохранения на младенческую смертность в южнороссийских регионах

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv[at]kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2024
© Бадмаева Н. В., 2024

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые показатели обеспеченности населения ресурсами здравоохранения и их влияние на коэффициенты младенческой смертности в Республике Калмыкия и соседних с ней регионах. *Материалы и методы.* Информационную базу исследования составили общие показатели младенческой смертности в России и в федеральных округах, в Республике Калмыкия и в группе анализируемых регионов — в Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях, Республике Дагестан и в Ставропольском крае. Проанализированы также следующие статистические показатели: общая численность врачей в организациях, оказывающих медицинские услуги, численность акушеров-гинекологов, терапевтов, педиатров, неонатологов, в целом врачей, обслуживающих детское население. *Выводы.* Обеспеченность койками разных профилей, обеспеченность профильными медицинскими кадрами значительно отличаются по федеральным округам и субъектам страны. В связи с этим структурные преобразования должны проводиться с учетом необходимости снижения уровня младенческой смертности в регионах. Реализация проектов по здравоохранению показала, что необходимое обеспечение отрасли материальными ресурсами и кадрами в целом сопутствовало более низким регистрируемым значениям младенческой и ранней неонатальной смертности в регионах. На уровне младенческой смертности в регионах влияет и характер расселения: территориальная доступность организаций родовспоможения в сельской местности ниже, а показатели младенческой смертности выше.

Ключевые слова: младенческая смертность, смертность в раннем неонатальном периоде, обеспеченность медицинскими кадрами, число больничных коек, число фельдшерско-акушерских пунктов, количество женских консультаций, региональная асимметрия

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Влияние обеспеченности ресурсами здравоохранения на младенческую смертность в южнороссийских регионах // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 136–154. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-136-154

The Impact of Health Resource Availability on Infant Mortality in Southern Russian Regions

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv[at]kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Badmaeva N. V., 2024

Abstract. The article examines some indicators of the population's availability of health resources and their impact on infant mortality rates in the Republic of Kalmykia and its neighboring regions. *Materials and methods.* The information base of the study was made up of general infant mortality rates in Russia and in the federal districts, in the Republic of Kalmykia and in the group of analyzed regions — in the Astrakhan, Volgograd, Rostov regions, the Republic of Dagestan and the Stavropol Territory. The following statistical indicators were also analyzed: the total number of doctors in organizations providing medical services, the number of obstetricians and gynecologists, internists, pediatricians, neonatologists, and in general doctors serving the children's population. *Conclusions.* The availability of beds of different profiles and the availability of specialized medical personnel differ significantly by federal districts and regions of the country. In this regard, structural changes should be carried out taking into account

the need to reduce the infant mortality rate in the regions. The implementation of healthcare projects has shown that the necessary provision of the material resources and personnel to the industry as a whole has been accompanied by lower recorded rates of infant and early neonatal mortality in the regions. Infant mortality rates in the regions are also influenced by the nature of settlement: the territorial accessibility of maternity services in rural areas is lower, and infant mortality rates are higher.

Keywords: infant mortality, mortality in the early neonatal period, availability of medical personnel, number of hospital beds, number of medical and obstetric centers, number of women's consultations, regional asymmetry

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. V122022700133-9 "Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes".

For citation: Badmaeva N. V. The Impact of Health Resource Availability on Infant Mortality in Southern Russian Regions. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 136–154. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-136-154

1. Введение

Коэффициент младенческой смертности представляет собой число умерших детей в возрасте до 1 года в расчете на 1 000 родившихся живыми. Показатель младенческой смертности является одним из основных показателей развития любого государства, он характеризует не только репродуктивно-демографические процессы, но и качество жизни населения в целом, в том числе уровень развития системы здравоохранения.

В начале XX в. в России был крайне высокой уровень смертности детей до 1 года: в 1901 г. коэффициент младенческой смертности в России был — 298,8 ‰ (промилле) [Кваша 2003: 47]. Наиболее значимое снижение младенческой смертности в России произошло к 50-м гг. в результате внедрения в медицинскую практику антибиотиков и сульфаниламидов. Если в 1946 г. уровень младенческой смертности в России составлял 92 ‰, то к концу 1950-х гг. он снизился почти в 3 раза по сравнению с послевоенным уровнем. В 1972 г. коэффициент младенческой смертности составлял 21,7 ‰, в 1991 г. — 17,8 ‰, в 2000 г. — 15,3 ‰ [Кваша 2003: 49]. В 2010 г. коэффициент младенческой смертности составлял 7,5 ‰, в 2023 — 4,2‰.

В последние годы в нашей стране особое внимание уделяется вопросам развития репродуктивно-демографического процесса, эта проблема возводится государством в ранг проблем национальной безопасности. В этой связи анализ динамики показателя младенческой смертности как критерия развития демографического процесса, социально-экономического благополучия страны и ее регионов является как никогда актуальным.

Снижение показателя младенческой смертности является одной из целей Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. и национального проекта «Здравоохранение» [Паспорт национального проекта...]. Коэффициент младенческой смертности является также ключевым индикатором федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» [Федеральный проект «Развитие детского здравоохранения...»].

Цель статьи — рассмотреть некоторые показатели обеспеченности населения ресурсами здравоохранения и их влияние на коэффициенты младенческой смертности в Республике Калмыкия и соседних с ней регионах.

2. Материалы исследования

Информационную базу составили:

1. Показатели младенческой смертности — коэффициент младенческой смертности и коэффициент смертности в ранний неонатальный период (7 суток).

2. Показатели обеспеченности населения ресурсами здравоохранения — общая численность врачей в организациях, оказывающих медицинские услуги, численность акушеров-гинекологов, терапевтов, педиатров, неонатологов, в целом врачей, обслуживающих детское население; общее количество больничных коек, в том числе гинекологических и коек для беременных, рожениц и родильниц; число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий и организаций, имеющих женские консультации и детские отделения; число фельдшерско-акушерских пунктов.

В группу анализируемых южнороссийских регионов входят следующие регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных

округов: Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Республики Калмыкия и Дагестан, Ставропольский край.

В методологическом плане при выявлении взаимосвязи между показателями младенческой смертности и показателями обеспеченности ресурсами здравоохранения мы опирались на исследования авторов Воронежской государственной медицинской академии [Косолапов и др. 2014] и Вологодского научного центра [Нацун 2023].

3. Показатели младенческой смертности

По данным, представленным в табл. 1, коэффициент младенческой смертности в России с 2005 г. уменьшился в 2,7 раза. С 2005 г. по 2023 г. коэффициент младенческой смертности в 2,8 раза сократился в Южном федеральном округе, — это самый высокий показатель, а медленнее всего — в Дальневосточном федеральном округе, в 1,8 раз. Наиболее высокие показатели младенческой смертности за весь период отмечались в Северо-Кавказском, Сибирском, Дальневосточном федеральных округах (см. табл. 1).

Таблица 1. Младенческая смертность по федеральным округам и некоторым субъектам Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в 2005–2023 гг., промилле

Территория / годы	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Российская Федерация	11,5	7,5	6,5	4,5	4,6	4,4	4,2
по федеральным округам							
Центральный федеральный округ	10,0	6,6	6,0	3,9	4,0	4,0	3,9
Северо-Западный федеральный округ	9,4	5,6	5,3	3,7	4,2	4,0	4,1
Южный федеральный округ	11,4	7,1	6,2	4,6	5,1	4,5	4,1
Северо-Кавказский федеральный округ	13,0	12,0	10,3	5,9	6,4	5,7	4,9
Приволжский федеральный округ	10,5	6,8	6,1	4,3	4,4	4,1	3,9
Уральский федеральный округ	10,0	6,7	5,8	4,0	4,0	4,2	4,0
Сибирский федеральный округ	12,3	8,4	6,9	5,5	5,1	5,0	4,6

Дальневосточный федеральный округ	13,5	9,6	7,5	5,1	5,0	5,2	4,7
субъекты Южного федерального округа							
Республика Калмыкия	7,6	9,5	8,6	2,9	2,6	4,0	4,6
Астраханская область	13,1	7,7	8,0	5,8	4,3	5,6	4,4
Волгоградская область	11,3	9,8	6,6	4,9	5,6	4,4	4,3
Ростовская область	14,9	7,6	6,6	5,5	6,5	4,9	4,1
субъекты Северо-Кавказского федерального округа							
Республика Дагестан	13,6	14,3	12,0	6,8	7,9	7,1	5,5
Ставропольский край	11,2	8,3	8,1	5,0	5,4	4,7	4,3

Источник: [Регионы России... 2023: 73, 74].

В 2023 г. уровень младенческой смертности в стране составил 4,2 ‰ на 1 000 родившихся живыми. Наиболее высокие показатели младенческой смертности отмечаются в Северо-Кавказском (4,9 ‰), Дальневосточном (4,7 ‰) и Сибирском федеральных округах (4,6 ‰). В 2023 г. в группе анализируемых регионов только в Ростовской области коэффициент младенческой смертности был ниже общероссийского показателя, в остальных регионах он выше. Самый высокий коэффициент младенческой смертности в этих регионах в 2023 г. был отмечен в Республике Дагестан (5,5 ‰), в Республике Калмыкия (4,6 ‰) и в Астраханской области (4,4 ‰).

В структуру младенческой смертности входит показатель ранней неонатальной смертности. Специалисты отмечают, что почти половина младенческой смертности обусловлена болезнями периода новорожденности [Пастернак, Пастернак 2015: 160]. В связи с этим рассмотрим коэффициент смертности детей, умерших в возрасте до 7 дней (см. табл. 2).

Таблица 2. Умершие в возрасте до 7 дней на 1 000 родившихся живыми, 2021–2023 гг.

Территория / годы	2021	2022	2023
Российская Федерация	1,56	1,43	1,23
Южный федеральный округ	1,94	1,80	1,32
Республика Калмыкия	1,12	1,24	1,25
Астраханская область	1,50	1,86	1,27
Волгоградская область	1,79	1,14	1,20
Ростовская область	2,59	1,66	1,27

Северо-Кавказский федеральный округ	2,38	1,82	1,62
Республика Дагестан	3,21	2,40	1,70
Ставропольский край	2,29	1,91	1,87

Источник: [Естественное движение населения 2021; Естественное движение населения 2022; Естественное движение населения 2023].

Коэффициент смертности в раннем неонатальном периоде за период 2021–2023 гг. сократился как в стране в целом, так и практически во всех анализируемых регионах. В Калмыкии за этот период смертность детей раннего неонатального периода выросла на 0,13 промилле. В Астраханской области в 2022 г. этот показатель вырос на 0,36 промилле по сравнению с 2021 г., в 2023 г. в области отмечается снижение на 0,59 промилле.

Наиболее высокие показатели смертности детей в раннем неонатальном периоде в 2023 г. были отмечены в Ставропольском крае и Республике Дагестан.

4. Показатели обеспеченности населения ресурсами здравоохранения

Младенческая смертность имеет прямую взаимосвязь с такими показателями деятельности и ресурсного обеспечения региональной системы родовспоможения, как число больничных коек (гинекологических коек и коек для беременных, рожениц и родильниц); доля акушеров-гинекологов, терапевтов, врачей, обслуживающих детское население, неонатологов, педиатров в общей численности врачей; количество женских консультаций и фельдшерско-акушерских пунктов.

По данным статистики в Российской Федерации число больничных коек в 2021 г. составляло 1 103 795. Рассмотрим число гинекологических коек и коек для беременных, рожениц и родильниц и динамику их изменения за период с 2018 г. по 2021 г. (см. табл. 3).

Таблица 3. Число гинекологических коек на конец отчетного года, Российская Федерация, 2018–2021 гг.

Форма собственности / годы	2018	2019	2020	2021
----------------------------	------	------	------	------

Негосударственная форма собственности	1 992	1 903	2 016	1 955
Государственная собственность	46 081	44 770	33 629	36 672
Всего:	48 235	46 841	35 912	38 868

Источник: [Число больничных коек...].

В целом доля гинекологических коек в 2021 г. составила 3,5 % от общего количества больничных коек. Важно также отметить, что число гинекологических коек за 4 года уменьшилось на 9 367. При этом незначительно выросло число коек в учреждениях негосударственной формы собственности (см. табл. 4).

Таблица 4. Число гинекологических коек на конец отчетного года, регионы Южного федерального округа и некоторые регионы Северо-Кавказского федерального округа, 2021 г.

Регион / Форма собственности	Негосударственная форма собственности	Государственная собственность	Всего	Доля
Южный федеральный округ	237	4 323	4 560	3,5
Республика Калмыкия	0	74	74	3,5
Астраханская область	18	176	194	2,4
Волгоградская область	48	598	646	3
Ростовская область	86	1 444	1 530	4,7
Северо-Кавказский федеральный округ	128	2 616	2 787	3,9
Республика Дагестан	68	855	923	4,5
Ставропольский край	32	837	869	3,8

Источник: [Число больничных коек...].

Доля коек для беременных, рожениц и родильниц в 2021 г. составила 4,6 % от общего числа больничных коек (см. табл. 5). Отметим, что число коек для беременных, рожениц и родильниц также сократилось на 11 424 койки.

Таблица 5. Число коек для беременных, рожениц и родильниц на конец отчетного года, Российская Федерация, 2021 г.

Форма собственности / годы	2018	2019	2020	2021
Негосударственная форма собственности	617	551	627	502
Государственная собственность	61 491	58 365	50 155	50 182

Всего	62 118	58 916	50 782	50 694
-------	--------	--------	--------	--------

Источник: [Число больничных коек...].

В целом сокращение коек для беременных, рожениц и родильниц связано, на наш взгляд, с сокращением рождаемости, общей численности женщин фертильного возраста в демографической структуре населения.

Наименьшее количество гинекологических коек отмечается в Волгоградской, Астраханской областях и в Республике Калмыкия. При этом в этих регионах уровень младенческой смертности выше общероссийского показателя (см. табл. 6).

Таблица 6. Число коек для беременных, рожениц и родильниц на конец отчетного года, регионы Южного федерального округа и некоторые регионы Северо-Кавказского федерального округа, 2021 г.

Регион / Форма собственности	Всего	Доля
Южный федеральный округ	5 912	4,6
Республика Калмыкия	113	5,3
Астраханская область	327	4
Волгоградская область	768	3,6
Ростовская область	1 541	4,7
Северо-Кавказский федеральный округ	5 122	7,3
Республика Дагестан	2 126	10,4
Ставропольский край	1 052	4,6

Источник: [Число больничных коек...].

Самая низкая доля коек для беременных, рожениц и родильниц в 2021 г. отмечалась в Волгоградской, Астраханской областях и в Ставропольском крае.

Рассмотрим общую численность врачей в Российской Федерации и долю акушеров-гинекологов, терапевтов, врачей, обслуживающих детское население, неонатологов, педиатров в общей численности врачей (см. табл. 7).

С 2018 г. численность врачей в стране увеличилась с 703 748 до 744 074 чел. По данным табл. 7, доля акушеров-гинекологов, неонатологов, педиатров за этот период сократилась. Доля врачей, обслуживающих детское население, осталась практически такой же, при этом доля терапевтов выросла.

Таблица 7. Доля врачей в организациях, оказывающих медицинские услуги населению, на конец отчетного года, 2021 г.

Врачи / Годы	2018	2019	2020	2021	2022
Акушеры-гинекологи	6,2	6,1	5,97	5,9	5,8
Врачи, обслуживающие детское население	11,1	11,2	11,1	10,97	11,1
Неонатологи	0,9	0,8	0,8	0,77	0,75
Педиатры	8,7	8,6	8,5	8,3	8,3
Терапевты	10,9	10,9	11,04	11,2	11,02

Источник: [Численность врачей всех специальностей...].

В региональном разрезе наименьшая доля акушеров-гинекологов отмечается в Волгоградской, Астраханской областях и Республике Калмыкия, врачей, обслуживающих детское население — в Ставропольском крае, в Республике Калмыкия, неонатологов — в Ставропольском крае, Астраханской, Волгоградской областях, педиатров — в Ставропольском крае, Волгоградской области и Республике Калмыкия, терапевтов — Ростовской, Астраханской областях и в Республике Калмыкия (см. табл. 8).

Таблица 8. Доля врачей в организациях, оказывающих медицинские услуги населению, на конец отчетного года, 2021 г.

Регион / Врачи	Акушеры-гинекологи	Врачи, обслуживающие детское население	Неонатологи	Педиатры	Терапевты
Южный федеральный округ	6,3	11,5	0,8	8,7	11,0
Республика Калмыкия	5,8	11,1	1,08	8,2	10,2
Астраханская область	5,3	11,6	0,7	9,9	10,5
Волгоградская область	5,1	12,3	0,6	8,1	10,9
Ростовская область	6,8	12,1	0,9	9,6	9,9
Северо-Кавказский федеральный округ	7,5	12,2	0,9	9,1	12,8

Республика Дагестан	8,8	13,2	0,9	10,3	12,4
Ставропольский край	5,8	10,5	0,6	7,7	12,3

Источник: [Численность врачей всех специальностей...].

Рассмотрим также количество женских консультаций, фельдшерско-акушерских пунктов в группе анализируемых регионов. В регионах по-разному представляют данную статистику, поэтому временные периоды могут отличаться (см. рис. 1–5).

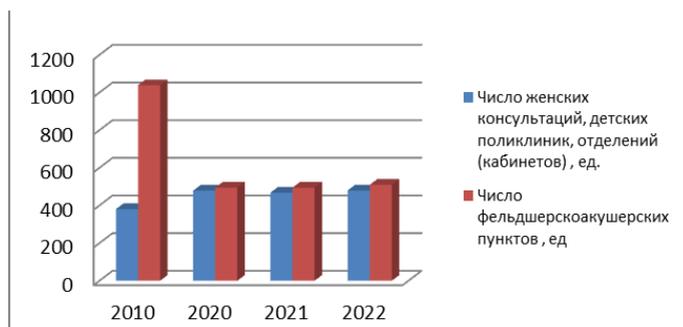

Рис. 1. Число женских консультаций и ФАП в Ростовской области

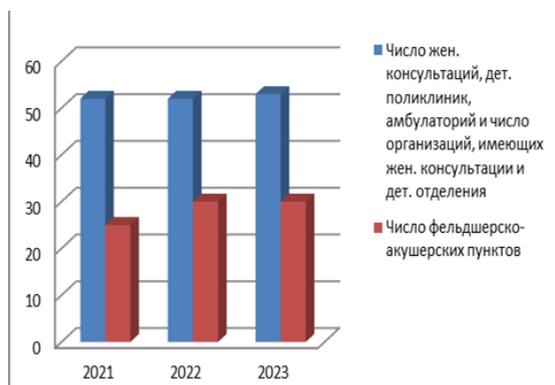

Рис. 2. Число женских консультаций и ФАП в Республике Калмыкия

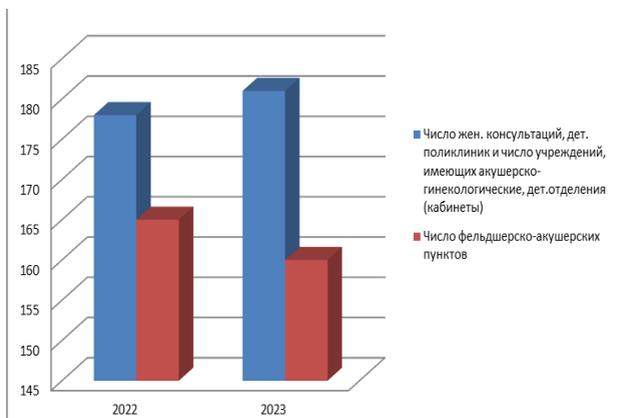

Рис. 3. Число женских консультаций и ФАП в Астраханской области

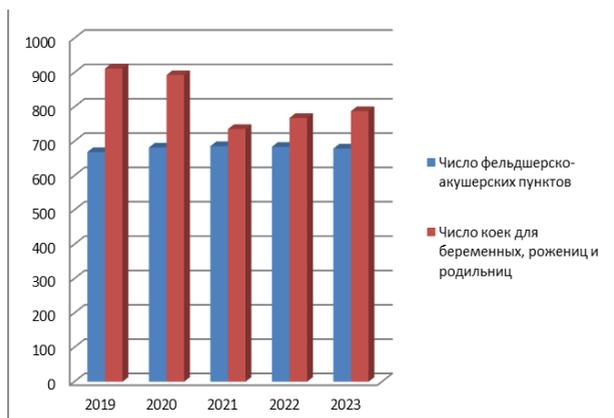

Рис. 4. Число женских консультаций и ФАП в Волгоградской области

В Ростовской области с 2010 г. число женских консультаций выросло с 381 до 480 единиц, количество ФАП сократилось в два раза с 1 039 до 510 [Ростовская область в цифрах 2024: 18]. В Калмыкии с 2021 г. по 2023 г. количество организаций, имеющих женскую консультацию и детское отделение, выросло на 1 единицу, количество ФАП выросло на 5 единиц [Калмыкия в цифрах 2024: 53].

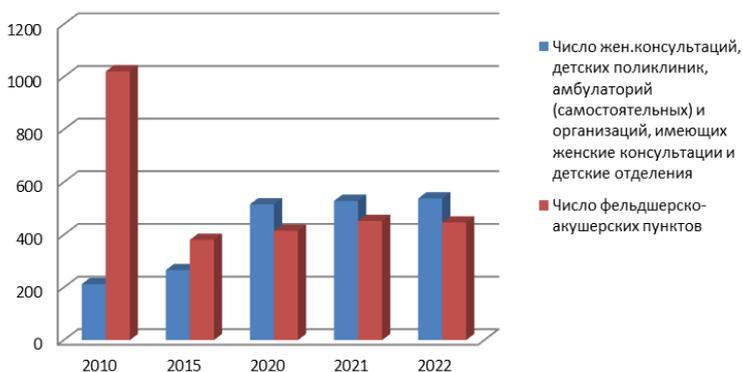

Рис. 5. Число женских консультаций и ФАП в Республике Дагестан

В Астраханской области количество ФАП сократилось на 5 единиц, количество женских консультаций выросло на 3 единицы [Астраханская область в цифрах 2024: 56]. В Волгоградской области количество ФАП выросло на 10 единиц. В статистических данных региона не представлена информация по количеству женских консультаций, имеется статистика по количеству коек для беременных, рожениц и родильниц [Волгоградская область в цифрах 2023: 111].

В Дагестане с 2010 г. количество женских консультаций выросло с 213 единиц в 2010 г. до 538 в 2022 г., количество ФАП сократилось в 2,3 раза [Дагестан в цифрах 2024: 72].

Сокращение количества фельдшерско-акушерских пунктов, на наш взгляд, является актуальной проблемой регионов, поскольку отсутствие данного вида помощи сельскому населению заставляет мигрировать в районные центры или города.

5. Показатели младенческой смертности в Республике Калмыкия

Рассмотрим показатели младенческой смертности в г. Элисте Республики Калмыкия и в сельских районах республики.

По данным, представленным в табл. 9, младенческая смертность среди сельского населения выше, чем среди городского. В г. Элисте этот показатель значительно ниже, чем в районах респу-

блики. Следует подчеркнуть, что показатели младенческой смертности по районам республики неустойчивые и выделить наиболее критические или благоприятные районы по уровню младенческой смертности сложно.

Таблица 9. Коэффициент младенческой смертности по районам Калмыкии, 2018–2022, промилле

	2018	2019	2020	2021	2022
Городовиковский	7,8	–	–	–	–
Ики-Брульский	19,4	–	–	–	14,4
Кетченеровский	9,5	9,3	9,1	-	-
Лаганский	12,9	–	–	7,2	15,7
Малодербетовский	9,6	–	–	–	–
Октябрьский	–	–	–	11,6	–
Приютненский	–	12,7	–	–	–
Сарпинский	11,9	–	30,8	14,7	–
Целинный	–	9,3	–	–	–
Черноземельский	14	–	8,4	–	6,8
Юстинский	23	–	–	–	17,2
Яшалтинский	–	–	–	–	9,2
Яшкульский	6,7	–	6,4	–	–
г. Элиста	4,1	–	2,3	3,1	3,3
Показатель по Республике Калмыкия	6,2	1,4	2,9	2,6	4,0

Причинами такого соотношения могут быть неудовлетворительная материально-техническая база сельских медицинских учреждений, комплектация и квалификация медицинского персонала села, состояние здоровья сельского населения в целом и в частности репродуктивного здоровья женщин, а также отдаленность сельских населенных пунктов от неонатальных центров и отделений родовспоможения.

На уровне младенческой смертности в регионах влияет и характер расселения: территориальная доступность организаций родовспоможения в сельской местности ниже, а показатели младенческой смертности выше (5,3 ‰ против 4,4 ‰ в городском населении в 2021 г. по РФ в среднем).

Россия вслед за многими развитыми странами провела закрытие небольших служб родовспоможения в сельской местности в процессе реорганизации всей системы. Это усилило социальное неравенство в доступе к услугам родовспоможения, так как для сельского населения и экономически уязвимых женщин своевременная транспортировка представляет сложную задачу [Макаренцева 2023: 69].

5. Результаты

Национальный проект «Здравоохранение» включает в себя девять целевых показателей. Одной из основных целей является снижение младенческой смертности с 5,5 случая на 1 тысячу родившихся детей до 4,5 в 2024 г. [Королук и др. 2021: 139]. Это целевое значение было достигнуто российским здравоохранением в 2020 г., в 2023 г. коэффициент младенческой смертности составил 4,2 ‰. В группе анализируемых регионов коэффициент младенческой смертности заметно снижается, при этом в ряде регионов целевой показатель 4,5 ‰ был достигнут также раньше 2024 г. Но следует отметить, что в 2023 г. только в Ростовской области коэффициент младенческой смертности был ниже общероссийского показателя (4,2 ‰ — общероссийский показатель, 4,1 ‰ — Ростовская область).

Самый высокий коэффициент младенческой смертности в этих регионах в 2023 г. был отмечен в Республике Дагестан (5,5 ‰), в Республике Калмыкия (4,6 ‰) и в Астраханской области (4,4 ‰). Наиболее высокие показатели смертности детей в раннем неонатальном периоде в 2023 г. были отмечены в Ставропольском крае и Республике Дагестан. В Дагестане уровень младенческой смертности — один из самых высоких среди субъектов России. Темпы снижения младенческой и перинатальной смертности на протяжении ряда десятилетий существенно ниже, чем в целом по стране [Мингазова, Гасайниева 2020: 791].

При рассмотрении коечного фонда было отмечено сокращение как общего количества коек в стране, так и количества коек гинекологического профиля, коек для беременных, рожениц и родильниц.

Исследователи отмечают, что в стране на протяжении многих лет идет процесс реструктуризации коечного фонда. Количество

коек сокращается в основном по следующим причинам: объединение медицинских организаций, снижение уровня госпитализации населения. Сокращение коечного фонда произошло в основном за счет уменьшения числа коек следующих основных профилей: терапевтических, хирургических, психиатрических, гинекологических, туберкулезных, инфекционных, педиатрических, неврологических, патологии беременности, коек для беременных и рожениц [Бантьева и др. 2018: 148; Бантьева и др. 2020].

По результатам анализа коечного фонда по гинекологическому профилю и коек для беременных, рожениц и родильниц наименьшее количество гинекологических коек отмечается в Волгоградской, Астраханской областях и в Республике Калмыкия, а самая низкая доля коек для беременных, рожениц и родильниц в 2021 г. отмечалась в Волгоградской, Астраханской областях и в Ставропольском крае. При этом в Волгоградской, Астраханской областях и в Республике Калмыкия уровень младенческой смертности выше общероссийского показателя.

В целом сокращение коек для беременных, рожениц и родильниц связано, на наш взгляд, с сокращением рождаемости, общей численности женщин фертильного возраста в демографической структуре населения. Однако сокращение гинекологических коек, коек для беременных не должно влиять на рост показателей младенческой смертности. Необходимо, на наш взгляд, увеличивать также мощность работы дневных стационаров, женских консультаций и детских отделений.

Наименьшая доля акушеров-гинекологов отмечается в Волгоградской, Астраханской областях и Республике Калмыкия, врачей, обслуживающих детское население — в Ставропольском крае, в Республике Калмыкия, неонатологов — в Ставропольском крае, Астраханской, Волгоградской областях, педиатров — в Ставропольском крае, Волгоградской области и Республике Калмыкия, терапевтов — Ростовской, Астраханской областях и в Республике Калмыкия.

На асимметрию развития регионов влияет и сокращение количества фельдшерско-акушерских пунктов.

6. Выводы

В условиях отрицательного естественного прироста населения снижение уровня младенческой смертности — не только перво-

очередная задача акушерства и педиатрии, но и важная социальная и демографическая проблема.

Показатели коечного фонда и обеспеченности койками разных профилей, обеспеченности профильными медицинскими кадрами значительно отличаются по федеральным округам и субъектам страны. В связи с этим структурные преобразования должны проводиться с учетом необходимости снижения уровня младенческой смертности в регионах. При этом важно отметить, что реализация проектов по здравоохранению показала, что необходимое обеспечение отрасли материальными ресурсами и кадрами в целом сопутствовало более низким регистрируемым значениям младенческой и ранней неонатальной смертности в регионах.

На уровне младенческой смертности в регионах влияет и характер расселения: территориальная доступность организаций родовспоможения в сельской местности ниже, а показатели младенческой смертности выше.

Литература

- Астраханская область в цифрах 2024 — Астраханская область в цифрах: крат. стат. сб. Астрахань: Астраханьстат, 2024. 124 с.
- Бантьева и др. 2020 — *Бантьева М. Н., Маношкина Е. М., Мельников Ю. Ю.* Динамика показателей коечного фонда круглосуточного и дневного пребывания в Российской Федерации // Менеджер здравоохранения. 2020. № 2. С. 13–20.
- Бантьева и др. 2018 — *Бантьева М. Н., Цицириг О. В., Кузнецова В. П.* Динамика основных показателей стационарной помощи по профилям коек в Российской Федерации за 2010–2016 годы // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2018. Т. 12. № 6. С. 148–155.
- Волгоградская область в цифрах 2023 — Волгоградская область в цифрах. 2023: стат. сб. Волгоград: Волгоградстат, 2024. 386 с.
- Дагестан в цифрах 2024 — Дагестан в цифрах. 2024. стат. сб. Махачкала, 2024. 377 с.
- Естественное движение населения 2021 — Естественное движение населения за 2021 г. Статистический бюллетень [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 26.08.2024).
- Естественное движение населения 2022 — Естественное движение населения за 2022 г. Статистический бюллетень [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 26.08.2024).

- Естественное движение населения 2023 — Естественное движение населения за 2023 г. Статистический бюллетень [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 26.08.2024).
- Калмыкия в цифрах 2024 — Калмыкия в цифрах, 2024: стат. сб. Элиста: Управление Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республике Калмыкия, 2024. 138 с.
- Кваша 2003 — *Кваша Е. А.* Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–75.
- Королюк и др. 2021 — *Королюк Е. Г., Жмакин И. А., Иванов А. Г.* Национальный проект «Здравоохранение» как один из путей сохранения здоровья россиян // Тверской медицинский журнал. 2021. № 1. С. 137–144.
- Косолапов и др. 2014 — *Косолапов В. П., Сыч Г. В., Фролов М. В.* Медико-социальная взаимосвязь показателей репродуктивного здоровья женского населения с деятельностью и ресурсным обеспечением системы родовспоможения Воронежской области // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2014. Т. 13. №. 2. С. 367–371.
- Макаренцева 2023 — *Макаренцева А. О.* Достижения перинатальной реформы и резервы дальнейшего сокращения младенческой смертности в России // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. №. 3. С. 62–81.
- Мингазова, Гасайниева 2020 — *Мингазова Э. Н., Гасайниева М. М.* Особенности демографических тенденций и младенческая смертность в республике Дагестан // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № S1. С. 791–794.
- Нацун 2023 — *Нацун Л. Н.* Оценка влияния медицинских, демографических и экономических факторов на динамику младенческой смертности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 265–283. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.14
- Паспорт национального проекта... — Паспорт национального проекта «Здравоохранение» [электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 20.08.2024).
- Пастернак, Пастернак 2015 — *Пастернак А. Е., Пастернак И. А.* Причины ранней неонатальной смертности на современном этапе по данным патологоанатомических аутопсий // Медицинская наука и образование Урала. 2015. Т. 16. № 3. С. 159–161.
- Регионы России 2023 — Регионы России. Социально-экономические показатели – 2023 [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.08.2024).

Ростовская область в цифрах 2024 — Ростовская область в цифрах: стат. сб. Ростов-н/Д, 2024. 45 с.

Федеральный проект «Развитие детского здравоохранения...» — Федеральный проект «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» [электронный ресурс] // URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/detstvo> (дата обращения: 01.09.2024).

Численность врачей всех специальностей... — Численность врачей всех специальностей (физических лиц) в организациях, оказывающих медицинские услуги населению, на конец отчетного года [электронный ресурс] // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31547> (дата обращения: 23.08.2024).

Число больничных коек... — Число больничных коек на конец отчетного года [электронный ресурс] // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31565> (дата обращения: 23.08.2024).

Доступность жилья для молодежи в Республике Калмыкия

Ирина Эрдниевна Чимбеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0009-0008-6274-6664. E-mail: chimbeevai[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Чимбеева И. Э., 2024

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы обеспечения жильем молодежи Республики Калмыкия. Проведен анализ современного состояния жилищного фонда в Республике Калмыкия, выявлены факторы, влияющие на доступность жилья для молодежи, рассмотрены государственные программы поддержки молодого населения в приобретении жилья. *Цель* статьи — выявить существующие проблемы и трудности в приобретении жилья молодыми людьми в Республике Калмыкия. *Материалы и методы.* В работе были использованы статистические данные Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Основным методом исследования — социологический опрос: были опрошены молодые люди в возрасте 18–35 лет в 13 районах Республики Калмыкия и г. Элиста. *Результаты.* Более половины опрошенных имеют собственное жилье, однако значительная часть молодых людей арендуют жилье и живут у родственников. Небольшой процент опрошенных проживает в служебном жилье или общежитиях. По мнению респондентов, основными причинами отсутствия собственного жилья являются высокие цены на недвижимость и недостаток накоплений для первоначального взноса. Большинство опрошенных молодых людей планируют приобрести жилье через ипотеку. Обеспеченность жильем среди молодого населения Республики Калмыкия является актуальной и важной проблемой, требующей комплексного подхода и активных действий со стороны государственных органов, местных властей и самого общества. Возможно,

решение проблемы позволит уменьшить миграционный поток из республики. Только совместными усилиями можно достичь значительных результатов в улучшении жилищных условий, закреплении молодежи в регионе и создании комфортной среды для жизни.

Ключевые слова: молодое население, обеспеченность жильем, государственная поддержка, ипотечное кредитование, доступное и комфортное жилье, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Чимбеева И. Э. Доступность жилья для молодежи в Республике Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 155–173. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-155-173

Accessibility of Housing for Young People in the Republic of Kalmykia

*Irina E. Chimbeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0009-0008-6274-6664. E-mail: chimbeevai[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Chimbeeva I. E., 2024

Abstract. The paper considers the issues of providing the youth of the Republic of Kalmykia with housing. The analysis of the current state of the housing stock in the Republic of Kalmykia has been carried out, factors affecting the availability of housing for young people have been identified, and state programs to support the young population in purchasing housing have been reviewed. The *purpose* of the article is to identify the existing problems and difficulties in the purchase of housing by young people. *Materials and methods.* When writing the article, the following materials were used: statistical data from the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, the Federal State Statistics Service (Rosstat). The main research

method is a sociological survey. Young people aged 18-35 were interviewed in 13 districts of the Republic of Kalmykia and the city of Elista. *Results.* More than half of the respondents have their own housing, but a significant number of young people rent housing and live with relatives. A small percentage of the respondents live in office housing or dormitories. According to the respondents, the main reasons for the lack of their own housing are high real estate prices and lack of savings for a down payment. Most of the young people surveyed plan to purchase housing through a mortgage. Thus, housing provision among the young population of the Republic of Kalmykia is an urgent and important problem that requires an integrated approach and active actions on the part of government agencies, local authorities and society itself. Significant results in improving housing conditions and creating comfortable environment for young people in the region can be achieved only through joint efforts.

Keywords: young population, housing security, government support, mortgage lending, affordable and comfortable housing

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”

For citation: Chimbeeva I. E. Accessibility of Housing for Young People in the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS.* 2024; 3: 155–173. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-155-173

1. Введение

Вопрос обеспеченности жильем является одним из ключевых аспектов социальной политики любого государства. Жилищные условия напрямую влияют на качество жизни населения. Доступность жилья становится все более актуальной проблемой, особенно для молодежи, которая сталкивается с разными вызовами в процессе своего становления.

Жители Республики Калмыкия, как и многих других регионов России, испытывают значительные трудности в приобретении жилья. В последние годы наблюдается существенный рост цен на жилье, что делает его недоступным для многих молодых людей, особенно тех, кто только начинает свою карьеру и не имеет стабильного дохода.

Состояние жилищного фонда в Республике Калмыкия требует тщательного анализа, особенно в контексте асимметрии доступности

сти жилья для всех возрастных категорий, в том числе молодежи. По состоянию на 1 января 2023 г. общий объем жилищного фонда в Калмыкии составил 7 130 тыс. м² [[Правительство Республики Калмыкия 2023](#)]. Основная доля находится в частной собственности, что говорит о развивающемся рынке недвижимости и повышении интереса к приобретению жилья среди населения.

В последние годы в регионе наблюдается значительная динамика жилищного строительства. Так, с 2017 г. по 2021 г. в регионе наблюдался рост объемов ввода жилья на уровне 8 %, что составило примерно 497,3 тыс. м² жилых помещений [[Бадмаева 2022: 13](#)]. За 2022–2023 гг. было введено в действие общей площади жилых домов 265 тыс. м² [[Ввод в действие...](#)]. Однако, несмотря на положительную тенденцию, имеется ряд проблем, которые касаются не только новых построек, но и состояния существующего жилого фонда [[Бадмаева 2022: 11–14](#)]. Так, одной из наиболее серьезных проблем является аварийный жилой фонд. Согласно последним данным, в 2023 г. в республике числится 47 домов, подлежащих переселению. Необходимы внедрение и реализация эффективных государственных программ, направленных на ликвидацию аварийного жилья и улучшение жилищных условий населения [[Сводный годовой доклад...](#)].

Цель статьи — анализ доступности жилья для молодежи в Республике Калмыкия. Реализация разных инициатив, направленных на улучшение обеспеченности жильем, может оказывать влияние на социальные процессы в обществе, на изменение миграционных потоков внутри республики. Если жилье станет более доступным, то повышается вероятность, что молодежь будет оставаться в родном регионе или возвращаться после обучения.

2. Материалы и методы

В ходе исследования использованы статистические данные Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Был проведен в 2024 г. социологический опрос: опрошены молодые люди в возрасте 18–35 лет в 13 районах Республики Калмыкия (13 районных центров, 38 сельских муниципальных образований и 2 городских муниципальных образования)

и г. Элисте. В опросе приняли участие 853 чел., из них 491 чел. — жители районов республики, 362 чел. — городские жители, из них мужчин — 43,6 %, а женщин — 56,4 %. Наибольшую группу составляют работающие в бюджетной сфере — 48 % от всех опрошенных. На втором месте находятся люди, занятые в коммерческих организациях или у индивидуальных предпринимателей, их доля составляет 35,9 %. Доля студентов составляет 9,3 %. Меньше всего представлены предприниматели (2,7 %) и самозанятые (1,9 %). 8,3 % респондентов являются безработными. 12,81 % опрошенных имеют доход ниже прожиточного минимума, 45,32 % получают доход на уровне прожиточного минимума, а 41,87 % респондентов зарабатывают выше прожиточного минимума [ПМА 2024].

3. Исследования по проблеме обеспеченности жильем среди молодого населения

Исследования на тему обеспеченности жильем среди молодого населения в России за последние 5 лет проводились по разным направлениям. Анализировалась динамика приобретения жилья молодыми людьми, включая статистику покупки квартир, ипотечного кредитования и других форм финансовой поддержки [Коленикова 2024]. Изучалось влияние государственной политики на доступность жилья для молодежи: программы субсидий и льготного ипотечного кредитования [Абдулаева, Мамаева 2021; Салахова 2020; Арапова 2021; Сулейманова, Асланова 2020]. Исследователи уделяли внимание социальным и экономическим аспектам обеспеченности жильем, включая уровень доходов молодых семей, их способность накопить на жилье, условия проживания и демографические показатели [Дудукчян 2021; Кучина 2019; Иванова 2021; Цыпин и др. 2023]. Ученые подчеркивают важность просвещения молодежи о возможностях приобретения жилья и доступных программах государственной поддержки.

4. Государственные программы поддержки доступности жилья

Государственные программы поддержки доступности жилья становятся важным инструментом для повышения доступности жилья для молодежи, которая часто сталкивается с проблемами на

рынке недвижимости. В рамках существующей программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем жителей Республики Калмыкия» предусмотрены подпрограммы «Обеспечение мерами государственной поддержки по улучшению жилищных условий отдельных категорий граждан», «Обеспечение жильем молодых семей» [[Правительство Республики Калмыкия 2018](#)], нацеленные на создание доступного и комфортного жилья для молодежи и других категорий граждан. Упор на такие подпрограммы может помочь в преодолении существующих барьеров для молодежи в получении жилья. Несмотря на наличие государственных программ, таких как «Молодая семья», проблемы с обеспечением жильем молодых людей остаются актуальными. С 2010 г. программа работает, общее количество участников программы и успешно обеспеченных жильем семей не всегда соответствует первоначальным задачам, что свидетельствует о наличии пробелов в доступности жилья для молодежи [[Сводный годовой доклад...](#)].

Предоставление субсидий для молодых семей [[Социальная помощь...](#)], льготного кредитования и других форм финансовой помощи создает необходимые условия для улучшения жилищных условий. Кроме того, важно учитывать, что многие молодые люди также могут нуждаться в поддержке в виде консультаций и информации о доступных вариантах жилья. Программы, направленные на повышение информированности, могут значительно снизить уровень асимметрии на рынке недвижимости.

В рамках государственной программы [[Правительство Республики Калмыкия 2013](#)] разрабатываются комплексные инициативы, охватывающие различные аспекты жилищной политики, что позволяет более эффективно решать проблемы, с которыми сталкивается население. Обоснование выделения средств, например на создание современных жилых комплексов, может напрямую влиять на доступность и качество жилья в республике [[Правительство Республики Калмыкия 2018](#)]. Эти жилые комплексы могут включать как экономичные варианты, что особенно важно для молодежи, так и улучшенные условия для проживания.

Принятые изменения в правилах предоставления субсидий, вступившие в силу с 1 августа 2020 г., способствовали росту числа получателей, что связано с упрощением требований для оформ-

ления данных выплат [Постановление от 15 июля 2020 года]. Согласно документу о развитии жилищного строительства до 2020 г., основное внимание уделяется как улучшению жилищных условий, так и обеспечению доступности жилья для молодых людей и семей. Однако реализация данных целей встречает ряд препятствий, включая недостаток финансовых ресурсов и земельных участков, а также общие экономические условия в регионе [Постановление Правительства...]. Эти факторы не только замедляют процесс строительства, но и влияют на конечную стоимость жилья, что особенно важно для молодежи с ограниченными доходами.

В то же время важно учитывать, что не все молодые люди могут воспользоваться этими мерами. Существуют определенные риски, связанные с асимметрией доступности жилья. На примере некоторых районов республики можно заметить, что в отдаленных населенных пунктах доступность даже субсидированного жилья может оставаться низкой. Более того, молодежь сталкивается с финансовыми трудностями, связанными с первоначальными взносами по ипотечным программам или условиями аренды, что может снижать реальный доступ к жилью даже при наличии государственных поддержек [Правительство Республики Калмыкия 2023].

Около 37 % респондентов знакомы с некоторыми программами, реализуемыми в России, хотя только 21 % точно знают о существующих программах. В отношении программ, реализуемых в республике, 50 % участников опроса либо затруднились ответить, либо заявили, что они ничего не знают о таких программах. Лишь 36 % опрошенных сообщили, что их семья относится к категории «молодая семья». Большинство респондентов осведомлены о праве молодых многодетных семей на получение социальной выплаты: 61,58 % знают об этом. Однако 27,59 % слышали об этом, но не уверены в деталях, а 10,84 % вообще не знали о такой возможности. Что касается знания о том, куда обращаться за получением социальной выплаты, то 62,07 % респондентов обладают этой информацией. Тем не менее 26,11 % не знают, куда обратиться, а 11,82 % затруднились ответить. О льготах по ипотеке для молодых семей и семей с детьми осведомлено 58,62 % респондентов, тогда как 41,38 % не знают о таких

льготах. Большая часть респондентов знает о возможности использования материнского капитала для улучшения жилищных условий — 83,25 %, в то время как 16,75 % не информированы об этом. Из тех, кто планирует использовать материнский капитал, 45,81 % собираются направить его на покупку квартиры или дома, 12,81 % намерены построить дом, а 24,63 % планируют погасить ипотеку [ПМА 2024].

5. Доходы населения Юга России

Проблема доступности жилья для молодежи в значительной степени усугубляется существующим неравенством в распределении ресурсов как в регионе, так и внутри самой молодежи. Шанс приобрести жилье имеют те, кто обладает достаточными финансовыми возможностями. Эти противоречия становятся особенно заметными в условиях экономической нестабильности.

Рассмотрим среднедушевые доходы населения за 2023 год в 5 регионах Юга России: Республике Калмыкия, Ростовской, Волгоградской, Астраханской областях, Ставропольском крае (см. табл. 1).

Таблица 1. Среднедушевые доходы населения за 2023 г.

Регион	В мес., руб.	Место, занимаемое в РФ 2023 г.
Республика Калмыкия	28 635	83
Ростовская область	46 840	26
Ставропольский край	32 930	78
Волгоградская область	35 575	71
Астраханская область	36 593	66

Источник: [Регионы России. Социально-экономические показатели 2024: 250–251].

Из представленных данных видно, что Республика Калмыкия по уровню среднедушевого дохода уступает Ставропольскому краю, Волгоградской, Астраханской и Ростовской областям, находясь на 83-м месте в рейтинге по стране. Структуру потребительских расходов домашних хозяйств по целям потребления за тот же период можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2. Структура потребительских расходов домашних хозяйств по целям потребления за 2023 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

Регион	Республика Калмыкия	Ростовская область	Ставропольский край	Волгоградская область
Продукты питания и безалкогольные напитки	43,1	28,8	38,0	35,5
Алкогольные напитки и табачные изделия	2,0	2,6	2,4	2,2
Одежда и обувь	11,7	5,3	7,8	8,1
Жилищно-коммунальные услуги и топливо	7,6	9,8	10,8	10,0
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом	6,4	5,3	6,4	5,7
Здравоохранение	3,0	4,6	4,2	5,2
Транспорт	10,9	23,8	9,7	15,2
Связь и коммуникация	4,5	4,3	4,3	4,2
Организация отдыха и культурные мероприятия	1,3	2,8	4,4	3,6
Образование	1,0	1,8	1,7	1,5

Гостини- цы, кафе и рестораны	1,2	5,0	1,9	1,4
Другие товары и услуги	7,3	5,9	8,4	7,4

Источник: [Регионы России. Социально-экономические показатели 2024: 257–258].

Как видно из табл. 2, в структуре расходов в Республике Калмыкия, по сравнению с другими регионами Юга России, значительная доля расходов приходится на приобретение продуктов питания. При таких расходах становится невозможным в целом приобрести собственное жилье или накопить на первоначальный взнос в рамках ипотечного кредитования.

В Республике Калмыкия средняя рыночная стоимость 1 м² общей площади жилого помещения значительно ниже, чем в других регионах Юга России (см. табл. 3). Отметим, что и уровень доходов здесь ниже, чем в других регионах.

Таблица 3. Средняя рыночная стоимость 1 м² общей площади жилого помещения по субъектам РФ в за 3 квартал 2024 г.

Регион	Стоимость 1 м ²
Республика Калмыкия	71 613
Ростовская область	106 977
Ставропольский край	89 795
Волгоградская область	90 062
Астраханская область	96 467

Источник: [Приказ Минстроя России].

Складывается ситуация, когда при более низких ценах на жилье молодые люди в Калмыкии испытывают сложности с покупкой жилья из-за низкого уровня доходов, высоких долей расходов на базовые нужды (питание и коммунальные услуги). В условиях имеющегося дисбаланса доступность жилья определяется не собственно ценой на жилье, а общими экономическими условиями региона.

Таким образом, проблема доступности жилья для молодежи в Республике Калмыкия тесно связана с экономическими условиями

и структурой расходов домохозяйств. Асимметрия в доходах и расходах усиливает неравенство возможностей, делая приобретение жилья доступным лишь для небольшой части населения.

5. Обеспеченность молодежи жильем

В Республике Калмыкия, согласно результатам проведенного опроса, чуть более 50 % молодежи (сельской и городской) проживают в своем жилье (см. табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В каком жилье Вы проживаете сейчас?» (в %)

Варианты ответов	В %
В собственной квартире / доме	52,4
В арендованном жилье	5,4
В квартире / доме родителей / родственников	39,6
В служебном / социальном жилье	0,9
В общежитии	1,4

Источник: [ИМА 2024].

Однако почти половина опрошенных не имеет в собственности своего жилья. Среди опрошенных молодых людей в Калмыкии 5,4 % арендует жилье, что свидетельствует о высокой стоимости аренды, 39,6 % проживают в квартире / доме родителей / родственников, на наш взгляд, этот факт является отражением сложной социально-экономической ситуации в республике, а также, возможно, является особенностью восточного общества, где чаще всего родители живут со своими детьми даже тогда, когда дети создали свои собственные семьи; в служебном жилье или в общежитии проживают 2,3 %: такой небольшой процент указывает на то, что в республике недостаточно развита система поддержки сотрудников и их закрепления в учреждениях, где они работают, путем предоставления служебного жилья.

Что касается расходов на аренду жилья, то половина из опрошенных, которые арендуют жилье, (5,4 %) указали, что затраты на аренду составляют от 30 % до 50 % их ежемесячного дохода. Такая значительная доля бюджета, уходящая на оплату аренды, может стать мощным стимулом для поиска альтернативных решений, таких как покупка собственного жилья или переезд в другой регион, где уровень заработной платы выше, чем в регионе, где они проживают.

6. Стратегии приобретения жилья

В ходе анкетирования всем был задан вопрос о мотивации в приобретении своего собственного жилья, результаты опроса представлены в табл. 5.

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что мотивирует Вас приобрести в собственность жилье?»

Варианты ответов	В %
Независимость от аренды и экономия средств	22,66
Возможность собственной реконструкции	9,36
Возможность создания семьи и обеспечение жильем для будущих детей	40,89
Финансовая стабильность и возможность для инвестиций	19,7
Другое	7,39

Источник: [ПИМА 2024].

Эти данные свидетельствуют о том, что основными движущими силами для покупки жилья среди молодежи являются стремление к независимости (22,6 %), желание создать семью и обеспечить будущее своих детей (40,89 %), а также финансовая выгода и стабильность (19,7 %). Ведь владение недвижимостью не только снижает финансовую нагрузку в будущем, но и создает ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Тем не менее опрошенные указывают, что существуют проблемы в приобретении недвижимости (см. табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, отрицательно влияют на доступность жилья?» (в %)

Варианты ответов	В %
Цены на недвижимость	44,75
Ограниченное количество доступного жилья	5,5
Недостаток финансовых возможностей для приобретения жилья	31,75
Проблемы с получением ипотечного кредита	10,25
Недостаточное развитие инфраструктуры (транспорт, магазины и т. д.)	6

Источник: [ПИМА 2024].

По результатам опроса респонденты заявили, что доступность жилья связана с ценами на недвижимость (44,75 %) и с недостатком накоплений для приобретения жилья (31,75 %). В среднем доступное жилье в Республике Калмыкия зачастую превышает по стоимости уровень средних доходов, что приводит к повышенной нагрузке на молодые семьи и отдельные представители молодого населения вынуждены отказывать себе в различных жизненных потребностях [[Уровень жизни...](#)].

На вопрос «На какие средства Вы рассчитываете при покупке жилья?» 63,8 % респондентов выбрали вариант «ипотека», 44,5 % опрошенных рассчитывают на накопления (см. табл. 7). Необходимо упомянуть, что, по данным Центра экономических исследований «РИА Рейтинг», семье из Республики Калмыкия необходимо минимум 10,8 лет в 2023 г. и 9,2 лет в 2024 г., чтобы накопить на двухкомнатную квартиру в 60 м² [[Рейтинг регионов...](#)].

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На какие средства Вы рассчитываете при покупке жилья?» (в %, не более трех вариантов ответа)

Варианты ответов	В %
Накопления	44,5
Помощь родителей	3
Ипотека	63,8
Средства, взятые в долг у родственников / друзей	1,9
Наследство	1,9
Продажа жилья, меньшего по площади	7,4

Источник: [[ПМА 2024](#)].

В большинстве случаев молодые люди прибегают к ипотечному кредитованию, чтобы приобрести свое собственное жилье. Молодые люди выбирают ряд стратегий для формирования первоначального взноса: накопления, продажа той или иной собственности, кредит, материнский капитал (см. табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если Вы бы брали в ипотеку жилье, то, как бы Вы сформировали первоначальный взнос?» (в %, не более трех вариантов ответа)

Варианты ответов	В %
Накопленные сбережения	48,5

Наследство	3
Продажа имеющегося жилья	16,8
Продажа автомобиля	8,4
Кредит	35,6
Материнский капитал	23,3
Другое	2,5

Источник: [ПМА 2024].

Почти все опрошенные используют сразу несколько стратегий формирования первоначального взноса, так как воспользоваться одним способом в современных социально-экономических условиях невозможно. 48,5 % молодых людей ответили, что рассчитывают на накопленные сбережения, более 35 % респондентов взяли бы кредит, 23,3 % — хотели бы использовать материнский капитал.

8. Мероприятия по улучшению жилищных условий

Вопрос улучшения жилищных условий среди молодого населения Республики Калмыкия требует многоаспектного подхода, учитывающего не только экономическую составляющую, но и социальные аспекты. В последние годы активизировались различные механизмы, направленные на поддержку данной категории граждан. Эти механизмы могут быть реализованы через государственные программы, местные инициативы и общественные организации, что создает разнообразие возможностей для повышения качества жизни молодежи.

Еще одним ключевым элементом повышения обеспеченности жильем является обеспечение доступности низкопроцентных и льготных кредитов для молодежи, проживающей в регионах с высоким миграционным оттоком и с низким уровнем рождаемости [Кованова и др. 2022]. Такого рода меры могут оказать положительное влияние на возможности молодых людей приобретать жилье, что особенно актуально в условиях низкого уровня средних доходов. Необходимо создать стабильные условия для доступного кредитования с учетом текущих реалий финансирования молодежных проектов.

Некоторые эксперты подчеркивают важность создания межведомственных комиссий, которые будут заниматься вопросами координации между различными инстанциями и ресурсами. Это по-

зволит не только ускорить процесс, но и привлечь дополнительные ресурсы и экспертизу для решения жилищных вопросов. Система должна быть гибкой и реагировать на изменения в потребностях населения, чтобы максимально эффективно использовать существующие возможности [[Улучшение жилищных условий в Элисте](#)].

Важны и программы социальной адаптации молодых семей, предусматривающие обучение и консультации по вопросам управления личными финансами, чтобы они могли лучше планировать свою жизнь и расходы. Такая работа с молодежью позволит не только улучшить жилищные условия, но и повысить уровень финансовой грамотности, что в свою очередь сделает будущие инициативы более устойчивыми и долгосрочными.

В условиях асимметрии доступа к жилью также необходимо развивать такие механизмы поддержки молодежи, находящейся в уязвимом положении, как социальное жилье, которое может быть предоставлено на временной основе. Это поможет молодежи справиться с временными трудностями и сосредоточиться на трудовой деятельности или учебе.

Комбинируя различные подходы и ресурсы, регион сможет значительно повысить уровень обеспеченности жильем среди молодежи. Постепенное внедрение перечисленных мер и программ позволит не только создать более благоприятные условия для молодого поколения, но и значительно переработать текущую жилищную политику республики. Системные изменения, направленные на улучшение жилищных условий, будут способствовать созданию здоровой и стабильной социальной среды, в которой молодые люди смогут развиваться и реализовывать свои амбиции.

9. Заключение

Обеспечение доступным и качественным жильем является одной из ключевых социальных проблем современной России, особенно остро проявляющейся в регионах, таких как Республика Калмыкия. Динамика жилищного строительства и государственных программы поддержки играют важную роль в решении этой задачи, однако они не всегда способны полностью удовлетворить потребности молодежи. Значительная часть молодежи осведомлена о различных мерах государственной поддержки, включая соци-

альные выплаты, льготы по ипотеке и использование материнского капитала. Однако существует значительный разрыв между знанием о существовании программ и умением ими воспользоваться: некоторые респонденты не уверены в деталях или не знают, куда обращаться за помощью. Это указывает на необходимость повышения информационной грамотности среди молодежи и улучшения доступа к информации о доступных ресурсах для улучшения жилищных условий.

Результаты опроса показывают, что обеспеченность жильем среди молодежи в Республике Калмыкия остается проблемой. Более половины опрошенных имеют собственное жилье, однако значительная часть молодых людей живет у родственников. По мнению респондентов, основными причинами отсутствия собственного жилья являются высокие цены на недвижимость и недостаток накоплений для первоначального взноса. Большинство опрошенных молодых людей планируют приобретать жилье через ипотеку.

На фоне южнороссийских регионов (Ставропольский край, Волгоградская, Астраханская, Ростовская области) Республика Калмыкия выделяется своими низкими показателями среднедушевого дохода и высокой стоимостью жизни, что существенно затрудняет решение жилищного вопроса для большинства молодых людей. Эта ситуация усугубляется тем, что цены на жилье в Калмыкии хоть и ниже, чем в некоторых соседних регионах, но остаются недоступными для значительной части населения из-за низкого уровня доходов. Такое неравенство между регионами ведет к увеличению миграционного оттока молодежи в более благополучные субъекты, что негативно сказывается на демографической ситуации, кадровом вопросе и экономике Калмыкии. Для решения этой проблемы необходимо не только улучшать жилищные условия, но и принимать меры по стимулированию экономического роста и повышению уровня жизни в регионе.

Источники

ПМА 2024 — Опрос среди молодежи Республики Калмыкия, 853 чел., 2024 г.

Литература

Абдулаева, Мамаева 2021 — *Абдулаева З. З., Мамаева А. З.* Анализ обеспеченности жильем молодых семей в Республике Дагестан: пробле-

- мы и пути решения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. №7 (129).
- Арапова 2021 — *Арапова К. А.* Проблемы обеспечения жильем молодых семей и пути их решения // Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 713–718.
- Бадмаева 2022 — *Бадмаева К. В.* Современное состояние жилищного фонда Республики Калмыкия // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2022. № 45. С. 9–14.
- Ввод в действие... — Ввод в действие жилых домов по Республике Калмыкия за 2016–2023 гг. [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Vvod_jil_dom_RF_2023.xls (дата обращения: 02.09.2024).(дата обращения:)
- Дудукчан 2021 — *Дудукчан Э. А.* К вопросу об обеспеченности жильем населения Краснодарского края // Образование. Наука. Производство. XIII Международный молодежный форум. 2021. С. 2386–2388.
- Иванова 2021 — *Иванова Т. А.* Ипотечное кредитование как способ повышения доступности жилья в России // Вестник Российского университета кооперации. 2021. №1 (43).
- Кованова и др. 2022 — *Кованова Е. С., Бадмаева Н. В., Холова Л. А.* Семья в жизненных стратегиях молодежи в контексте демографической безопасности регионов России // Российский экономический интернет-журнал. 2022. № 2. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/53d/53d18338f78ef5df139fc6c209314df3.pdf>
- Коленикова 2024 — *Коленикова Н. Д.* Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 247–263. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.14
- Кучина 2019 — *Кучина А. О.* О проблемах доходов молодежи и доступности жилья, реализуемого на региональном рынке недвижимости // Финансовая грамотность — залог благополучия населения. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. 2019. С. 306–308.
- Постановление от 15 июля 2020 года — Постановление от 15 июля 2020 года №1042 [электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/kIC5H9dOVdCTIZaJ7ShAaTt35ZdMt35F.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).
- Постановление Правительства... — О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Республики Калмыкия в сфере обеспечения жильем молодых семей [электронный ресурс] // URL: <https://kalmregion.ru/upload/iblock/a80/488.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).
- Правительство Республики Калмыкия 2013 — Правительство Республики Калмыкия. Постановление от 11 июня 2013 года № 293 [электрон-

- ный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/460132489> (дата обращения: 03.05.2024).
- Правительство Республики Калмыкия 2018 — Правительство Республики Калмыкия. Постановление от 29 декабря 2018 года № 421 [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322609> (дата обращения: 03.05.2024).
- Правительство Республики Калмыкия 2023 — Правительство Республики Калмыкия. Постановление от 27 декабря 2023 года № 453 [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/407060845> (дата обращения: 03.05.2024).
- Приказ Минстроя России — Приказ Минстроя России от 18.06.2024 № 390/пр «О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на второе полугодие 2024 года и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на III квартал 2024 года» [электронный ресурс] // URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/374189/> (дата обращения 25.09.2024).
- Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 — Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 23.09.2024)
- Рейтинг регионов... — Рейтинг регионов по доступности жилья-2024 [электронный ресурс] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20240626/630265061.html> (дата обращения: 03.05.2024).
- Салахова 2020 — Салахова З. Р. Реализация государственных программ по повышению уровня обеспеченности населения России жильем // Экономические науки. 2020. № 193. С. 409–413.
- Сводный годовой доклад... — Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Республики Калмыкия по итогам 2023 года [электронный ресурс] // URL: <https://kalmregion.ru/upload/iblock/60e/svodnyu-godovoy-doklad-o-khode-realizatsii-i-otsenke-effektivnosti-gosudarstvennykh-programm-respubliki-kalmykiya-po-itogam-2023-goda.pdf> (дата обращения 11.09.2024).
- Социальная помощь... — Социальная помощь на приобретение жилья [электронный ресурс] // URL: https://www.gosuslugi.ru/life/details/assistance_for_the_purchase_of_housing (дата обращения 11.09.2024).
- Сулейманова, Асланова 2020 — Сулейманова М. Г., Асланова З. З. Обеспеченность населения жильем как приоритет государственной инвестиционной политики в жилищной сфере // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства. Сб. мат-

- лов XII Междунар. науч.-практ. конф. (22–23 сентября 2020 г.) / под ред. Эсетовой А. М. Махачкала: ДГПУ, 2020. С. 266–269.
- Улучшение жилищных условий в Элисте — Улучшение жилищных условий в Элисте в 2024 году [электронный ресурс] // URL: <https://gogov.ru/housing-improve/elista> (дата обращения 27.09.2024).
- Уровень жизни... — Распределение населения в Республике Калмыкия по величине среднедушевых денежных доходов и распределение общего объема денежных доходов населения за 2018–2023 гг. [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/41479> (дата обращения 14.09.2024)
- Цыпин и др. 2023 — *Цыпин А. П., Кабанова Е. Е., Гаджимирзоев Г. И.* Статистический анализ обеспеченности жильем населения регионов России // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 23. Вып.1. 2023. С. 27–34. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-27-34>, EDN: FTFMTV

Асимметрия миграции молодежи Юга России: социологический анализ

*Вера Валерьевна Дьякова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-3715-1393. E-mail: vvdyakova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Дьякова В. В., 2024

Аннотация. Статья посвящена анализу миграционных процессов на юге России. Подчеркивается актуальность комплексного изучения мобильности молодежи, ее структуры, различных аспектов и факторов. Рассмотрены основные междисциплинарные и социологические теоретико-методологические подходы к изучению феноменов миграции, асимметрии и их взаимосвязи. Дается определение понятия «асимметрия миграции», подчеркивается ее двойственность (процесс и результат). Представлены статистические данные о миграционном сальдо южных регионов и смежных показателей, в том числе об образовательной и трудовой миграции отдельных когорт молодых людей. Охарактеризованы два вида миграции молодежи юга России: образовательная и трудовая. Проводится анализ результатов региональных и федеральных социологических исследований, посвященных различным аспектам межрегиональной и локальной мобильности. Сделаны выводы о тенденциях и некоторых свойствах миграционного процесса в условиях современной российской действительности; определена практическая и теоретическая значимость сделанных выводов.

Ключевые слова: миграция, молодежь, юг России, мобильность, асимметрия миграции

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Дьякова В. В. Асимметрия миграции молодежи Юга России: социологический анализ // Бюллетень Калмыцкого

Asymmetry of Youth Migration in the South of Russia: Sociological Analysis

Vera V. Dyakova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0002-3715-1393. E-mail: vvdyakova[at]yandex.ru

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Dyakova V. V., 2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of migration processes in the south of Russia. The relevance of a comprehensive study of youth mobility, its structure, various aspects and factors is emphasized. The main interdisciplinary and sociological theoretical and methodological approaches to the consideration of migration phenomena, asymmetry and their interrelation are considered. The definition of migration asymmetry is given, its duality (process and result) is emphasized. Statistical data on the migration balance of the southern regions and related indicators, including educational and labor migration of individual cohorts of young people, are presented. Two types of youth migration in the south of Russia are characterized: educational and labor. The analysis of the results of regional and federal sociological studies on various aspects of interregional and local mobility is carried out. Conclusions are drawn about the trends and some properties of the migration process in the conditions of modern Russian reality; the practical and theoretical significance of the conclusions is determined.

Keywords: migration, youth, south of Russia, mobility, migration asymmetry

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 ‘Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes’

For citation: Dyakova V. V. Asymmetry of Youth Migration in the South of Russia: Sociological Analysis. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 3: 174–190. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-174-190

1. Введение

Миграция, ее особенности, процессы и факторы — объект междисциплинарного исследования широкого круга гуманитарных и социальных наук. Изменения в динамике и структуре социальных отношений, важность их диагностики, моделирования и прогнозирования актуализируют необходимость социологического анализа миграции.

В российской социологии существует относительно молодое научное направление — социология миграции. Т. Н. Юдина, как один из основных разработчиков данной теории, сосредоточивает внимание на динамике изменения социальных отношений участников миграционного процесса [Юдина 2006]. В поле исследовательского интереса такие темы, как факторы мобильности, непосредственно сам процесс переезда и адаптация. Не менее важны для научного осмысления миграционные процессы как система, элементами которой выступает каждый единичный акт смены места жительства, поведение мигранта, реакция принимающего и исходного сообществ, социальная интеграция и другое [Айрапетян и др. 2020].

За последние годы в России накоплен опыт исследования внутренней миграции: ее типологии [Андреева 2015], структуры [Глазкова, Реш 2012] и других параметров. Особое внимание уделяется молодежи как наиболее активному участнику мобильности, а также в силу значимости субъектно-объектной роли этой социально-демографической группы в структуре общественных отношений для страны в целом, малой родины и региона (населенного пункта) — места переезда.

Анализ внутренней миграции молодежи невозможен без учета асимметрии этого процесса в целом, его объективных и субъективных факторов: демографической диспропорции, дисбаланса экономического развития территории, несоизмеримости культурного, образовательного, профессионального потенциала регионов и т. п. [Трушкова, Макарова 2020]. Под понятием асимметрии миграции подразумевается несоразмерность глубины, интенсивности и направленности проявления процесса и результата мобильности отдельных личностей, социальных групп, совершающих перемещение из прежнего в новый социум, обу-

словленного сменой места жительства. Важным представляется изучение асимметрии миграции посредством осмысления ее дуальности: процесса и результата. В качестве наиболее разработанного подхода можно предложить сочетание основных теоретико-методологических концепций: статистический, динамический, факторный, эволюционный, системный, неравновесный [Макарова, Трушкова 2020]. В то же время не стоит забывать и о социальном проявлении асимметрии миграции, которое связано с довольно широким спектром проявлений, большая часть из которых на уровне эмпирики довольно сложно отделима от экономического компонента и в результате рассматривается во взаимосвязи: профессиональный, семейный, культурный, образовательный потенциал, социальная дифференциация населения, инфраструктурный уровень развития, демографическая обстановка и другие [Трушкова, Макарова 2020]. На протяжении нескольких десятилетий асимметрия свойственна миграции российского населения в целом и молодежи в частности [Есикова и др. 2023].

Отсутствие единого социологического подхода к анализу миграции, ее факторов, структуры, типологии через призму асимметрии, современные тенденции развития российского общества обостряют необходимость изучения особенностей внутренней миграции молодежи, в том числе для отдельных макрорегионов. В данной работе в центре исследовательского внимания вопрос миграционной мобильности молодежи юга России.

2. Общая характеристика миграционной мобильности молодежи Юга России

Для Юга России характерна неравномерность процесса миграции населения. Согласно статистическим данным в период с 2017 г. по 2023 г. (табл. 1), миграционный прирост стабилен в Адыгее и Краснодарском крае. В Калмыкии, Крыму и Ростовской области многолетняя отрицательная динамика изменилась в 2023 г., когда показатели стали не только положительными, но и относительно большими. Астраханскую и Волгоградскую области отличает миграционная убыль.

Таблица 1. Миграционный прирост населения регионов Юга России, по годам, в % (по данным Росстата)

Регион / год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Адыгея	177	1 635	4 375	2 365	4 394	3 359	3 680
Республика Калмыкия	-2 630	-3 152	-1 798	-870	-1 289	-1 613	2 403
Республика Крым	1 136	1 630	3 172	4 055	1 413	-2 639	4 772
Краснодарский край	28 573	36 505	19 164	21 438	23 021	8 614	24 602
Астраханская область	-3 814	-4 479	-3 793	-2 978	-3 798	-4 331	-2 928
Волгоградская область	-9 022	-4 115	-7 431	-2 596	-4 024	-4 714	-3 976
Ростовская область	-2 989	-3 868	-1 628	-1 246	-3 594	-6 650	11 660

Миграционное сальдо населения в южных регионах соответствует распределению этого же показателя о молодежи данных российских субъектов в целом (табл. 2). На протяжении нескольких лет стабильно позитивная ситуация в Краснодарском крае и Адыгее. За последний год миграционную прибыль отмечают в Ростовской области, Калмыкии и Крыму, а убыль — в Волгоградской и Астраханской областях.

Таблица 2. Миграционный прирост молодого населения (15 лет – 34 года) регионов Юга России, по годам (по данным Росстата)

Регион / год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Адыгея	-483	-49	921	507	1 067	763	777
Республика Калмыкия	-1 256	-1 476	-592	-209	-300	-416	1 304
Республика Крым	-648	-252	815	1 546	-134	-1 626	420
Краснодарский край	6 460	9 018	3 011	3 906	4 835	234	4 359
Астраханская область	-1 722	-1 738	-1 391	-1 072	-1 339	-1 466	-1 048

Волгоградская область	-4 437	-1 636	-3 000	-982	-1 237	-1 188	-1 176
Ростовская область	-634	-428	-270	-672	-1 544	-3 410	3 469

Статистические данные о распределении миграционного прироста молодого населения Юга России по возрастным когортам (табл. 3) позволяют выявить отличия в миграционном поведении различных групп внутри данной социально-демографической общности. Адыгея является единственным регионом, в котором миграционное сальдо является положительным для всех групп молодежи, а в Волгоградской области преобладают отрицательные значения.

Миграционная убыль стабильно отмечается за последние 7 лет среди населения в возрасте 15–19 лет в Калмыкии, Крыму, Краснодарском крае и Астраханской и Волгоградской областях. В Ростовской области за этот же период отмечается миграционная прибыль, причем за последний год показатель увеличился более чем в 7 раз. Стабильная положительная миграционная динамика характерна для людей в возрасте 20–34 лет в Адыгее, Калмыкии, Крыму, Краснодарском крае, в возрасте 25–34 лет — в Ростовской области, 20–24 лет — в Астраханской области. Миграционная убыль характерна для населения 25–29 лет в Астраханской и Волгоградской областях, и 20–24 лет — в Волгоградской области.

Таблица 3. Миграционный прирост молодого населения регионов Юга России, по возрастным интервалам, по годам (по данным Росстата)

Регион / год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
15–19 лет							
Республика Адыгея	-177	-148	-166	45	70	64	94
Республика Калмыкия	-340	-444	-248	-181	-208	-315	-303
Республика Крым	-864	-369	-40	-6	-533	-1 142	-349
Краснодарский край	-1 250	-1 332	-1 748	-1 179	-982	-2 159	-1 251
Астраханская область	-507	-694	-552	-306	-576	-756	-639

Волгоградская область	-984	124	-433	-234	-25	239	-133
Ростовская область	900	1 738	1 776	1 160	952	387	2 782
20–24 лет							
Республика Адыгея	154	119	298	216	356	253	202
Республика Калмыкия	-105	-90	179	192	87	25	358
Республика Крым	256	411	862	1 271	781	353	252
Краснодарский край	1 862	3 181	2 102	2 534	2 291	1 743	2 448
Астраханская область	-115	24	-83	115	60	68	82
Волгоградская область	-534	18	-532	123	188	-208	-313
Ростовская область	-1 391	-1 040	-1 336	-1 352	-1 609	-2 220	-958
25–29 лет							
Республика Адыгея	-207	-48	302	42	280	179	260
Республика Калмыкия	-406	-558	-338	-132	-74	-38	565
Республика Крым	-6	-178	2	71	-176	-427	146
Краснодарский край	2 500	3 058	846	963	1 196	99	1 241
Астраханская область	-474	-466	-314	-373	-304	-340	-223
Волгоградская область	-1 492	-937	-959	-432	-659	-513	-382
Ростовская область	168	-351	-347	-113	-415	-774	695
30–34 лет							
Республика Адыгея	-253	28	487	204	361	267	221

Республика Калмыкия	-405	-384	-185	-88	-105	-88	684
Республика Крым	-34	-116	-9	210	-206	-410	371
Краснодарский край	3 348	4 111	1 811	1 588	2 330	551	1 921
Астраханская область	-626	-602	-442	-508	-519	-438	-268
Волгоградская область	-1 427	-841	-1 076	-439	-741	-706	-348
Ростовская область	-311	-775	-363	-367	-472	-803	950

Масштабные общественные трансформации — модернизация, глобализация, деиндустриализация — оказали деструктивное воздействие на и без того непростую ситуацию социально-экономического дисбаланса разных российских субъектов, обостряя проблемы развития малых городов и сел, перенаселения индустриальных центров и мегаполисов, оттока молодого населения из провинции в центр. Макроанализ статистических данных за последнее десятилетие подтверждает, что основными движущими силами переселения жителей одних регионов России в другие являются две категории — студенчество и люди молодого трудоспособного возраста [Мкртчян 2023: 21]. Среди основных видов пространственной мобильности молодых людей выделяют образовательную и трудовую миграцию.

3. Образовательная миграция среди молодежи анализируемых регионов

Образовательная миграция подразумевает переезд из одного населенного пункта в другой с целью получения образования. Одним из основных факторов, обуславливающих миграционное поведение молодежи, является пространственное распределение вузов. С одной стороны, совершенствование процесса поступления в вуз — от введения ЕГЭ до изменения правил приема — расширило возможности академической мобильности. С другой стороны, образовательные реформы, главным образом происходящая в 2013–2019 гг. ликвидация неэффективных учреждений высшего

образования, привели к еще большей региональной асимметрии. В малых городах (численностью менее 250 тыс. чел.) почти исчезла возможность получить высшее образование. Чем крупнее населенный пункт, тем больше количество вузов и вариативность направлений подготовки. При условии высокого мобильного потенциала выпускников школ проблема доступности высшего образования становится особенно острой [Габдрахманов и др. 2022: 92].

На Юге России образовательную миграцию можно охарактеризовать как неравномерную (табл. 4). Подавляющее количество выпускников образовательных организаций в Астраханской области не переезжали с целью обучения. Относительно низкий уровень миграционной активности также у выпускников вузов Ростовской области. В других регионах больше половины молодых людей сменили место жительства для обучения по программам среднего профессионального и высшего образования.

Таблица 4. Выпускники образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска по смене места жительства, по уровням образования, в % (по данным Росстата)

	Все- го	из них для обучения в образовательной организации			
		пере- ез- жали - всего	из них		не переез- жали
			в грани- цах субъ- екта РФ	из другого субъекта РФ	
Выпускники, имеющие среднее профессиональное образование					
Российская Федерация	100	33,4	30,5	2,7	66,6
Южный федеральный округ	100	26,8	24,5	2,0	73,2
Республика Адыгея	100	37,6	19,9	17,7	62,4
Республика Калмыкия	100	44,5	22,0	22,5	55,5
Республика Крым	100	41,4	37,6	0,5	58,6
Краснодарский край	100	27,1	25,5	1,6	72,9
Астраханская область	100	9,4	6,3	3,2	90,6
Волгоградская область	100	31,6	31,0	0,6	68,4
Ростовская область	100	20,9	20,4	0,6	79,1

Выпускники, имеющие высшее образование					
Российская Федерация	100	34,0	27,8	5,9	66,0
Южный федеральный округ	100	38,0	33,0	4,6	62,0
Республика Адыгея	100	35,5	21,8	13,7	64,5
Республика Калмыкия	100	53,1	19,1	34,0	46,9
Республика Крым	100	64,4	57,3	4,1	35,6
Краснодарский край	100	50,5	49,4	1,1	49,5
Астраханская область	100	5,9	5,1	0,7	94,1
Волгоградская область	100	45,8	40,4	5,5	54,2
Ростовская область	100	25,2	24,0	1,2	74,8

4. Трудовая миграция среди молодежи анализируемых регионов

Трудовая миграция — еще один вектор пространственной мобильности молодежи. Для российского общества ситуация перманентного переселения молодых людей из сел в города, из маленьких городов в региональные центры, с периферии в столицы усугубляется рядом факторов, которые будут оказывать влияние следующее десятилетие: уменьшение численности трудового населения в стране в целом, сокращение доли детей и молодежи, увеличение лиц старшего возраста [Топилин 2019: 51]. Уменьшение трудового потенциала и старение населения катализируют уже существующую асимметрию социально-экономического развития регионов.

Анализ статистических данных (табл. 5) позволяет сделать вывод, что для подавляющего большинства жителей южных регионов проблема поиска работы не была актуальна. В Калмыкии, Крыму, Волгоградской области и Краснодарском крае доля тех, кто искал работу, в 2022–2023 гг. ниже, чем по ЮФО в целом, в Адыгее — немного выше. 11,9 % респондентов в Ростовской области приходилось заниматься поиском работы, в Астраханской — каждому пятому. Наиболее популярная причина актуальности вопроса трудоустройства — отсутствие работы. В Астраханской области жители искали работу главным образом с целью подработки.

Таблица 5. Распределение лиц в возрасте 16 лет и более по причинам поиска работы в 2022–2023 гг., в % (по данным Росстата)

	поиск работы		причины поиска работы			
	приходилось заниматься поиском работы (подрботки)	не приходилось заниматься поиском работы (подрботки)	не имели работы и искали работу	имели работу, но искали другую	имели работу, но искали подработку	не определено
Российская Федерация	6,7	93,3	50,0	29,4	20,5	0,1
Южный федеральный округ	7,2	92,8	50,7	32,2	17,0	0,1
Республика Адыгея	8,4	91,6	42,9	36,5	20,7	0,0
Республика Калмыкия	3,6	96,4	... ¹
Республика Крым	2,2	97,8
Краснодарский край	3,7	96,3	57,4	27,7	14,9	0,0
Астраханская область	20,8	79,2	30,0	32,3	37,3	0,4
Волгоградская область	7,1	92,9	67,5	17,4	15,1	0,0
Ростовская область	11,9	88,1	49,4	39,3	11,3	0,0

В России люди в возрасте 20–24 лет больше, чем остальные группы населения, озабочены поиском работы (табл. 6). В ЮФО в целом для этой категории граждан свойственна миграционная прибывль (табл. 3). Исключением является Волгоградская и Ростовская области. Миграционная убыль отмечается среди молодежи 25–34 лет в Астраханской и Волгоградской областях.

Таблица 6. Распределение лиц в возрасте 16 лет и более по причинам поиска работы, по возрастам (в %) (по данным Росстата)

	Все-го	16–17 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 года	35–44 года	45–54 года	55–59 лет	60–69 лет

¹ Здесь и далее отметка « ... » (многоточие) означает, что число ответов респондентов (число наблюдений) по данному показателю составляет менее 50 (согласно примечанию Росстата).

приходилось заниматься поиском работы (подработки)	6,7	4,2	8,0	7,0	9,1	8,7	6,2	5,1	4,8	5,9
не приходилось заниматься поиском работы (подработки)	93,3	95,8	92,0	83,0	90,9	91,3	93,8	94,9	95,2	94,1

5. Миграции молодежи анализируемых регионов по результатам исследований ученых

Для уточнения статистических данных и более качественного научного осмысления миграционных процессов на Юге России обратимся к результатам социологических и междисциплинарных исследований в рамках отдельных региональных и федеральных проектов.

Адыгея является регионом со средним интенсивным миграционным приростом молодежи. Ее привлекательность объясняется географической близостью к Краснодару, преобладанием русского населения и благоприятным климатом [Есикова и др. 2023: 94]. Стоит отметить, что среди регионов Северного Кавказа Адыгея отличается миграционной привлекательностью для жителей из других субъектов РФ.

Для Калмыкии характерна миграционная убыль молодого населения. Эта тема очень актуальна — за последние годы опубликовано немало работ (по сравнению с исследованиями в других регионах Юга России), посвященных проблеме утечки молодых кадров. Ученые отмечают высокую степень невозвратной учебной миграции, особенно среди сельской молодежи, в качестве главных факторов — отсутствие рабочих мест, достойной заработной платы, возможности иметь собственное жилье, неразвитость социальной и досуговой сфер [Бадмаева 2021; Бадмаева, Натсак 2021]. Более того, важным является вопрос сохранения этничности калмыков — представители этноса, сменив место жительства на полиэтничную среду, постепенно утрачивают связь с традиционной этнической культурой [Намруева 2011: 90].

Республике Крым также свойственны проблемы миграции молодежи, однако стоит учитывать и привлекательность этого региона в качестве места жительства (географические условия, социально-экономический потенциал) и / или работы, в том числе ярко выраженный сезонный характер трудовой мобильности. Интересным представляется вывод, что при анализе социальных настроений крымчан, их реакции на современные вызовы, управления миграционными процессами с учетом особого социально-политического статуса данного региона немаловажным является изучение фактора гражданской идентичности, который оказывает влияние как на социальную динамику в целом, так и на миграционные настроения в частности [Габриелян, Зоткин 2024].

Краснодарский край является самой привлекательной точкой для переезда молодых людей — для образования или работы; временно, сезонно или постоянно. Географические, климатические, социально-экономические, культурные условия для жизни и самореализации молодежи в данном регионе гораздо лучше в сравнении с другими на Юге России. В то же время проблема миграции местного молодого населения является актуальной, хоть статистически и сглаживается за счет миграционного прироста из других субъектов Российской Федерации [Ракачев, Морозова 2022: 849]. Стоит отметить, что, согласно исследованиям, сравнительный анализ реакции молодежи Кубани и Крыма на миграционные изменения различаются. Молодые краснодарцы воспринимают этот процесс не таким конфликтным и этнически маркированным, как молодые крымчане, демонстрирующие конфессиональное и социокультурное размежевание и асимметричный характер этнических дистанций [Баранов и др. 2017: 13].

В Астраханской области ситуация с высокими показателями миграции старших групп молодежи отмечается на протяжении последних десятилетий. Отсутствие рабочих мест с достойной заработной платой — основная причина переезда выпускников вузов, а низкий уровень образовательных учреждений среднего профессионального и высшего образования или их отсутствие в селах и малых городах — для выпускников школ [Миронова 2017: 59–60].

В Волгоградской области молодежная миграция, как образовательная, так и трудовая, носит центростремительный характер.

Выпускники районных школ больше ориентированы на поступление в образовательные организации Волгограда, выпускники школ областного центра — на переезд в более крупные города с целью последующего устройства на работу. Безвозвратная миграция также характерна и для молодых людей старших групп, имеющих опыт работы в родном регионе [Болдина 2021: 108; Васильева, Данилова 2022: 140].

На протяжении нескольких лет молодежь Ростовской области ориентирована на переезд в другие, более крупные, города [Барков и др. 2013: 111]. Зафиксированы относительно высокие показатели миграционных потоков, и исходящие, и входящие, которые не оказывают деструктивного влияния на межнациональное согласие в регионе [Артамонова и др. 2019: 252–256].

6. Заключение

Миграция молодежи на Юге России носит асимметричный характер, тесно связана с общими трендами межрегиональной мобильности населения в целом. Анализ научной литературы, посвященной теме миграции молодежи, ее структуры, региональных особенностей, результаты социологических исследований позволяют сделать следующий ряд выводов, справедливых и для ситуации в южных российских регионах:

- миграция имеет центростремительную направленность: молодежь из сел переезжает в малые города, из районных населенных пунктов в областные центры, из провинции — в мегаполисы;
- определяющий фактор миграции — экономический;
- асимметрия социально-экономического развития регионов обостряет миграционную асимметрию;
- главные виды молодежной миграции — образовательная и трудовая, каждая из которых носит асимметричный характер;
- причины трудовой миграции молодежи в целом совпадают с мобильной мотивацией более старших групп населения, но особенности возраста, социально-экономического и демографического статуса делают ее более масштабной, повышают миграционный потенциал;
- миграционные настроения и стремления молодых людей обусловлены комплексом факторов, которые требуют научного ос-

мысления, мониторинга и учета при разработке миграционной политики;

– относительно высок потенциал асимметрии по разным показателям, влияющим на миграцию молодежи, как личностным (материальное благополучие, семейные ценности, локальная идентичность, этническая принадлежность и другое), так и связанным с развитием территории, оценкой жизненного пространства (климатические условия, экологическая ситуация, государственное и муниципальное управление, инфраструктура, развитие гражданского общества, культурная жизнь, этноконфессиональная обстановка и другое).

Перспективным представляется теоретический и эмпирический анализ асимметрии миграции как отдельной категории, ее структуры, особенностей; миграционных настроений и миграционных стремлений молодых людей во взаимосвязи с категориями жизненного пространства, этноса, конфессии, гражданской идентичности и другими; факторов, структуры и направленности образовательной и трудовой миграции молодежи и их взаимозависимости, влияния на развитие территории — мест выбытия и прибытия; связи со смежными процессами — гражданской солидарности, государственного и локального патриотизма и другими.

Литература

- Айрапетян и др. 2020 — *Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б.* Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // *Социология и право.* 2020. № 2 (48). С. 27–37.
- Андреева 2015 — *Андреева А. А.* Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 8. С. 18–20.
- Артамонова и др. 2019 — *Артамонова Я. В., Мищенко Д. Н., Узунова О. Ю., Люев А. Х.* Межнациональное согласие в сознании и повседневной культуре молодежи Ростовской области в контексте миграционных процессов на Юге России // *Гуманитарий Юга России.* 2019. Т. 8. № 5. С. 248–259.
- Бадмаева 2021 — *Бадмаева Н. В.* Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия // *Бюллетень Калмыцкого научного центра*

- РАН. 2021. № 1. С. 135–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145
- Бадмаева, Натсак 2021 — *Бадмаева Н. В., Натсак О. Д.* Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 186–205. DOI: 10.25178/nit.2021.4.14
- Баранов и др. 2017 — *Баранов А. В., Донцова М. В., Чигрин В. А.* Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодежи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 11. С. 10–14.
- Барков и др. 2013 — *Барков Ф. А., Посухова О. Ю., Сериков А. В., Страдзе А. Э.* Трудовое поведение молодежи: социологическая диагностика в контексте повышения эффективности региональной молодежной политики (на примере Ростовской области) // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. Т. 13. № 3. С. 106–112.
- Болдина 2021 — *Болдина М. Ю.* Образовательная миграция современной российской молодежи (региональный аспект на примере Волгоградской области) // Социология. 2021. № 5. С. 102–110.
- Васильева, Данилова 2022 — *Васильева Е. Н., Данилова Е. О.* Реализация миграционных установок молодежи Волгоградской области в условиях цифровизации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 136–145.
- Габдрахманов и др. 2022 — *Габдрахманов Н. К., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В.* Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116.
- Габриелян, Зоткин 2024 — *Габриелян О. А., Зоткин А. А.* Социально-психологическое самочувствие молодежи в Республике Крым: испытание кризисами // Власть. 2024. Т. 32. № 1. С. 131–137.
- Глазкова, Реш 2012 — *Глазкова Л. А., Реш О. В.* Социологический анализ миграционных процессов большого города // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 2. С. 1–13.
- Есикова и др. 2023 — *Есикова В. О., Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф.* Региональные особенности миграции молодежи в России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023. Т. 29. Ч. 2. С. 88–105.
- Макарова, Трушкова 2020 — *Макарова М. Н., Трушкова Е. А.* Обзор теоретических подходов к исследованию социально-демографической асимметрии территориального развития // Фундаментальные исследования. 2020. № 9. С. 67–72.
- Миронова 2017 — *Миронова Ю. Г.* Миграционные установки современной молодежи: региональный аспект // Социология города. 2017. № 4. С. 58–63.

- Мкртчян 2023 — *Мкртчян Н. В.* Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. — макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 3. С. 21–42.
- Намруева 2011 — *Намруева Л. В.* Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 2. С. 87–92.
- Ракачев, Морозова 2022 — *Ракачев В. Н., Морозова Е. В.* Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 827–855.
- Топилин 2019 — *Топилин А. В.* Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 7. С. 736–744.
- Трушкова, Макарова 2020 — *Трушкова Е. А., Макарова М. Н.* Социально-демографическая асимметрия развития территориальных образований: понятие и факторы асимметрии // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов. Т. I. Екатеринбург, 2020. С. 273–280.
- Юдина 2006 — *Юдина Т. Н.* Социология миграции. М: Академический Проект, 2006. 272 с.

Религиозность дагестанской молодежи

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова¹

¹ Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (д. 75, ул. Ярагского, 367030 Махачкала, Российская Федерация) доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник 0000-0003-1325-9452. Email: madina2405[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* Актуальность изучения современного состояния религиозности молодого поколения дагестанцев обусловлена множеством факторов, среди которых, во-первых, религиозная проблематика, обоснованно занимающая центральное место среди исследовательских проектов, во-вторых, увеличение количества культовых сооружений и появление мусульманских учебных заведений, которые охватывают большой пласт подрастающего поколения дагестанцев, в-третьих, изменение внешнего облика дагестанского мусульманина(-ки), в-четвертых, доминирование религиозных (исламских) постулатов в повседневной жизни дагестанца, в-пятых, активная деятельность исламского духовенства, их стремление участвовать в воспитательном, образовательном и политическом процессах современного Дагестана. *Цель* исследования — изучить религиозность и ее типы у молодого поколения дагестанцев. *Методика и методология* исследования. Изучение религиозности дагестанской молодежи осуществлено с применением методики измерения религиозности Ф. Н. Ильясова. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. в городах и районах Республики Дагестан методом случайного отбора. *Результаты.* В статье представлена аналитика типов религиозной самоидентификации молодого поколения дагестанцев, отмечена ассоциация подавляющей части респондентов с исламским вероисповеданием; исследование показывает существование подгрупп убежденно верующих, верующих, колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих среди дагестанской молодежи. Изучение религиозности дагестанской молодежи с использованием методики Ф. Н. Ильясова позволило установить существование несоответствия между обозначением личного отношения опрошенных в религии и религиозной практикой: респонденты при обозначении личной религиозности демонстрируют религиозное поведение, свойственное «колеблющимся», иными

словами, «чистые типы» религиозности в авторском исследовании не обнаружены. Верификация эмпирики показывает несоответствие между обозначенным подавляющей частью опрошенных отношением к религии («убежденно верующий») и личной культовой деятельностью. Гендерный, возрастной, образовательный срез анализа религиозности молодого поколения дагестанцев свидетельствует об их вовлеченности в исламские религиозные процессы: с одной стороны, приобщение к вероучению способно позитивно отражаться на нравственности, с другой — допускается возможность формирования в массовом сознании религиозной интолерантности.

Ключевые слова: религиозность, религиозная самоидентификация, религиозное поведение, культовая практика, исламские постулаты, дагестанская молодежь

Для цитирования: Шахбанова М. М. Религиозность дагестанской молодежи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 191–210. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-191-210

Religiosity of Dagestan Youth

*Madina M. Shakhbanova*¹

¹ Dagestan Federal Research Center of the RAS (75, Yaragsky St. Makhachkala, 367030 Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0003-1325-9452. Email: madina2405[at]mail.ru

Abstract. Introduction. The relevance of studying the current state of the religiosity of the younger generation of Dagestan is due to many factors, among which, firstly, religious issues quite reasonably occupy a central place among research projects, secondly, an increase in the number of religious buildings and the emergence of Muslim educational institutions that cover a large stratum of the younger generation of Dagestanis, thirdly, the change in the appearance of Dagestan. Fourth, the dominance of the religious (Islamic) postulates in the daily life of a Dagestani, fifth, the active work of the Islamic clergy, their desire to participate in the educative, educational and political processes of modern Dagestan. The *purpose* of the study is to obtain new sociological material about religiosity and its types among the younger generation of Dagestanis. *Methodology.* The study of the religiosity of Dagestan youth was carried out using the methodology of measuring the religiosity of F. N. Ilyasov. An empirical study was conducted in 2023 in the cities and districts of the Republic of

Dagestan by random selection. *Results.* The article presents the analysis of the types of religious self-identification of the younger generation of Dagestanis, the association of the overwhelming majority of respondents with the Islamic faith is noted; the study shows the existence of sub-groups of convinced believers, waverers, non-believers and convinced non-believers of Dagestan youth. The study of the religiosity of Dagestan youth using the methodology of F.N. Ilyasov allowed us to establish the existence of the discrepancy between the designation of the personal attitude of the respondents in religion and the religious practice: respondents, when labeling personal religiosity, demonstrate religious behavior characteristic of “vacillators”, in other words, “pure types” of religiosity were not found in the author’s study. The verification of empiricism shows a discrepancy between the attitude to the religion indicated by the overwhelming majority of respondents (“a convinced believer”) and personal cult activities. The gender, age, and educational cross-section of the analysis of the religiosity of the younger generation of Dagestanis testifies to their involvement in Islamic religious processes: on the one hand, familiarization with the doctrine can have a positive effect on morality, on the other hand, the possibility of forming religious intolerance in the mass consciousness is allowed.

Keywords: religiosity, religious self-identification, religious behavior, cult practice, Islamic postulates, Dagestan youth

For citation: Shakhbanova M. M. Religiosity of Dagestan Youth. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2024; 3: 191–210. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-191-210

1. Введение

Религиозное возрождение, начавшееся на волне перестройки, протекало очень сложно: во-первых, на смену атеистической идеологии довольно быстро пришла религиозная, во-вторых, можно было наблюдать неприятие и непонимание усиления веса конфессионального компонента в российском обществе, в-третьих, появление миссионеров, которые занялись распространением на канонической территории иного вероисповедания своего учения, в-четвертых, распространение эзотерических знаний и нетрадиционных верований, в-пятых, обострение религиозной ситуации на территориях, население которых исповедует ислам, когда под знаменами данного вероучения совершались террористические акты. Это далеко не полный перечень последствий религиозного возрождения. Кроме того, необходимо отметить, что возрождение

православия протекало мирно в отличие от ислама. Практически все мусульманские регионы России столкнулись с религиозным экстремизмом, убийством представителей духовенства и правоохранительных органов. Можно утверждать, что ситуация внутри Российского государства, потрясаемого социально-экономическим кризисом, политической нестабильностью, еще более ухудшали религиозные процессы. Видимо, сложность религиозного возрождения, в данном случае исламского, в определенной степени была обусловлена разрывом межпоколенных связей, когда советская власть в кратчайший период ликвидировала религиозное духовенство, культовые здания, разрушила религиозную преемственность. Предоставленная властью населению неконтролируемая свобода для приобщения к религии, обозначения религиозной идентичности, соблюдения культовой практики имела не только позитивные последствия, но и способствовала появлению деструктивных тенденций в общественной жизни: «принятие прогрессивного законодательства о свободе совести позволили религиозным организациям выйти из-под невольного состояния, а верующим свободно, без боязни исповедовать свою веру. Однако этот процесс ... чрезвычайно противоречив» [Мчедлов 2005: 38]. Поэтому вполне логичным является обращенность исследователей к религиозной проблематике, потому что в переломные периоды развития социума «популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает» [Кублицкая 1990: 95]. Иными словами, на смену атеистическому мировоззрению пришли «различные мистические и оккультные убеждения, потому что „атеизм“ превратился в бранное слово, а его приверженцам стали вменять в вину разрушение нравственности, вандализм по отношению к памятникам культуры и даже массовые репрессии. Главной причиной интереса к религии были не „положительные“ конфессиональные ценности, а противостояние прежней авторитарной, „принудительной идеологии“, стремление отстоять свою духовную, мировоззренческую автономию» [Митрохин 1995: 80].

Таким образом, можно утверждать, что возрождение религии способствовало фокусированию внимания религиоведов на различных аспектах данного процесса, в частности на исследовании религиозной идентичности [Юрасов, Павлова 2018; Рыжова 2019], рели-

гиозности [Кублицкая 1990; Каргина 2013; Баранников, Матронаина 2004]; отношения молодого поколения к религии, религиозным ценностям [Богатова 2011; Лебедев 2007; Мчедлов 2005] и др.

Следует отметить, что, несмотря на господство атеизма, в советский период исследования по религиозной тематике осуществлялись, может быть, это было обусловлено желанием власти контролировать степень религиозности советских людей, особенно носителей исламского вероисповедания, многие культовые действия в повседневной жизни (семейно-брачная и похоронная) мусульманами строго соблюдались. Подтверждением позиции автора являются методологические разработки по изучению секуляризации населения [Лебедев 1970; Балтанов 1973; Дулуман, Роменец 1974; Кобецкий 1978; Яблоков 1979; Угринович 1985; Пивоваров 2009; и др.], которые в той или иной степени затрагивали вопросы религиозности населения, активности / пассивности их культового поведения.

В рамках социологии религии на фоне изменения религиозности населения, культовой практики верующего и т. д. появились новые концепты исследования религиозной сферы и ее структурных компонентов, в частности «евросекулярность» [Berger, Davie, Fokas 2008], «новая парадигма» [Warner 1961; Finke, Stark 1986; Bainbridge 2007] «теория предложения» (supply-side theory) [Stark, Bainbridge 1985], график религиозности («Великий упадок») [Grant 2008], теория депривации [Исаева 2019; Casanova 1994; Casanova 2008], согласно которой «сегодня мы становимся свидетелями глобального процесса „деприватизации религии“, когда мировые религиозные традиции отказываются принять роль маргинальной приватизированной религии, предписанной им теориями секуляризации» [Руткевич 2017: 139].

Что такое религиозность? В научном сообществе имеется множество определений данного явления, которые в той или иной форме дублируют друг друга: религиозность есть «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп ... определенное состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [Угринович 1985: 127]. И. Н. Яблоков определяет религиозность как «социальное качество индивида и группы,

выражающееся в совокупности их религиозных свойств» [Яблоков 1979: 123]. Изучение религиозности заключается в установлении ее корреляции с культовой практикой, фиксацию «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» [Ильясов 1987: 51], ибо «определение критериев религиозности представляет серьезную проблему как теоретического и методологического, так и практического характера, вокруг которой ведут ожесточенные дискуссии» [Лебедев 2005: 153]. Методика измерения религиозности Д. М. Угриновича включает в себя 49 эмпирических признаков, которые позволяют определить тип религиозности человека [Угринович 1985: 143]; Ф. Н. Ильясов считает, что «необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак „вера“, другой — „отношение к религиозной (атеистической) деятельности“... по горизонтали размещают значения показателя „участие в религиозной (атеистической) деятельности“, по вертикали — „вера“ и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности» [Ильясов 1987: 51]; в концепции Н. П. Алексева ключевым индикатором диагностики религиозности выступает вера в существование Бога, такие параметры, как участие в богослужениях, отправление различных обрядов, которые нередко берутся за основу суждений о религиозной принадлежности, являются второстепенными [Алексеев 1967: 134]. А. А. Лебедев сформулировал типологию, согласно которой на одном полюсе располагаются убежденные верующие, ведущие религиозную пропаганду, а на другом — убежденные атеисты [Лебедев 1970]. Е. С. Кублицкая считает, что «для измерения уровня религиозности необходимо сочетать показатели, характеризующие религиозное сознание и поведение человека» [Кублицкая 1990: 97]. По мнению К. С. Дивисенко, «критерием религиозности является степень распространения маркированного религией пространства жизненного мира — в диапазоне от номинальной религиозности до изменения повседневной жизни» [Дивисенко 2011: 98]. Критерий воцерковленности обозначен М. С. Алексеевой и В. Ф. Чесноковой [Алексеева 2009; Чеснокова 2005: 11].

Рассмотрение религиозности конкретно взятой социальной группы, в данном случае дагестанской молодежи, требует учета специфических региональных черт, ибо «региональные особенно-

сти приобретают настолько важный характер, что зачастую служат основой взаимных обвинений в неверии. В связи с этим в научном плане определения критериев религиозности необходимо ввести понятие региональной исламской нормативности, которая в целом функционирует в рамках наиболее общих исламских критериев» [Абдулагатов 2020: 62].

Прежде чем анализировать уровень религиозности дагестанской молодежи, следует отметить, что в рамках социологии религии существуют 2 подхода понимания религиозности, о которых ранее было написано: *первое направление* усматривает религиозность через призму культовой практики, *второе направление* — через самоидентификацию. Последний индикатор критически воспринимается исследователями с доводом о необходимости существования согласованности между, с одной стороны, обозначением индивидом своего отношения к религии, с другой, соблюдения элементов религиозной практики.

2. Методология и методика исследования

Методологическую основу исследования составляет методика измерения религиозности Ф. Н. Ильсова. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. методом случайного отбора. Место проведения опроса: гг. Махачкала, Дербент, Кизилорт, Хасавюрт; Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол — мужчины 249 чел. (48,8 %), женщины — 261 чел. (51,2 %); б) возраст: 15–17 лет — 144 чел. (28,3 %), 18–25 лет — 173 чел. (34,0 %), 26–35 лет — 193 чел. (41,7 %); в) образование: неполное среднее — 74 чел. (14,4 %), среднее — 107 чел. (21,0 %), среднее специальное — 173 чел. (34,1 %), высшее — 156 чел. (30,5 %); г) отношение к религии: убежденно верующий — 198 чел. (38,8 %), верующий — 273 чел. (53,5 %), колеблющийся — 25 чел. (4,9 %), неверующий — 11 чел. (2,2 %), убежденно неверующий — 3 чел. (0,6 %) (N=510).

3. Результаты исследования

Авторская гипотеза построена на следующих тезисах: 1) религиозность человека базируется на религиозной идентичности,

на ассоциации с конкретным вероисповеданием; 2) для «истинно верующего» человека характерно: а) соблюдение 5 столпов ислама (шахада, намаз, ураза, закят и хадж), б) соответствие между тем, «что **должен** делать верующий человек» и «что **делает** верующий человек»; 3) соответствие между обозначением личного отношения к религии и культовой практикой.

Религиозность человека прослеживается через его личную самоидентификацию, т. е. последователем какого вероисповедания он себя считает; на первом этапе отношение к религии (верующий / неверующий) не будет иметь значения: данный параметр должен себя проявить при характеристике культовой практики (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» (варианты ответов даны в % от общего количества ответивших) [ПМА 2023]

Варианты ответов / Национальность	Ислам	Православие	Я не принадлежу никакой религии — я атеист
Аварцы	94,0	0,8	1,9
Даргинцы	93,4	0	6,6
Кумыки	96,4	0	0
Лезгины	90,7	0	3,7
Лакцы	91,7	0	8,3
Чеченцы	85,0	0	10,0
Другая	86,8	2,6	7,9
Всего:	92,9	0,6	3,7

Аналитика в этническом разрезе показывает, что подавляющая часть ассоциирует себя последователями исламского учения, при этом статистически незначимая доля является атеистами, среди них выделяется чеченская подгруппа (каждый десятый опрошенный). Через призму отношения к религии 81,5 % колеблющихся и одна треть в подгруппах неверующих и убежденно неверующих считают себя мусульманами.

В связи с вышесказанным важным является установление «образа истинно верующего человека», вернее его представление в общественном сознании молодого поколения дагестанцев (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Кого Вы считаете истинно верующим человеком?» (варианты ответов даны в % от общего количества ответивших) [ПМА 2023]

Приведенные социологические данные показывают, что для подавляющей части опрошенной дагестанской молодежи смысл выражения «истинно верующий» заключается в соблюдении «требований имана (вера в единого Бога, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)». Иман рассматривают как иррациональный определитель, когда «верующий должен искренно верить („верить сердцем“) в эти основополагающие установки ислама. Критерии этой искренности не имеют места ни в нормативном исламе, ни в науках, исследующих религиозность. В то же время они наиболее важны в определении религиозности как отдельного человека, так и религиозного сообщества» [Абдулагатов 2020: 61]. Эмпирический материал в полной мере подтверждает вышеприведенный тезис. Аналитика показывает уменьшение придерживающихся данного суждения с повышением возрастного интервала с 86,3 % в разрезе 15–17 лет до 78,9 % 26–35 лет. Среди убежденно верующих (93,4 %), верующих (84,7 %), колеблющихся (59,3 %) процентные показатели существенно выше в сравнении с подмассивом неверующих (25,0 %). Далее, по мнению одной шестой части респондентов по всему массиву, сре-

ди них 20,9 % в когорте убежденно верующих, 15,7 % верующих и 11,1 % колеблющихся, «верующим является человек, соблюдающий пост» (одно из обязательных предписаний в религиозном поведении мусульман). Далее важность выплаты религиозного налога обозначена каждым восьмым респондентом по всему массиву, и таковых больше в подгруппе убежденно верующих (16,3 %) и почти в 2 раза меньше даже в подмассиве верующих (9,7 %); почти равные части во всех возрастных и образовательных подгруппах, хотя среди респондентов со средним (12,3 %) и высшим (14,3 %) образованием их чуть больше, критерием причисления человека к когорте верующих считают выплату религиозного налога (закят) как обязательного постулата. Каждый девятый опрошенный по всему массиву подчеркивает обязательность совершения хаджа, хотя в данном аспекте есть существенное уточнение — паломничество может совершить человек, имеющий для этого достаточный уровень материального благосостояния. Авторское предположение о важности нравственного компонента в идентификации человека как верующего, результатами опроса не подтверждается: суждения «истинно верующим является нравственный человек независимо от своего отношения к вере» (6,1 %), «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» (7,7 %) и «нравственным человеком может быть только верующий человек» (2,2 %) практически не востребованы в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи. Недоумение вызывает и позиция убежденно неверующих — «нравственным человеком может быть только верующий человек» (33,3 %), поэтому возникающие вопросы: 1) логически из данного утверждения вытекает неправильное восприятие, согласно которому самоидентифицирующийся как неверующий, но при этом соблюдающий моральные законы и не выходящий за их рамки, не может считаться нравственным; 2) человек, ассоциирующий себя верующим, но пренебрегающий нравственными принципами, может в глазах окружающих считаться верующим, — к сожалению, остаются без ответа. В общественном сознании укоренилась установка отождествляющая веру и нравственность, т. е. соблюдающий религиозные постулаты изначально воспринимается исключительно с позитивной стороны и, наоборот, неверующий человек не может обладать моральными качествами и не является нравственным. По

мнению автора, следование, причем пунктуальное культовым практикам, не может быть бесспорным индикатором оценки морального поведения и нравственности человека.

Установление существующего у дагестанской молодежи понимания сути «истинно верующий человек» требует анализа личной идентификации респондентов. Информация на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» показывает, что 48,4 % опрошенной дагестанской молодежи по всему массиву считает себя «убежденно верующей, так как всегда соблюдает религиозные предписания и обряды». Анализ по социально-демографическим параметрам свидетельствует о превалировании придерживающихся данной точки зрения в мужском подмассиве (55,0 %), по сравнению с женским (38,4 %); далее — респонденты с базовым средним образованием, возрастные интервалы 15–17 лет и 26–35 лет причисляют себя к когорте «убежденно верующих» (больше половины опрошенных), в остальных образовательных подгруппах каждый второй, в подмассиве 18–25 лет процентный параметр существенно ниже (35,3 %). Логично, что ассоциирующие себя как убежденно верующие и обозначают себя как «убежденно верующий человек, так как всегда соблюдают религиозные предписания и обряды» (70,4 %). 28,0 % опрошенной дагестанской молодежи по всему массиву придерживается позиции «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдают религиозные предписания и обряды», и ее разделяют 26,4 % мужчин, женщин больше (30,5 %), процентные показатели больше в возрастном подмассиве 18–25 лет (34,7 %) и среди имеющих среднее специальное образование (35,4 %).

Отдельно стоит остановиться на анализе результатов через отношение к религии: 19,9 % опрошенных, считающих себя убежденно верующими, демонстрируют поведение, характерное когорте верующих, т. е. в тщательности соблюдения исламских постулатов не всегда «добросовестны». При этом 38,8 % из подгруппы верующих также характерен крен в сторону культового поведения, соответствующего подгруппе убежденно верующих, и с небольшой разницей они подчеркивают вариант ответа «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды» (36,6 %). Для статистически незначимой доли отношение к религии

заключается в самоидентификации «я верующий» при одновременной констатации полного отсутствия собственной религиозной практики (2,9 %), среди них одна девятая часть колеблющихся и каждый двенадцатый из подгруппы неверующих. Вариант ответа «я верующий человек, который исполняет основные предписания моей религии» ближе 17,9 % верующих, 11,1 % колеблющихся, 15,9 % в возрастной подгруппе 18–25 лет, 17,5 % 26–35 лет; с ростом образования опрошенных увеличивается доля разделяющих это суждение с 8,7 % имеющих базовое среднее образование до 19,6 % с высшим образованием. В когорте колеблющихся 22,2 % отметили суждение «скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», позиция «я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды» закономерно выбрана 25,9 % колеблющихся, 25,0 % неверующих, 33,3 % убежденно неверующих. Суждение «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха (Бога)» ближе одной трети респондентов, самоидентифицирующихся как неверующие и убежденно неверующие.

Таким образом, результаты на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» свидетельствуют о том, что подавляющая часть опрошенной дагестанской молодежи считает себя «истинно верующей» с аргументацией ведения культовой практики.

Приведенная выше эмпирика требует установления социально-демографического портрета молодого дагестанца через его отношение к религии (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение респондентов

по типу религиозности (варианты ответов даны в % от общего количества ответивших) [ПМА 2023]

Варианты ответов	Убежденно верующие	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Убежденно неверующие
Пол					
Мужчины	40,4	52,1	3,6	2,3	0,7
Женщины	35,5	52,7	7,9	2,5	0,5
Образование					

Базовое среднее	44,8	48,6	2,2	2,7	0,5
Среднее	39,0	47,6	10,2	3,2	0,5
Среднее специальное	31,6	60,8	3,8	1,3	0
Высшее	28,6	66,1	1,8	0	1,8
Возраст					
15–17 лет	42,4	48,6	5,4	2,9	0,4
18–25 лет	27,6	61,2	5,9	1,8	1,2
26–35 лет	50,9	45,6	1,8	1,8	0
Национальность					
Аварцы	49,6	46,2	1,5	1,9	0,4
Даргинцы	27,9	57,4	8,2	4,9	0
Кумыки	16,4	70,9	9,1	1,8	0
Лезгины	32,6	53,5	11,6	2,3	0
Лакцы	29,2	50,0	20,8	0	0
Чеченцы	40,0	50,0	5,0	5,0	0
Другая	23,7	63,2	5,3	2,6	5,3
Всего:	38,6	52,6	5,3	2,4	0,6

Приведенная таблица показывает доминирование когорты верующих, с заметной разницей располагается подгруппа убежденно верующих (одна треть), и статистически небольшая часть самоидентифицировалась как колеблющиеся, неверующие и убежденно неверующие. Анализ по социально-демографическому срезу констатирует доминирование убежденно верующих в подмассиве мужчин в сравнении с женщинами, а также в подгруппе с низким образовательным статусом (базовое среднее) при уменьшении процентного показателя с ростом уровня образования респондентов. При этом с возрастом увеличивается процент самоидентифицирующихся как убежденно верующие. Итак, приведенная в табл. 2 информация констатирует заметную вовлеченность молодого поколения дагестанцев в исламскую общину, доля колеблющихся и не допускающих существование Божественного начала в природе статистически небольшая; на обозначение отношения к

религии не оказывают влияния такие признаки, как образование и возраст, — опрошенная дагестанская молодежь, имеющая как низкий, так и высокий уровень образования, идентифицирует себя как верующая.

Изучение религиозности дагестанской молодежи требует установления согласованности, с одной стороны, осмысления ими выражения «истинно верующий», с другой, личной культовой практики и ее интенсивности (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?» (варианты ответов даны в % от общего количества ответивших) [ПМА 2023]

Варианты ответов / Отношение к религии	Я всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей	Я всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии	Я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии	Я вообще не принимаю участия в религиозных обрядах моей религии
Убежденно верующий	23,5	38,8	31,6	2,6
Верующий	15,3	25,7	38,4	7,1
Колеблющийся	7,4	3,7	37,0	37,0
Неверующий	16,7	0	0	75,0
Убежденно неверующий	0	33,3	0	66,7
Всего:	18,3	28,7	34,4	9,1

Изучение религиозности дагестанской молодежи осуществлено с применением методологии Ф. Н. Ильёсова, согласно которой существуют только «чистые», идеальные типы: 1) «убежденно верующий», который «всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей»; 2) «верующий» — «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»; 3) «колеблющийся» — «иногда участвует в некоторых религиозных

обрядов своей религии»; 4) «неверующий» — «вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии»; 5) «убежденно неверующий» — «участвует в атеистической работе» [Ильясов 1987: 52]. Однако на практике религиоведы сталкиваются с существованием типа верующих и неверующих, не вписывающихся в рамки перечисленных типов религиозности, что доказывает и проведенное нами социологическое исследование. Так, по религиозной активности «убежденно верующий» может оказаться в подгруппе «верующих» и «колеблющихся», «верующий» — «колеблющихся» и «неверующих», «колеблющийся» — «верующих» и «неверующих», «неверующий» и «убежденно неверующий» — «верующих» и «колеблющихся». Если обратиться к эмпирике, то приведенные данные свидетельствуют о превалировании в общественном сознании позиции «я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (34,4 %); по гендерной принадлежности доля таковых больше среди женщин (41,4 %) по сравнению с мужчинами (30,0 %). С повышением возраста уменьшается процентный показатель: 35,6 % в разрезе 15–17 лет, 36,5 % 18–25 лет, 22,8 % 26–35 лет, такая же картина прослеживается и по образовательному параметру: 42,1 % с базовым средним, 29,4 % со средним, 38,0 % со средним специальным, 21,4 % с высшим образованием. Обращает на себя внимание позиция опрошенных через призму отношения к религии: одна треть убежденно верующих, верующих и колеблющихся демонстрирует культовое поведение, присущее колеблющимся. Вторую позицию по всему массиву занимает суждение «я всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии» (тип культового поведения верующего), отмеченное одной четвертой частью по всему массиву. Верификация эмпирического материала демонстрирует несогласованность между самоидентификацией (типом религиозности) и реальным культовым поведением дагестанской молодежи: 30,0 % мужчин, 27,6 % женщин, 33,1 % в интервале 15–17 лет, 22,4 % 18–25 лет, 29,8 % 26–35 лет, 25,1 % с базовым средним, 37,4 % средним, 22,8 % со средним специальным, 23,2 % с высшим образованием. В разрезе отношения к религии одна треть убежденно верующих в религиозной практике ближе к типу верующих, доля собственно верующих, которым должен быть присущ именно этот тип религиозного поведения, составляет одну четверть. Это суждение ближе и каждому третьему обозначавшему

себя как убежденно неверующий. Вариант ответа «я всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей», соответствующий типу религиозной практики убежденно верующих, отмечен одной четвертой частью самоидентифицирующихся как убежденно верующие, каждым седьмым в подгруппе ассоциирующихся как верующие, и если позиция этих групп логична, то удивление вызывает выбор данного суждения подмассивом неверующих (каждый шестой респондент). Активное религиозное поведение, в сравнении, характерно мужчинам (23,1 %), женщин менее 10 %. По возрасту процентные показатели почти одинаковые (18,3 % в разрезе 15–17 лет, 17,1 % 18–25 лет, 17,5 % 26–35 лет). Образовательный уровень респондентов отражается на их уровне религиозности: так, религиозное поведение, характерное убежденно верующим, свойственно 21,9 % имеющих базовое среднее, 15,5 % среднее, 20,3 % среднее специальное образование, в когорте с высшим образованием доля существенно меньше (10,7 %). Такая установка, по мнению автора, обусловлена тем, что это поколение периода исламского ренессанса, когда в республике появился большой объем мусульманской религиозной печатной продукции, возможность ознакомиться с историей появления ислама, его основных положений, получения духовного образования как внутри страны, так и его продолжения в зарубежных мусульманских учебных заведениях и т. д. Характерное убежденно неверующим и неверующим религиозное поведение («я вообще не принимаю участие в религиозных обрядах моей религии») присуще подавляющей части респондентов в обеих подгруппах — 75,0 % и 66,7 %, соответственно, а также 37,0 % из подмассива колеблющихся. Резюмируя вышеприведенный материал, можно констатировать несоответствие типа религиозности опрошенной дагестанской молодежи их культовой практике, т. е. выделенные религиоведами «чистые типы» в реальности не встречаются по ряду причин. Иными словами, опрошенное молодое поколение дагестанцев при обозначении своего отношения к религии и классификация по религиозности (убежденно верующие, верующие, колеблющиеся, неверующие и убежденно неверующие) регулярно не соблюдает исламские предписания, т. е. не наблюдается активная религиозная практика.

Таким образом, проведенный анализ является основанием для типологии опрошенной дагестанской молодежи, и в ее основе ле-

жат 2 параметра: а) самоидентификация опрошенной дагестанской молодежи с вероисповеданием, б) культовое поведение. На основе эмпирического материала можно выделить 1) внеконфессиональную группу дагестанской молодежи, куда вошли респонденты, не самоидентифицировавшиеся ни с одним вероисповеданием: 3,7 % по всему массиву, по национальной принадлежности 1,9 % аварцев, 6,6 % даргинцев, 7,0 % лезгин, 8,3 % лакцев, 10,0 % чеченцев; 2) группа «традиционно верующие», обозначающая себя последователем исламского вероучения, причем процентные показатели существенные (92,2 %), и строго придерживающаяся культовой практики; 3) «номинально верующие», которые считают себя последователями ислама, самоидентифицируются как верующие, при этом обязательные предписания религиозного поведения не всегда соблюдаются или же носят нерегулярный характер; 4) группа, отметившая себя последователем иного вероучения: так, ассоциация с православием отмечена статистически незначимой частью по всем массиву (0,6 %), по этнической принадлежности 0,8 % аварцев и 2,8 % из подмассива «другие».

4. Заключение

Религиозная социализация в современном дагестанском обществе протекает очень активно, несмотря на господствовавшую ранее атеистическую идеологию: складывается ощущение, что религиозное духовенство пытается «наверстать упущенное время» и интенсифицирует процесс вовлечения населения в лоно вероисповедания. Если взрослое поколение, выросшее в советский период, несмотря на ограничение пространства для религиозной деятельности, благодаря ближнему кругу имело представление о базовых положениях исповедуемого вероучения (такая практика была распространена в сельской местности), то у поколения постсоветского периода появилась возможность получать в полном объеме религиозные знания. Данный процесс сопровождался и деструктивными тенденциями: массовое открытие религиозных (исламских) учебных заведений, в которых преподавали приезжие из арабских государств, отсутствие контроля со стороны государства за религиозным образованием привело к тому, что Российское государство столкнулось с религиозным экстремизмом и террористической де-

тельностью. Видимо, при надлежащей государственной религиозной политике вполне возможно было не допустить вовлечения молодежи в радикально настроенные организации. Религиозная ситуация в современном Дагестане свидетельствует о массовой религиозной социализации молодого поколения: основанием для данного утверждения является укрепление позиций исламского учения и религиозных деятелей в общественно-политическом пространстве республики, ориентированность населения с разной мотивацией приобщать детей к исламской религии. Верификация эмпирического материала показывает значимость религиозной самоидентификации и обозначение отношения к религии. Несмотря на несоответствие декларируемого отношения к религии и культовой практики дагестанской молодежи, исламское учение востребовано в их общественном сознании. Усиление позиций мусульманства в общественной жизни может иметь негативные последствия, в частности, противопоставление положений ислама светским законам и государственному обустройству, обозначение чувства сопричастности с единоверцами, что, например, проявилось в событиях в аэропорту Махачкалы. Реалии свидетельствуют об ослаблении секулярного сознания, соответственно, приобщение населения к религиозному мировоззрению, его ценностям и постулатам осуществляется в условиях десекуляризации современного дагестанского общества. Можно прогнозировать вектор развития дагестанского общества с доминированием исламского компонента.

Источники

ПМА 2023 — Полевые материалы автора: результаты опроса 2023 г.

Литература

- Абдулагатов 2020 — *Абдулагатов З. М.* О критериях религиозности в исламе // *Исламоведение*. 2020. Т. 11. № 3. С. 57–71. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-57–71
- Алексеев 1967 — *Алексеев Н. П.* Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 3. М.: Мысль, 1967. С. 131–150.
- Алексеева 2009 — *Алексеева М. С.* Воцерковленность как показатель религиозности // *Социологические исследования*. 2009. № 9. С. 97–102.
- Балтанов 1973 — *Балтанов Р. Г.* Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания: (Проблемы конкретно-социоло-

- гического анализа религии и атеизма в СССР). Казань: Казан. ун-т, 1973. 248 с.
- Баранников, Матронина 2004 — *Баранников В. П., Матронина Л. Ф.* Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 102–107.
- Богатова 2011 — *Богатова О. А.* Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 114–122.
- Дивисенко 2011 — *Дивисенко К. С.* Религиозность в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
- Дулуман, Роменец 1974 — *Дулуман Е. К., Роменец В. А.* Мотивация верующими своей религиозности и вопросы индивидуальной работы // Индивидуальная работа с верующими. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1974. С. 82–90.
- Ильясов 1987 — *Ильясов Ф. Н.* Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50–55.
- Исаева 2019 — *Исаева В. Б.* Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 31–50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
- Каргина 2013 — *Каргина И. Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115.
- Кублицкая 1990 — *Кублицкая Е. А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
- Кобецкий 1978 — *Кобецкий В. Д.* Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Ленинград. ун-т, 1978. 118 с.
- Лебедев 1970 — *Лебедев А. А.* Секуляризация населения социалистического города // К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества) / отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970. 278 с.
- Лебедев 2005 — *Лебедев С. Д.* Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153–168.
- Лебедев 2007 — *Лебедев С. Д.* Отношение учащейся молодежи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 87–97.
- Митрохин 1995 — *Митрохин Л. Н.* Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 79–81.
- Мчедлов 2005 — *Мчедлов М. П.* Религиозны ли молодые россияне // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2 (74). С. 38–45.
- Пивоваров 2009 — *Пивоваров Д. В.* Онтология религии. СПб.: Владимир Даль, 2009. 504 с.
- Руткевич 2017 — *Руткевич Е. Д.* Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник

- Института социологии. 2017. № 8 (1). С. 132–161. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.447
- Рыжова 2019 — *Рыжова С. В.* Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 49–58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
- Угринович 1985 — *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 270 с.
- Чеснокова 2005 — *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 296 с.
- Юрасов, Павлова 2018 — *Юрасов И. А., Павлова О. А.* Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7 (125). С. 24–29.
- Яблоков 1979 — *Яблоков И. Н.* Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.
- Bainbridge 2007 — *Bainbridge S. W.* Across the Secular Abyss: From Faith to Wisdom. Lanham: Lexington Books, 2007. 306 p.
- Berger, Davie, Fokas 2008 — *Berger P., Davie G., Fokas E.* Religious America, Secular Europe? Ashgate, Great Britain, 2008. 168 p.
- Casanova 1994 — *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. The University of Chicago Press, Chicago, London, 1994. 320 p.
- Casanova 2008 — *Casanova J.* Public Religions Revisited. Religion: beyond the Concept. Ed. by Hent de Vries, Fordham U. P., 2008. Pp. 101–119.
- Finke, Stark 1986 — *Finke R., Stark R.* Turning Pews into People: Estimating Nineteenth-Century Church Membership // Journal for the Scientific Study of Religion. 1986. No. 25. Pp. 180–192.
- Grant 2008 — *Grant T.* Measuring aggregate religiosity in the United States, 1952–2005. Sociological Spectrum: Mid-South Sociological Association. 2008. No. 28(5). Pp. 460–476.
- Stark, Bainbridge 1996 — *Stark R., Bainbridge S. W.* Religion, Deviance, and Social Control. New York, 1996. 213 p.
- Warner 1961 — *Warner W. L.* Family of God: A Symbolic Study of Christian Life in America. New Haven: Yale University Press, 1961. 451 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2024. № 3

Переводчик: *Номинханова Б. О.*
Компьютерная верстка: *Когданов А. Н.*

Дата выхода 30.09.2024. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 100 экз. Заказ 29-24.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8